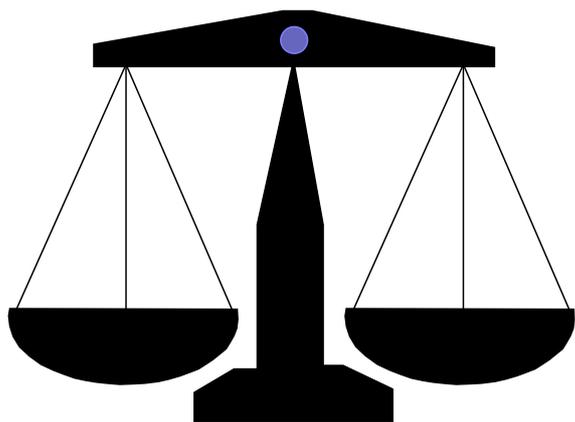

ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

Выпуск 5

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Тамбовский государственный технический университет"

**ВОПРОСЫ
ПРАВОВЕДЕНИЯ**

**Сборник научных трудов
юридического факультета**

Основан в 1999 году

Выпуск 5

Тамбов
Издательство ТГТУ
2005

ББК Х.я43
В74

Редакционная коллегия:

Заслуженный юрист РФ, проф. **В.В. Назаров**;
проф. **С.А. Есиков** (ответственный редактор);
проф. **В.В. Никулин**; проф. **В.Н. Чернышов**;
Н.Н. Мочалин; **М.А. Евсейчева**

В74 Вопросы правоведеия: Сборник научных трудов юридического факультета / Под общ. ред. С.А. Есикова, В.В. Никулина; Тамб. гос. техн. ун-т. Тамбов, 2005. Вып. 5. 132 с.

В сборнике представлены работы, составленные по материалам преподавателей, аспирантов и студентов-исследователей ТГТУ.

Статьи отражают современное состояние исследований как в общих вопросах юриспруденции, так и в вопросах, связанных с компьютерными преступлениями, информатизацией правовой деятельности и т.д.

Сборник рассчитан на научных работников, правоведов, аспирантов и студентов юридических специальностей.

ББК Х.я43

ISBN 5-8265-0430-7
©

Тамбовский государственный
технический университет
(ТГТУ), 2005

Научное издание

ВОПРОСЫ ПРАВОВЕДЕИЯ

Сборник научных трудов юридического факультета

Выпуск 5

Редактор Е.С. Мордасова

Инженер по компьютерному макетированию Т.А. Сыикова

Подписано к печати 12.12.2005.

Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Объем: 7,67 усл. печ. л.; 7,45 уч.-изд. л.

Тираж 200 экз. С. 871^М

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ПРИНЦИП ГАРМОНИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УЧЕНИИ ПЛАТОНА ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Государственный этап развития человеческой цивилизации начинался в условиях противостояния нового типа власти (государственной власти) и социальной организации, меняющегося первобытного общества. В политической культуре того времени государственные интересы только начинают выделяться как нечто самостоятельное и отличное от интересов общества, хотя до окончательного разделения было еще далеко, так как управленческий аппарат все еще содержал значительные элементы общинного самоуправления. Тем не менее, государственная власть сразу же начала формировать в структуре общественных связей свои особые властно-публичные политические отношения, основой которых стали новые принципы взаимодействия между личностью, обществом и государством.

Древнегреческие полисы являются наиболее удачной иллюстрацией этого процесса. Ведущую роль в организации публично-властных отношений и развитии политико-правовой системы этих государств играло Народное собрание (Экклесия), Совет (Буле) как орган исполнительной власти (с некоторыми контрольными функциями) и система магистратур, подотчетных Народному собранию и Совету. Магистратуры осуществляли оперативное управление различными сферами жизни античного общества на основе существовавших правовых норм и обычаев. В судебной системе важнейшее место занимал Народный суд (Гелиэя).

В период утверждения демократии Народное собрание стало высшим законодательным, избирательным, контролирующим и обвинительным органом. Решения Экклесии не подлежали контролю и утверждению. В промежутках между созывами экклесии, подготавливая дела к очередным заседаниям и контролируя деятельность должностных лиц, непрерывно функционировал своеобразный президиум народного собрания – Совет пятисот, правительство Афинского государства.

Суд присяжных Гелиэя можно считать органом народовластия, который состоял из шести тысяч человек и защищал государственный демократический строй, выносивший приговоры об остракизме (изгнании), лишении гражданских прав, конфискации имущества без права обжалования.

Все вышеперечисленные элементы античной демократии, с точки зрения современной теории государства и права, не являются полноценными частями государственного механизма. Законодательные, исполнительные и судебные органы, несмотря на свое структурно-функциональное назначение и государственно-управленческую сущность, все еще напоминали догосударственные формы организации и осуществления власти.

Другим подтверждением этого вывода является анализ государственно-властных субъектно-объектных отношений. Современная политология в качестве субъекта, носителя государственной власти, признает политическую элиту, контролирующую государственный аппарат и формирующую основные функции государства¹. Являлось ли греческое Народное собрание средством реализации исключительно целей и задач политической элиты? Насколько позволяют судить наши сведения о политической истории Древней Греции, Экклесия представляла собой совокупность граждан, которым принадлежала вся полнота верховной законодательной, исполнительной и судебной власти. Поэтому, с современных позиций, Народное собрание не входит в систему государственной власти, оно находится как бы над ней, и поэтому скорее (хотя это и покажется модернизацией) может быть определено как источник государственной власти². Такая модель организации власти отражает сущность прямой демократии как особой формы государственно-правового режима, которая характеризуется значительным влиянием догосударственных социальных регуляторов. В Древней Греции политическая элита не обладала всей полнотой власти (полнотой контроля государственного аппарата), а потому была сильно зависима в выборе средств воздействия на общество от консолидированной воли народа, выражавшейся в институтах прямой демократии. Государственные деятели были первыми среди равных, в отличие, например, от современных политиков, которые являются скорее избранными, чем равными (что особенно характерно для российской политико-правовой традиции).

Естественно, что особенности организации государственно-властных отношений и политико-правовой уклад древнегреческого общества не могли не повлиять на духовный мир нации, на становление и развитие философского мировоззрения. Можно долго спорить о том, что чему предшествовало: политическая система породила культурный феномен, или выдающиеся достижения духа и разума эл-

линистической цивилизации сформировали основы уникального государственно-правового режима, главные ценности которого не только не теряют своей актуальности, а с течением времени становятся все более и более значимыми. Очевидна несомненная взаимообусловленность древнегреческой политической и культурной жизни, их глубокая связь и взаимное дополнение.

Наиболее полно обоюдное влияние политики и культуры отразилось как на теоретическом представлении древних греков о сущности государства и права, так и на философском знании в целом. Реальные эпизоды политической практики служили фактическим материалом для научного обобщения, а философские и политико-правовые учения нередко выступали в качестве политических программ. Поэтому изучение древнегреческих политико-правовых концепций позволяет более точно и полно описать все особенности и закономерности эволюции системы основных ценностей нашей цивилизации и является необходимым дополнением к познанию мировой политической истории.

Одним из основателей политической науки был потомок знатного аристократического рода афинянин Платон, сын Аристана и Периктионы. По материнской линии род Платона велся от Солона, а свое прозвище – Платон (широкий) он получил, когда занимался гимнастикой у борца Аристана из Аргоса. Как свидетельствует Диоген Лаэртский, прежде Платона звали Аристокл, по имени деда.

Политические взгляды Платона формировались в условиях прогрессирующей нестабильности афинского общества и всей политической системы классического полиса. Основной причиной этого кризиса было явное противоречие между внешней формой выражения власти и ее фактическим содержанием. Политические институты прямой демократии к тому времени практически полностью исчерпали себя. Демократические традиции повсеместно вытеснялись произволом аристократических и олигархических элит. Древнегреческая государственность эволюционировала, постепенно менялось качество политической системы, она становилась все более сложной, прежние социальные регуляторы перестали выполнять свои функции. Требовалась срочная модернизация государственной власти, общества, перестройка мировоззрения личности.

Решению этой задачи посвящено учение Платона об идеальном государстве. Большинство исследователей творчества философа предпочитают называть разработанную им модель государственности – теорией совершенного государства. Самыми значимыми работами Платона являются: «Государство», «Политик» и «Законы».

Наиболее полное и объективное представление о концепции идеального государства можно получить лишь в контексте изучения всей философской системы Платона.

Для решения этой задачи необходимо понять: какой смысл вкладывался в понятие «совершенное» или «идеальное» государство. Ответ на этот вопрос связан с анализом онтологического содержания категории «совершенство», исследованием трактовки этого термина в древнегреческой философии. Эта проблема решалась с точки зрения двух подходов. Во-первых, под совершенством понималась идея высшего порядка, абсолютное, идеальное воплощение содержания вещи или явления. Во-вторых, совершенство определялось как высшая степень согласованности, лаконичности, простоты, гармоничности.

Можно предположить, что последняя трактовка совершенства наиболее точно передает смысл теории идеального государства. Согласно Платону, в каждой вещи вечна и неизменна идея, тенью или отражением которой вещь является. Для всякой вещи высшее благо заключается в том, чтобы быть, и быть самим собой в самой высокой и совершенной степени, именно к этому состоянию стремится все сущее. Кроме того, подлинно сущим может быть только тождественная себе, постоянная дискретная идея, а все, что развивается, имеет неопределенный вид и форму – несамостоятельно и относительно в своих проявлениях.

Основной отличительной чертой платоновской идеи, помимо определенности (дискретности), является простота. Идея неизменна, следовательно, вечна. Отчего эмпирические вещи тленны? – Оттого, что сложны. Уничтожение и гибель – это разложение на составные части. Следовательно, нетленно то, что не имеет частей³. Если идеи – основа бытия и они дискретны и едины, то простота, неделимость и единство – основные характеристики совершенства.

Другим измерением простоты – совершенства является гармония как организованность, единство космоса, в противоположность хаосу и сложности. В греческой философии под гармонией понималось слияние элементов в единое целое. Суть гармонии заключается во взаимообусловленности и единстве элементов. Простота не может быть выражена множественностью, сложность – главный признак хаоса.

Косвенным подтверждением тождественности гармонии и совершенства является этимология гармонии как термина. Первоначально гармонией обозначалась «музыка сфер». Под гармонией сфер понимается учение о музыкально-математическом устройстве космоса, характерное для пифагорейской и платонической традиции (миф об Эре в 10-й книге «Государства»). Душа и «земные» идеи считались изоморфными гармонии космоса, земная лира была точным отображением лиры небесной, а игра на ней – приобщение к гармонии Вселенной и приготовлением к возвращению на астральную прародину⁴. Платон воспринимал государство как музыкальный инструмент, качество игры на котором зависело от правильной настройки в соответствии с законами всемирной гармонии и критериями совершенства.

Итак, Платон воспринимал мир как божественный порядок, и государственная организация общества была для него частью божественного замысла. Основопологающей идеей Платона выступает идея справедливого порядка и гармонии. Практике властного произвола Платон противопоставляет принцип порядка и простоты государственного устройства, основу которого составляет идея высшей справедливости, выраженная в согласованности и единстве трех начал: в постоянстве и божественности мироздания, разумной организации государственной жизни и гармоничном развитии человека.

В теории «совершенного» государства Платона одновременно воплотились исторический опыт древних греков, и политические реалии того времени. Сущность греческого полиса согласуется с понятием расширенной общины, где самоуправление преобладает над авторитарной, централизованной властью, поэтому в первобытном обществе не было насущной необходимости разрабатывать средства ограничения социальной власти, основанной на авторитете лидера и общем, коллективном интересе. Может быть закономерно то, что именно в таком обществе, где существовала взаимозависимость личности и власти, где гражданская свобода была одной из основных ценностей, родилась идея гармоничного государственного устройства, основанного на принципах справедливости.

В своей доктрине государственного управления Платон решительно высказывается против стихийности и жестокости в борьбе за власть и государственные должности, отказывается от принуждения и подавления как единственных методов поддержания установленного государственного правопорядка. В идеальном государстве каждый должен знать свое место и выполнять строго определенную функцию. При распределении социальных ролей исключается насилие и несправедливость, просвещение и воспитание выступают в качестве основных методов управления обществом. По мнению Платона, основу государственности должны составлять добродетель и порядок – это те принципы, которым должно быть подчинено все в государстве и обществе, только так можно добиться гармонии и совершенства. «Каждого из граждан надо ставить на то одно дело, к которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему подобает, каждый представлял бы собою единство, а не множество: так и все государство в целом станет единым, а не множественным»⁵.

Гармоничное единство идеального государства обусловлено сочетанием четырех добродетелей: мудрости, мужества, рассудительности, и справедливости, оно мудро своими философами, мужественно – стражами и рассудительно – повиновением людей физического труда. Каждое из трех указанных сословий должно быть заинтересовано в сохранении установленного порядка, так как только при взаимном дополнении возможно достижение общественного блага и всеобщего благоденствия. Само появление государства Платон связывает с необходимостью удовлетворения потребностей человека: «Государство возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить себя сам, но во многом еще нуждается. ...Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь...»⁶.

Другой, не менее важной функцией государства и права является защита личности от несправедливости: «люди...нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы не творить несправедливости и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор»⁷. Договорная основа государства и права должна гарантировать соблюдение возможно большего количества индивидуальных интересов – именно в этом заключается цель создания государства и основная причина его возникновения.

По мнению Платона, государство обладает не только политической природой, но и определенным нравственным (этическим) содержанием, оно может быть справедливым: «Справедливость может быть свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству»⁸. Что же делает государство справедливым? В четвертой книге «Государства» дается объяснение справедливости через понятие гармонии и единства, выражающихся в слаженной деятельности представителей всех сословий: «Между тем государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело»⁹. Далее Платон сравнивает сословия с «тремя основными тонами созвучия», которые вместе образуют гармоничное единство, поэтому все действия направленные на сохранение этого единства будут прекрасными и справедливыми, а действия разрушающие гармонию –

безобразными и несправедливыми. Все явления и события должны оцениваться в соответствии с этим критерием.

Свобода и равенство также не являются исключением. Рассуждая об этих категориях, Платон раскрывает их содержание через описание идеи сбалансированного, гармоничного и, в конечном счете справедливого государственно-правового режима. Надо признать, что в «Государстве» дана более негативная, чем позитивная оценка демократии¹⁰. Платон предостерегает современников от чрезмерного увлечения идеями равенства и свободы, так как, по его мнению, в своих абсолютных проявлениях они не менее опасны, чем произвол и беззаконие: «Чрезмерная свобода и для отдельного человека, и для государства оборачивается ни чем иным, как чрезвычайным рабством»¹¹. Абсолютная свобода может привести к разрушению «правильной» системы управления, основанной на принципах целесообразности и гармонии: «Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов. Правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все?... Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе»¹². В таком обществе под равенством понимается примитивная уравниловка: «Эти и подобные свойства присущи демократии – строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и неравных...»¹³. В итоге, избыток свободы и нарушение несправедливой уравниловкой принципов гармоничной организации государственной власти приводят к перерождению демократии в тиранию.

Концепция совершенного государства, разработанная Платоном, была по меркам того времени выдающимся достижением теоретической мысли, и, пожалуй, первым сочинением, дошедшим до нас не в кратких отрывках, цитируемых другими, а в полном авторском изложении.

На протяжении многих столетий до и после Платона в публично-властных отношениях господствовала модель жесткой, основанной на грубой силе, авторитарной власти, так как за незначительным исключением человечество не знало других способов и средств организации государственно-властных отношений. Очень часто политические режимы приобретали формы деспотии, а первые демократии в конце концов превращались в империи. Жесткое, а порой жестокое давление власти на личность заставляло общество искать средства противодействия произволу со стороны государства. Поэтому закономерно то, что идея ограничения, сдерживания негативных свойств и проявлений власти стала основной темой, главным вектором развития гуманитарной науки. Этой проблеме, в той или иной степени посвящены труды многих великих философов, политиков, юристов, историков.

В своей теории идеального государства Платон не только разработал модель совершенного общества, но и критически осмыслил содержание основных политико-правовых категорий. Однако проблему контроля государственной власти он решает с чисто идеалистических позиций: предлагая ограничить сферу публичной власти моральными рамками. Несмотря на это, идея гармоничного государства, возникшего в результате сочетания четырех начал: мудрости, мужества, рассудительности и справедливости, обрела общечеловеческое значение и сохранила свою безусловную актуальность до нашего времени.

Примечания:

¹ Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: Учеб. пособие. М., 2002.

² Любашиц В.Я. Теория государства и права. М., 2002. С. 210.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3. С. 240.

⁴ Там же. Т. 1. С. 483.

⁵ Теория государства и права: Хрестоматия: В 2 т. М.: Юристъ, 2001. Т. 1. С. 348.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Антология мировой и политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 87.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Характеристика Платоном демократии больше похоже на описание охлократии, причем с явными признаками разложения системы государственного управления.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 102.

¹³ Там же. С. 101.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Древнегреческое идейно-теоретическое наследие оказало огромное влияние на становление и дальнейшего развитие государственности и мировой правовой культуры. В Древней Греции была создана, а позднее в римской политико-правовой практике доведена до определенной степени завершенности система политико-правовых принципов и категорий, которые составляют основу современного мировоззрения. Принципиально важно отметить уникальность античной интерпретации личности и гражданского общества, понимание особенностей их взаимодействия с государством и отдельными его институтами. Впоследствии такое восприятие всего социального стало отправной точкой и одновременно ориентиром для западноевропейской политической и правовой культуры.

Все категории, входящие в систему ценностей древнегреческой цивилизации, объединяет общий источник возникновения. Таким источником является демократическое устройство первых государств-полисов и мифологическое представление о божественной природе законов социального общежития, основанных на принципе справедливости. В то время правом признавалось только такое притязание, которое соответствовало понятиям о справедливости. Развитие древнегреческой правовой мысли происходило в контексте поиска естественноправовой связи полиса-государства и личности на основе принципов справедливости, равенства и гражданской свободы.

Одним из первых идею о глубокой связи справедливости, полиса и закона высказал в своих поэмах «Теогония» и «Труды и дни» Гесиод (VII в. до н.э.). Как отражение космического порядка и божественного разума трактовал полис и его законы Гераклид (VI – V вв. до н.э.).

Полис и закон – это, по Гераклиту, нечто общее, одинаково божественное и разумное по их истокам и смыслу. Нарушение закона является действием, противным божественной гармонии и законам справедливости, поэтому: «Преступление должно тушить скорей, чем пожар».¹ С учетом последующей эволюции правовой мысли можно сказать, что к гераклитовской концепции восходят все те доктрины античности и нового времени, которые под естественным правом людей понимают некое разумное начало (форму проявления всеобщего разума), подлежащее выражению в позитивном законе.²

Категория формального равенства или равной меры дозволенного и запрещенного встречается в учении пифагорейцев, считавших, что сущность справедливого устройства общества заключается «в воздаянии другому равным»³. Понятие равенства и соответственно справедливости пифагорейцы описывали числовой пропорцией, т.е. неким соотношением определенных параметров. Например, с точки зрения Солона (VII – VI вв. до н.э.) как политика такими параметрами были: закон, право и сила. Последние два элемента определяли закон как требование правового равенства свободных граждан полиса. Это равенство имело два измерения: равенство в правах, и равенство перед законом.

Впервые идея равенства и свободы всех людей была высказана софистами (V – IV вв. до н.э.). Принципиально новым в их учении было понимание человека как меры всех вещей, в том числе и справедливости. Эта идея наиболее четко была сформулирована Протагором: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих».⁴ Такая трактовка резко отличалась от традиционного представления о божественном начале как единственной мере равенства и справедливости. Протагор прямо подвергал сомнению существование богов. Одно из своих сочинений он начинает следующим образом: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует этому знанию...».⁵

Тема самоценности и автономии человеческой личности получила свое продолжение в творчестве Сократа, который определял уникальность человека через понятие личной свободы. В его учении свобода выступала в двух ипостасях: как внутреннее измерение личностных качеств или добродетели, и как независимость от внешнего мира. Интересно, что внутренняя свобода для Сократа определялась законами природы, а не персонифицированными божественными сущностями.

Когда ему сказали: «Афиняне тебя осудили на смерть», он ответил: «А природа осудила их самих»⁶ – Сократ поставил высший закон справедливости намного выше несовершенных людских правил, так как с его точки зрения они не соответствуют представлениям о добродетели, поэтому он и не

подчинился им. Важно то, что выбор был сделан сознательно. Ценою своей жизни Сократ доказал возможность альтернативы: либо человек идет по пути истины и духовного совершенствования, либо он живет по законам земного бытия. Этот принцип свободной неотчуждаемой воли в дальнейшем станет важнейшей политико-правовой категорией, элементом мировоззренческой основы современной цивилизации.

Для Сократа и его последователей свобода и добродетель представлялись абсолютными ценностями, которые ничем не могли быть ограничены. «Кто добродетелен, тот выше людского суда».⁷ Дошедшие до нас фрагменты творчества и сама судьба философа служат замечательным подтверждением искренности его убеждений.

Платон, ученик Сократа, развивает его идеи о справедливости, равенстве и добродетели. Справедливость он определял как «надлежащую меру», т.е. определенное равенство в процессе социального обмена, то же самое по его мнению относится и к праву. Наибольшей оригинальностью отличается его концепция идеального государства.

В творчестве Платона впервые была четко и однозначно сформулирована цель развития государственности. Такой целью стала гармония – совершенная организация политической власти на основе единства мудрости, мужества, рассудительности и справедливости.

Огромный вклад в дальнейшую разработку политико-правовых принципов античного мира внес Аристотель, с именем которого связано возникновение политической науки. Его учение носит многоплановый характер и касается практически всех сфер общественной жизни. В работах Аристотеля подчеркивается особая значимость социального начала человеческой природы, безусловная зависимость личности от общества. Эта связь определяется прежде всего потребностью в общении с другими членами коллектива.

С точки зрения Аристотеля государство является продуктом эволюции семьи, при этом делается вывод о естественной, природной сущности государства. «Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении сказывается природа. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое».⁸

Основным качеством свободного гражданина полиса считалось его право и обязанность участвовать в управлении государством, что было несомненным достижением политической культуры того времени. Аристотель прямо говорил: «Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и народном собрании».⁹ Еще большее значение, чем само это правило, имело следствие такой «встроенности» личности в систему властно-публичных отношений. Такая деятельность налагала значительную долю ответственности на каждого, кто участвовал в государственных делах. Позднее тезис о гражданской ответственности гражданина перед обществом и страной станет основным положением теории правового государства. Корни этого принципа находятся в уникальной политико-правовой культуре Древней Греции.

Другим существенным вкладом Аристотеля в становление концепции прав человека и правового государства, является его разработка и определение содержания принципа формального равенства – базового принципа многих правовых систем современной цивилизации. «Равенство – пишет он, – состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны».¹⁰ Таким образом утверждалась идея применения равного масштаба к разным субъектам.

Однако, отрицая деление людей по имущественному признаку, Аристотель оправдывал рабство. С его точки зрения рабское состояние человека определялось самой природой: «Одни люди по своей природе свободны, другие рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо».¹¹ Обрести подлинную свободу человек может лишь в политическом, государственноорганизованном обществе, где его политический статус и гражданские права будут гарантироваться силой государства и закона.

Идея о зависимости естественных прав человека от политического (гражданского) состояния личности получила свое продолжение в творчестве Эпикура (341 – 270 гг. до н.э.).

Все властно-официальные отношения в государстве, основанные на принципах справедливости и естественного права, согласно Эпикуру, должны носить договорный характер: «Естественное право есть договор о пользе, цель которого не причинять и не терпеть вреда».¹² Поэтому субъекты, не

включенные в систему договорных обязательств, не могут обладать политическими правами и свободами граждан, и соответственно к ним не применяются общепринятые нормы морали и справедливости. «По отношению к тем животным, которые не могут заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда, нет ни справедливости, ни несправедливости, – точно так же, как и по отношению к тем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда».¹³ Для того, чтобы быть свободным субъектом государственно-властных отношений и требовать по отношению к себе соблюдения законов справедливости, человек должен сознательно взять на себя ответственность за выполнение аналогичных требований по отношению к другим членам общества.

Само понятие справедливости трактуется Эпикуром с точки зрения полезности и целесообразности социального взаимодействия свободных членов общества, состоящих в договорных отношениях друг с другом: «В целом справедливость для всех одна и та же, поскольку она есть польза при взаимном общении людей. Справедливость не существует сама по себе; это – договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается».¹⁴

Важнейшим положением учения Эпикура в области государства и права, является разделение им законов по содержанию, в соответствии с критериями справедливости и пользы: «Из тех действий, которые закон признает справедливыми, действительно справедливо только то, польза чего подтверждается нуждами человеческого общения, будет ли оно одинаково для всех или нет. А если кто издаст закон, от которого не окажется пользы в человеческом общении, такой закон по природе уже будет несправедлив».¹⁵ В своих «Главных мыслях» Эпикур предлагает критерий оценки сущности и содержания законов: «Где без всякой перемены обстоятельств оказывается, что законы, считающиеся справедливыми, влекут следствия, не соответствующие нашему предвосхищению о справедливости, там они и не были справедливы» («Главные мысли», гл. XXXVII). Понятие о справедливости выступает не только в качестве критерия оценки сущности закона, но и результата его применения.

В заключение необходимо сделать несколько обобщающих выводов:

1 Уникальная политическая и правовая культура Древней Греции стала той средой, в которой сформировались основные ценности и категории современной цивилизации. Дальнейшее прогрессивное развитие государственно-правовой действительности доказало правильность этого выбора. Демократическая форма реализации власти в греческом полисе стала реальной альтернативой произволу и грубому насилию как основным методам управления и организации государства.¹⁶ Представление о свободе, равенстве и справедливости позволило человечеству окончательно выделиться из животного мира, приобрести свою собственную сущность. С этого момента все происходящее стало трактоваться в новом – человеческом измерении.

2 Древнегреческие философы установили зависимость наиболее оптимальной формы организации власти от реализации политическим режимом основных норм справедливости, принципов гражданской свободы и требований формального равенства.

3 Впервые в качестве универсального оценочного критерия стал рассматриваться человек. Личность была поставлена в центр мироздания.

4 Именно в Древней Греции добродетель, воплощенная в принципах справедливости и гражданской свободы становится абсолютной политико-правовой ценностью, позволившей определить качество государственной власти и права. Согласно учению Эпикура законы должны оцениваться по содержанию, в соответствии с критериями справедливости и общего блага, а высказывание Сократа: «Кто добродетелен, тот выше людского суда» утверждало приоритет нравственного начала перед любыми формами и воплощениями публичной власти, даже перед силой закона. Только в таком обществе мог утвердиться принцип формального равенства, идея применения равного масштаба к разным субъектам.

5 Полисный уклад первых греческих государств способствовал формированию гражданской ответственности всех членов общества. Основным качеством свободного гражданина считалось его право и обязанность участвовать в управлении государством. Личность органично встраивалась в систему государственно-властных отношений, что естественным образом устраняло массу противоречий и конфликтов.

6 Древние греки считали себя более свободными людьми, чем те народы, которые не знали государства. С точки зрения эллинов подлинная свобода и справедливость могла быть гарантирована только силой государства, основной функцией которого являлось достижение всеобщего блага и гармонии, а в законах, должны воплощаться идеалы добродетели и справедливости.

Примечания:

- ¹ Антология мировой и политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 45.
- ² Лукашева Е.А. Права человека. М., 2003. С. 40.
- ³ Там же. С. 39.
- ⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 349.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 103.
- ⁷ Там же. С. 106.
- ⁸ Антология мировой и политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 107.
- ⁹ Там же. С. 117.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Цит. по: Саидов А.Х. Общепризнанные права человека. М., 2002. С. 27.
- ¹² Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 410.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 411.
- ¹⁶ Рассуждая о «демократичности» политических режимов греческих полисов необходимо помнить о значительных элементах и принципах первобытно-общинной организации власти в механизме управления этих государств.

С.А. Есиков

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (до 1903 г.)

Проведение в жизнь реформы 1861 г. требовало длительного времени для изменения психологии людей. Прежде всего необходимо было правовое осознание нового состояния. Трудности состояли в том, что крепостная зависимость, сковывавшая и крестьян и землевладельцев, лишила и тех и других возможности нормального развития, творческого труда, инициативы, желания лучше трудиться, превзойти других в процессе рыночной конкуренции.

В стране с сильной государственной властью и отсутствием гражданского общества крестьянская реформа была проведена сверху, и поэтому ее главной составляющей должна была стать обстоятельная правовая подготовка.

Крепостные крестьяне получили личную свободу без всякого выкупа. Получив личную свободу, крестьяне, по условиям реформы, должны были получить землю, за которую им надо было выплатить помещикам выкуп. Земля, на которой они жили и работали, была признана собственностью помещиков. Помещики же должны были предоставить крестьянам в пользование их усадьбы (усадебная оседлость) и полевой надел. Устанавливались правовые нормы выкупа усадебной оседлости и приобретения полевого надела в собственность. На осуществление этого выкупа давался срок 2 года, и на это время крестьяне получали статус «временнообязанных», находясь в зависимости от помещика. После осуществления выкупа они получали статус «крестьян – собственников».

Крестьянский надел, согласно общему «Положению» для конкретного региона, должен был быть не ниже низшей нормы надела и не выше высшей нормы. Низшая норма составляла 1/3 высшей нормы. Внутри этой «вилки» крестьяне и помещик договаривались об условиях конкретно и должны были составить об этих условиях уставную грамоту. Обычно бывало, что по сравнению с тем наделом, которым крестьяне пользовались до реформы, они получали меньше земли, т.е. они теряли так называемые «отрезки». Так, в Тамбовской губернии площадь крестьянских наделных земель уменьшилась на 13,1 %¹. При этом нормы наделов в губернии были ниже, чем в других губерниях. Положение не устанавливало, как должны осуществляться эти «отрезки», и поэтому у помещика появлялась возможность «отрезать»

лучшие или более удобные участки. Проблема отрезков стала одной из наиболее конфликтных в отношении крестьян с помещиками.

Нормирование высших и низших наделов по условиям реформы было проведено так, что в некоторых местах (где земля составляла большую ценность) отрезки составляли значительную долю от дореформенного времени. Так, анализ 307 уставных грамот по Кирсановскому уезду Тамбовской губернии показал, что 27 998 ревизских душ получили 70 187 десятин 1937 кв. сажен земли; доля отрезки составила 25,4 %, т.е. у крестьян было отрезано 23 544 дес. земли. Наиболее обездоленными оказались крестьяне крупнопоместных владельцев, у которых было отрезано 38,5 % земли². Крупные помещики использовали все средства, чтобы посадить около ½ своих крестьян (42,5 %) на четвертной надел.

В Тамбовской губернии был установлен 8 – 9 рублевый выкупной оброк. Рассмотрим, как он взимался на примере Усманского уезда, где высший душевой надел составлял 3,25 десятины. За первую десятину полагалось 4 рубля оброка, на остальные же 2,25 десятин приходилось 5 рублей (2 р. 22 к. за десятину)³. Установление таких градаций обеспечивало помещикам возможность при условии сокращения душевого надела в дальнейшем сохранить в значительной степени те доходы, которые они получали с крепостных в дореформенное время.

В плодородных губерниях помещики не соглашались на выкуп, они придерживали землю за собой. В результате отношения временнообязанных крестьян сохранялись долгое время. На 1 января 1863 г. в Тамбовской губернии 104 486 душ подписало 773 уставные грамоты. Доля подписавших крестьян составила 34,6 %⁴. При этом подпись крестьян под уставной грамотой далеко не всегда означала, что она заключена на основе добровольного соглашения крестьян с помещиком. Терпигорев С.Н. (Атава) в своем «Оскудении» приводит массу фактов применения насилия со стороны помещиков и мировых посредников в Тамбовской губернии. В 1881 г. был издан закон, делавший выкуп обязательным, это, наконец, прекращало затянувшиеся временнообязанные отношения крестьян по отношению к бывшим их владельцам.

Крестьяне не имели возможности выкупить землю и платить крупные денежные суммы. Так, стоимость одной десятины земли в Тамбовской губернии накануне реформы, в 1854 – 1859 гг. составляла в среднем 23 р. 71 к., по выкупу – от 50 (максимальная) до 42 р. 85 к. (минимальная); в 1863 – 1872 гг. – 30 р. 40 к.⁵ Правительство взяло на государственный счет кредитование выкупных платежей. Крестьяне же были обязаны погашать полученный кредит в рассрочку в течение 49,5 лет.

В Центральном Черноземье, где земля была особенно ценна для помещиков, существовало еще одно условие, которое позволяло помещикам сохранять за собой возможно большую ее часть. Как уже отмечалось, в различных регионах были предусмотрены нормы, ниже которых не мог быть размер выкупавшегося надела (размер низшей нормы надела составлял не менее 1/3 высшего надела). Однако кроме этого общего правила существовал способ предложить крестьянам низший надел не в 1/3 от высшего, а в 1/4 от высшего, т.е. еще меньше. Было предусмотрено такое положение, что помещик, отказываясь от выкупного платежа, мог «подарить крестьянам надел». Этот надел (он и составлял 1/4 высшей нормы надела) был привлекателен для крестьян тем, что за него не надо было платить, он был «даровой», «дарственный». Крестьяне шли на эту сиюминутную выгоду. Помещик же таким образом сохранял то, что для него было более выгодно – свою землю в оптимальном размере.

Стремление крестьян к получению дарственного надела имело место там, где продажные и арендные цены на землю были значительно ниже суммы оброка, а следовательно, и стоимости земли по выкупу. Именно поэтому в Тамбовской губернии это стремление имело широкое распространение, где 25 355 ревизские души получили в дар 22 276 десятин земли⁶ (в среднем менее 1 дес. на душу). Но расчет большинства крестьян, стремившихся получить дарственный надел, не оправдался. Арендные и продажные цены на землю чрезвычайно быстро возросли и дарственники оказались в весьма тяжелом положении.

Однако некоторая, и весьма значительная, часть крестьян, получив дарственный надел и ликвидировав всякие отношения с помещиками, сумела приобрести по относительно дешевым ценам землю и оказалась в лучшем положении, чем те, кто перешел на выкуп. Так, в Тамбовской губернии ими было куплено 47 359,8 десятин⁷ земли. В целом же в Черноземье пореформенной поры переход в дарственники оказался невыгодным для крестьянских хозяйств: он вызывал положение, которое и называлось «оскудением центра». Минимальные, да еще и ограниченные «отрезками», участки не давали возможности вести эффективное хозяйство.

Отметим также, что дарственников не коснулось законодательство о поземельном устройстве крестьян, не попали в эту категорию и четвертные крестьяне, составлявшие разряд бывших государственных

ных крестьян, до реформы 1866 г. официально именовавшиеся однодворцами. Таких крестьян в Тамбовской губернии накануне реформы насчитывалось около 60 тысяч.⁸

В рамках крестьянской реформы правительством не ставилась задача унифицировать аграрный строй в стране. В итоге в пореформенное время вплоть до октябрьской революции аграрный строй сохранял всю пестроту местного колорита и норм обычного права в сфере поземельных отношений. Это обстоятельство затрудняло реформирование и регулирование аграрных отношений.

Основная направленность крестьянской реформы состояла в определении предельных норм наделения крестьян землей, а не в установлении личных прав на землю каждого освобожденного крестьянина. Существовавшие три важнейшие формы крестьянского землевладения – общинная, подворная и участковая (индивидуальная) – не имели четко определенного статуса. А так называемый переходный период, продолжавшийся приблизительно двадцать лет, был нужен для того, чтобы не разорить помещиков и дать им возможность и время переустроить свои поместья для дальнейшей их обработки при помощи наемных рабочих вместо крепостных, а не для выработки правовых норм.

Собственно земельного законодательства в пореформенной России вплоть до аграрной реформы Столыпина не существовало, земельные отношения регулировались нормами гражданского права. На правах частных собственников владели своими землями и распоряжались ими все сословия кроме крестьянского. В некоторых случаях право собственности могло быть ограничено сервитутами. Купля–продажа земли совершалась, как и прежде, посредством оформления купчих крепостей, составление которых подробнейшим образом регламентировалось законом. Новшество состояло в том, что по положению о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. все сделки по купле–продаже земли должны были регистрироваться нотариусом, который вел крепостные книги и реестр крепостных дел. С 1894 г. реестр крепостных дел велся не по собственникам, как это было раньше, а по недвижимостям.⁹

Исключение составляло крестьянство. Речь идет о так называемом крестьянском праве на землю, принципиально отличавшимся от права собственности на землю всех других сословий.

Последовавшие за Положениями 19 февраля 1861 г. законы от 26 июля 1863 г. и 24 ноября 1866 г. приравнивали статус удельных, государственных и помещичьих крестьян, тем самым объединив их в сословие крестьян с единой юрисдикцией¹⁰. Правовые отношения лиц, принадлежавших к крестьянскому сословию, отнюдь не регулировались нормами всеобщего гражданского права, а основаны были, как правило, на местном обычном праве.

Законодатель исходил из господствовавшего тогда мнения, что крестьянская собственность на землю принципиально отличалась от собственности на землю других сословий. Эта собственность рассматривалась законодателем как некий совершенно особый род недвижимого имущества. Согласно такому пониманию, земля, предоставленная крестьянам, являлась имуществом, которое давалось им для обеспечения своего существования. Такое обеспечение рассматривалось как государственный интерес. Следовательно, предоставленная крестьянам земля являлась имуществом, которое служило для защиты государственного интереса. Поэтому земля, предоставленная крестьянам, являлась своего рода имуществом с определенной и ограниченной целью. Если же это имущество существовало для обеспечения государственных интересов, то последние должны были находиться под защитой особых юридических постановлений, в которые входил запрет любого действия, направленного на уменьшение этого имущества. Отсюда вытекал запрет продажи такой земли лицам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию, а также деления участков и крестьянских дворов или закладных операций с землей. Как видим, налицо было сознательное стремление трактовать крестьянское право как отдельную правовую систему, иную, чем право других сословий. Это вело к расширению пропасти между правосознанием крестьян и других сословий.

Последствием особого рода права собственности крестьян было существование отдельной администрации исключительно для крестьянского сословия; из этого же обстоятельства вытекала необходимость особых крестьянских судов, члены которых выбирались из крестьян; этим же обосновывалась необходимость существования особого крестьянского управления и тех должностей, на которые сами крестьяне выбирали исполнителей, а также и особого государственного управления, всевозможных чиновников, которым поручалось наблюдение за деятельностью крестьянского управления и которые обязаны были по-отцовски заботиться о крестьянском сословии.

Документы на собственность, выдававшиеся крестьянам при предоставлении им земли, выписывались сначала не дворам, а общинам. В них указывалось только, сколько земли получает данный двор, но никак не определялось местонахождение этой земли и ее границы. Община имела право обменять один участок на другой. Общинам предоставлялось право переходить на систему подворного владения при условии, что сельский сход выскажется за это большинством голосов в две трети.

Ни общинное, ни подворное владение не являлись частной собственностью. Вся наделная земля представляла собой фонд, который должен был служить материальной основой для решения государственной задачи – обеспечения существования крестьянства. Отдельные части этого фонда предоставлялись общинам или дворам. Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, в этом случае он получал свой земельный надел. Право это сохранялось до той поры, пока крестьянин оставался членом двора. Принадлежавший ко двору крестьянин не терял своего «права на землю», даже если он покидал на длительное время свой двор и зарабатывал себе на жизнь в городе, не прерывая окончательно своих связей со двором.

Домохозяин определялся как представитель двора или семьи, который при выборе того или иного способа использования надела не нуждался в согласии других членов семьи или двора. Как видно, двор не являлся общей собственностью, так как, согласно гражданскому праву, для того, чтобы распоряжаться общей собственностью, необходимо было согласие всех собственников.

Полномочия домохозяина, в силу которых он вел хозяйство и выбирал способ использования земли, вытекали не из его права собственности, а из признания его общиной и государством как представителя двора, вследствие чего на него и падала ответственность за выполнение повинностей по отношению к общине и к государству.

Именно из такого понимания дела и вытекала природа правовых норм, определявших положение домохозяина. Оно не было положением самостоятельного субъекта права собственности. Домохозяин был должностным лицом, избранным и находившимся под надзором в своей работе, а при необходимости он мог быть смещен¹¹.

Крестьяне (бывшие помещичьи и бывшие государственные) должны были принадлежать к общине. Члены общины были связаны между собой круговой порукой в оплате налогов и выполнении других повинностей. Из круговой поруки вытекала сильная зависимость от общины. Эта зависимость означала явное ограничение свободы передвижения. Для получения долгосрочного паспорта, без которого крестьянин не мог покинуть своей деревни, необходимо было согласие сельского схода. Если крестьянин не был самостоятельным домохозяином, то требовалось и согласие домохозяина.

Судопроизводство и администрация в деревнях были делом членов общины, избранных сельским сходом. Эти органы имели полномочия только в отношении к членам своего сословия. Волостные суды и крестьянское самоуправление находились под надзором особых органов и работали под их руководством. Волостные суды выносили решения по гражданским спорам не на основе норм всеобщего гражданского права, а в соответствии с местными правовыми обычаями.

В последующие годы был обнародован целый ряд важных законов и постановлений, воплощавших в жизнь названные представления и развивавших особый сословный крестьянский порядок. Среди этих актов назовем следующие: закон от 18 марта 1886 г., ставивший препятствия делению подворного имущества среди членов двора. Бесполезность этого закона признавалась большинством представителей местных властей и общественных деятелей. Так, Тамбовское губернское совещание по пересмотру законодательства о крестьянах сообщало в МВД, что указанным законом «цель не достигнута, ибо всякий закон, идущий в разрез с требованиями жизни, всегда будет так или иначе обходим»¹²); закон от 8 июня 1893 г. относительно перераспределения земли внутри мира, который устанавливал, что всеобщее перераспределение должно происходить не реже, чем через каждые 12 лет; закон от 14 декабря 1893 г., который значительно усложнял всякую продажу наделов, даже если она проводилась через общины, а также делал почти невозможным выход из общины. Согласно этому закону и после полной выплаты выкупной ссуды оставалось в силе ограничение права крестьян распоряжаться своей землей¹³. Такой порядок просуществовал вплоть до начала XX в. Начало изменений в крестьянском праве следует отнести к указу от 12 марта 1903 г., отменившего круговую поруку, и последовавшими позднее столыпинскими указами. Результаты действий правительства носили противоречивый характер. С одной стороны, была резко ограничена деятельность земельных спекулянтов, с другой – ограничивался еще один источник формирования частного землевладения, в том числе и крестьянского.

Крестьянская земельная собственность определялась как собственность юридических лиц, т.е. двора и мира. Однако, по мнению крестьян, предоставленная им земля была государственной. В этом выражалась неспособность крестьян понять, что такое юридическое лицо, а их правосознание, привитое при крепостном праве. По их мнению, земля всегда была царской, т.е. – государственной. Царь предоставлял землю крестьянам, а затем предоставлял крестьян с землей (или землю с крестьянами) дворянам. Крестьяне должны были кормить дворян для того, чтобы те могли служить царю. А дворяне должны были служить царю, их служба была повинностью их сословия и согласно идеологии крепостного строя на ней только и основывалось право дворянства на то, чтобы его кормили живущие на земле крестьяне.

Такой ход мыслей начал понемногу исчезать после освобождения, в то время как правосознание других сословий почти полностью основывалось на правовых концепциях гражданского общества. Крестьянство могло бы резко изменить свои правовые взгляды, если бы ему дали реализовать хозяйственную инициативу.

Задолго до столыпинских аграрных преобразований в структуре российского землевладения существовали определенные правовые нормы, позволявшие крестьянам частично реализовывать некоторые принципы частной собственности на землю. Это выражалось в существовании так называемого подворного землевладения.

Местными положениями права домохозяина на земельный участок, находившийся в его пользовании, определялись термином «потомственное пользование», а не словом «собственность». Тем самым закон признавал право домохозяина на конкретный участок не совпадающим с тем правом собственности, которое закон предоставлял домохозяйству в целом. Собственность домохозяйства определялась в идеальной доле общей «мирской» собственности без указания месторасположения и границ участка¹⁴.

Как видим, подворное землевладение являлось все же владением коллективным, а не индивидуальным – в нем устанавливался режим общей собственности подворных владельцев, оно являлось объектом прав не индивидуального домохозяина, а всех членов его семьи¹⁵. В результате, по действовавшему законодательству, общинное землевладение от подворного существенным образом не отличалось. Различные угодья (например, выгоны) при проведении размежевания в одних местах оставались в общинном или подворном владении, в других – включались в наделные земли, при этом общинное землевладение сочеталось с подворным. В центральной России существовали и другие многочисленные градации. Так, неразмежеванность земли и чересполосность порождали многочисленные, затягивавшиеся на десятилетия судебные процессы. В некоторых уездах Тамбовской губернии чересполосность крестьянских наделов с частновладельческими была так велика, что только ей объяснялось такое явление, когда при несомненной нужде крестьян в земле встречались целые участки, которые вследствие своей отдаленности оставались необработанными¹⁶. Именно там, где помещики не смогли перестроить свое хозяйство на новый лад, они предпочитали чересполосность.

Центральной проблемой частнособственнических правовых отношений была расплывчатая и неопределенная трактовка собственности и владения. Важность четкого определения данных категорий гражданского права объяснялась взаимозависимой смысловой нагрузкой. Основное затруднение при характеристике субъектов частноправных отношений вызывало синонимичность употребления терминов «собственность» и «владение», что само по себе являлось отражением путаницы в науке, законодательстве и в самой практике. На рубеже веков в законодательстве России землевладение признавалось таким же полновесным правом, как право собственности, что существенно искажало истинный смысл этих понятий.

Взаимное дополнение, а иногда и подмена частнособственнических отношений владельческими правами в той или иной степени отражалось на положении землевладельцев всех сословий. А дискриминационный характер крестьянского права на землю был одним из элементов правовой системы, обеспечивавшим существование сложившегося общественно-политического строя.

Ограничение возможности совершения сделок с землей вне общины и реальность совершения их внутри нее целиком укладывались в рамки существовавшего в России сословного строя, когда правовой статус землевладельца непосредственно отражался на самом характере землевладения. Ограниченность сословных прав крестьян ущемляла их право владеть и распоряжаться землей. Тем самым вольно или невольно законодатель в лице органов власти фактически установил причинную связь между правом пользования и владения землей и обработкой этой земли трудом субъекта этого права. В результате к началу XX в. государственные нормативные акты, не отменявшие действовавшие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землей.

Примечания:

¹ Тарасюк Д.М. Поземельная собственность пореформенной России: источниковедческое исследование по переписи 1877 – 1878 гг. М., 1981. С. 128.

² Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 236.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 107; Он же. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 252.

⁵ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 307.

⁶ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980. С. 69.

⁷ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 299 – 300.

⁸ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 70 – 71.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1997. С. 145 – 147; Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 557 – 560.

¹⁰ Свод законов Российской империи. Прил. К Т. IX.

¹¹ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995. С. 205 – 215.

¹² Анфимов А.М. Указ. соч. С. 27.

¹³ Леонтович В.В. Указ. соч. С. 219.

¹⁴ Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1914. С. 263.

¹⁵ Попов В.А. Правовой статус крестьянского землевладения в России в начале XX в. // Власть и общество в России. XX в.: Сб. научных трудов. М. – Тамбов, 1999. С. 224.

¹⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1463. Л. 2 об.

Л.В. Воробьева

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Российская деревня сегодня переживает период экономического кризиса. Поэтому вопрос о наиболее приемлемых формах хозяйствования и самоуправления на земле вызывает широкий интерес в нашем обществе. В связи с этим обращение к истории крестьянской поземельной общины, которая оставалась вплоть до начала коллективизации доминирующей формой организации крестьянства и определяла его менталитет, представляется весьма актуальным. Разумеется, речь не идет о реставрации системы сельского самоуправления, которая существовала в имперской России. Тем не менее, важно учесть и осмыслить все ценное, что было выработано в области организации самоуправления на селе, в том числе практикой общинных отношений. Это может способствовать и формированию полнее отвечающей реалиям сельской жизни аграрной политики государства.

Вопросы крестьянского землевладения и землепользования в России второй половины XIX в. привлекают внимание историков не один десяток лет. К наиболее значительным относятся работы А.М. Анфимова, Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Литвака, П.Г. Рындзюнского, В.Г. Тюкавкина, Э.М. Щагина и др. В то же время, вопросы правового регулирования поземельных отношений в деревне остаются недостаточно исследованными, хотя именно такой подход позволил бы объяснить многие специфические особенности российского земледельческого процесса. Главным субъектом таких правоотношений являлась крестьянская община, деятельность которой была весьма многогранной и в каждом регионе имела свои отличия.

Общину не зря называют одним из самых противоречивых феноменов российской истории. Коллективизм и порождаемое им отсутствие индивидуализма – лишь одна сторона общинного быта, которая складывалась веками в силу особенностей климатических условий и преимущественно по поводу отношений сельского сообщества с государством. Другая сторона – организация жизнедеятельности сельских коллективов – в течение столетий сформировала устойчивые формы самоорганизации и правовой защиты общих интересов крестьян.

В этом смысле можно говорить, что общинный опыт в пореформенное время свидетельствует о постепенной трансформации этого института в важный элемент российского гражданского общества. Сельскую общину можно рассматривать в качестве самостоятельной, самоуправляющейся единицы, способной отстаивать свои корпоративные интересы в отношениях с другими субъектами права на землю. Такой подход позволяет по-новому оценить роль крестьянской поземельной общины. Анализ правового статуса крестьянской общины подтверждает ограниченность ее правосубъектности, но не ее бесправие.

Характеризуя общинное землевладение необходимо теоретически разграничить два понятия – *землепользование* и *землевладение*. Оба правомочия входят в понятие права собственности, которое было принято определять как власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно¹. Таким образом, правомочия собственника земельного участка включали, помимо землевладения и землепользования, еще и право *распоряжения землей*.

Землевладение – это право фактически обладать своим земельным участком, основанное на законных основаниях. Право землевладения позволяет определять земельный участок как часть своего хозяйства или просто «иметь» его в наличии. При этом необходимо отметить, что в русских гражданских законах термин «владение» употреблялся в различных смыслах. Иногда законодатель употреблял его как синоним права собственности, приближаясь в этом случае к обиходному языку, когда, например, словом «землевладелец» обозначался собственник земли. В других случаях владение, по смыслу закона, не покрывало собой собственности, а обозначало лишь один из трех главных элементов собственности – фактическое обладание вещью. В этом значении владение могло быть отделено от собственности и уступлено другому лицу по договору или иному акту. Факт владения вещью принимался во внимание и охранялся законом независимо от того, было ли законное основание для того, чтобы вещь оказалась в руках данного лица. Статья 531 гражданских законов гласила: «всякое, даже и незаконное владение охраняется правительством от насилия и самоуправства дотоле, пока имущество не будет присуждено другому и сделаны надлежащие по закону о передаче оно, распоряжения»². Землевладелец мог требовать возврата земли из любого незаконного владения (например, в случаях, когда арендатор не возвращает земельный участок арендодателю после истечения срока аренды).

Право **землепользования** дает возможность извлекать из земли ее полезные свойства, получать прибыль. Виды землепользования, как правило, закрепляются земельным законодательством. Наконец, право **распоряжения** дает возможность совершения различных, возмездных и безвозмездных сделок с землей.

В законодательстве Российской империи различалось полное право собственности, когда владение, пользование и распоряжение соединялось в одном лице³, неполное право собственности, когда от него отделялся один из трех указанных элементов⁴. Таким образом, законодатель признавал право собственности и в тех случаях, когда оно не соединялось с владением, пользованием или распоряжением. Закон также признавал владение существенной частью права собственности, но при этом, по смыслу гражданского законодательства, владение вполне уживалось рядом с правом собственности, вовсе его не устраняя⁵.

Общинное землевладение по своему содержанию приравнивалось к общинному праву собственности. При этом необходимо отметить, что правомочия общинника зависели от того, какая форма землепользования (общинная или подворная) господствовала в данной конкретной общине.

Результатом крестьянской реформы стало распределение главной части территории России на три крупных категории собственности: государственную (150 млн. дес. – 41 %), дворянскую (частновладельческую – 100 млн. дес. – 26 %), надельную крестьянскую (115 млн. дес. – 31 %). Кроме них необходимо выделить наделы казачьих станиц, войсковой запас и земли казачьих офицеров и чиновников⁶.

По своему экономическому типу российская община подразделялась на **передельную** и **беспередельную**. Согласно п. 6 ст. 51 «Общего положения», сельское общество, по воле двух третей домовладельцев (п. 1 ст. 54), могло перейти от общинного землепользования к подворному. После чего община не имела права производить переделы земли.

Подворное землевладение охватывало около трети всех дворов бывших помещичьих крестьян. Гораздо реже оно встречалось среди государственных и удельных крестьян. Общины, составленные из бывших однодворцев, также не имели права переделывать землю. Подворное землевладение позволяло крестьянину более свободно распоряжаться своим клочком земли. Это облегчало мобилизацию надельной земли и способствовало расслоению крестьянства. В этом отношении подворное землевладение более отвечало требованиям капитализма. При подворном типе землепользования крестьянин-общинник фактически обладал правомочиями пользования, владения и отчасти распоряжения земельным участком. Существование в сельском обществе подворного землепользования при досрочном выкупе исключало необходимость предварительного выдела сельским обществом выкупаемого участка к одному месту, так как отличительной чертой подворной формы землепользования являлось то, что представленный обществу надел состоял не в общем его распоряжении, а был уже распределен между отдельными домохозяевами⁷.

К беспередельным относились и те общины, которые, владея землей на общинном праве, в течение длительного времени не прибегали ни к коренным, ни к частным переделам. Большое число общин не переделывали свою землю с самой реформы, и домохозяева в таких общинах фактически постоянно пользовались землей подворно. Подворно хозяйствовали владельцы купчих земель, за исключением случаев коллективной покупки земли.

В большинстве губерний Европейской России подворное землевладение, как и общинное, отличалось чересполосицей, растущей мелкополосицей, а иногда и дальнотельем. При этом подворная деревня в отличие от общинной не имела возможности хоть как-то, хоть на время смягчить эти неудобства. Поземельные отношения здесь отличались еще большей запутанностью, чем в общинной деревне.

Там, где сохранились переделы общинной земли землепользование считалось *общинным*. Общинное пользование землей имело место не только на наделных землях. Оно нередко встречалось и на купчих, и на арендованных землях (общие выгоны, пастбища, водопои и т.д.)

Земледелие переделной общины строилось на основе трехпольного севооборота. Пахотные земли разделялись на три поля (озимое, яровое и пар), которые периодически переделывались между общинниками. Целью передела являлось наделение каждой крестьянской семьи тем количеством земли, которое соответствовало записанным за этой семьей земельно-раскладочным единицам – «душам», «тяглам» и пр. «Души» могли быть «наличные», т.е. реальные, и «ревизские» – переписанные в ходе последней ревизии в 1857 г., и постепенно терявшие реальное значение. Ревизская раскладка в пореформенный период встречалась как в бывшей помещичьей, так и в бывшей государственной деревне, но в последней она сохранялась гораздо дольше. Многие общины бывших помещичьих крестьян продолжали пользоваться разверсткой по «тяглам», унаследованной от крепостных порядков. При этом за единицу принимались два работоспособных мужчины и две женщины⁸. В целом же для большинства общин были характерны раскладки налогов и разверстание угодий в соответствии с численностью мужского работоспособного населения⁹. Распределение и использование природных ресурсов в общине было нацелено прежде всего на воспроизводство рабочей силы ее членов. Наличие здоровых и сильных работников, мужчин-пахарей, считалось залогом благополучия общины.

За многовековую историю существования общины сложился довольно сложный механизм земельных переделов. Его основной частью был общий («*коренной*») передел, повторявшийся периодически через 10 – 15 лет и приводивший к ломке межевания пахотных земель. Каждый душевой надел, принятый за единицу наделения, равномерно распределялся по всем трем полям общинной пашни. Однако эти поля состояли из разнокачественных земель. Поэтому каждое поле делилось на несколько конов. Соответственно и душевой надел разбивался на полосы в каждом из этих конов. Надел каждой души мог состоять из двух и более десятков отдельных полос в озимом и яровом полях.¹⁰ При этом обычно, соблюдалось правило, чтобы в пределах каждого кона наделы одной семьи находились «к ряду».

Естественное и механическое движение населения в общине, а также случаи снятия части надела с недоимщиков вызывали ежегодные *частные переделы* («скидки – накидки»), когда душевые наделы передавались из одной семьи в другую. Семейные наделы постепенно рассеивались по разным частям кона и чересполосица увеличивалась. Поэтому через несколько лет проводилась «*перережь-ребьевка*». При этом виде передела сохранялось прежнее количество душевых наделов и оставался неизменным их размер, но каждая семья получала новые наделы, сведенные по возможности «к ряду». Однако постепенный прирост населения приводил к тому, что численность членов общины, имеющих право на надел, начинала превышать количество душевых наделов. Назревала необходимость в новом коренном переделе, с расчетом на новое число душ и с ломкой межевания.

Луговые угодья переделывались ежегодно. С увеличением количества раскладочных единиц сенокосные делянки мельчали, и тогда луг скашивался сообща всем «миром», и сено делилось в копнах¹¹. Один из исследователей общины – К.Р. Качаровский – отмечал, что «не найдется, пожалуй, в России уезда, где бы не встретилось хотя несколько случаев артельной уборки сенокосов»¹².

Сложившаяся в течение веков система общинного землевладения основывалась на преобладании патриархальных порядков землепользования, на практически полной освоенности имеющихся в распоряжении общины угодий и низком уровне агротехники. Даже чересполосица, возникавшая при переделах и сильно мешавшая крестьянскому хозяйству, тем не менее, по-своему защищала его от разорения. Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый – на возвышенных местах.

Помимо универсальных характеристик, общинное землевладение в России имело еще и специфические черты в зависимости от почвенно-климатических и хозяйственных условий, в которых оно развивалось. В связи с этим можно выделить два подхода к разверстке общинной земли. Первый был распространен в районах Центральной нечерноземной России, где земля была малопродуктивна и не окупала всех лежащих на ней платежей и повинностей. Там использовалась тяговая система, т.е. рас-

пределение земли в соответствии с рабочим составом крестьянской семьи, поэтому, ежегодно здесь совершались частные коренные переделы с целью более равномерного и справедливого распределения податных тягот между домохозяевами. Они облекались в форму «навалки» земли» на души, которые могли работать и платить подати.

Такие порядки были заведены и в некоторых промышленных районах Черноземья. В частности, в архивных материалах Тамбовской губернии встречаются описания сел Моршанского уезда, где развивалась суконная и табачная промышленность. Предки временно обязанных крестьян Покровско-Васильевской волости не занимались земледелием, поэтому и в пореформенное время обработка земли не составляла основного занятия крестьян. Душевой надел на наличную душу составлял всего 0,26 десятин. Если общество видело, что домохозяин не в силах править землею и платить подати, то отбирало у него надельную землю и передавало тем, кто посильнее. Безземельные крестьяне работали на заводе¹³.

Последствием частных переделов были многополосица и чересполосица со всеми их хозяйственными неудобствами, для устранения которых обществами предпринимались «перемерки» или пережеребьевки земли и общие коренные переделы. Такая активность мирской деятельности определяла чрезвычайную устойчивость общинных начал в местностях, где использовалась тяговая система распределения земли.

Совершенно иначе обстояло дело в тех обществах, где доходность земли была выше суммы лежащих на ней платежей и повинностей. Прежде всего, это относилось к землям Центрально-черноземных губерний, где крестьяне стремились удержать в своих руках полученный на наличное число душ надел, особенно те, у которых со времени последней ревизии не прибыло в семье новых членов. В таких местностях коренные переделы проводились крайне редко и были весьма болезненны для крестьян.

В материалах оценочно-статистического отдела Тамбовской губернской земской управы по тому же Моршанскому уезду мы находим подтверждения нежелания крестьян расставаться со своими удобренными участками и менять их на не удобренные в селах, где земледелие было основным источником существования. Землю умерших передавали тем, у кого было много работников. Жеребьевки общество проводило не чаще, чем через 10 лет. Все зависело от ежегодного соглашения крестьян. С тех, кто не мог исправно платить повинности, общество снимало 1–2 душевых надела. Луга делились ежегодно по ревизским душам¹⁴. В таких районах некоторые исследователи отмечали разрушение крестьянской общины в силу большей самостоятельности отдельных домохозяев¹⁵.

Таким образом, в тех обществах, где господствовала общинная форма землепользования, крестьянам делегировалось лишь право пользования земельными угодьями. При подворной системе землепользования крестьяне обладали правами пользования и владения наделом. Право распоряжения надельной землей крестьяне приобретали только после выкупа участка.

Сегодня, принимая и реализуя на практике законы о земле, мы не должны забывать, что земля – это уникальный и невозпроизводимый дар природы, которым от рождения человек имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться. Поскольку предложение земли на рынке не эластично, законодатель вынужден устанавливать пределы нашего господства над землей, как объектом гражданского оборота. В условиях правовой реформы в России спустя почти полтора столетия после «великих реформ» середины XIX в. необходим весьма продуманный подход к решению земельного вопроса. Оглядываясь на опыт других стран, мы не можем игнорировать право человека на собственность на землю, но и абсолютизировать его недопустимо в интересах последующих поколений.

Примечания:

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. X., Ч. 1. Ст. 420.

² Там же. Ст. 531.

³ Там же. Ст. 423.

⁴ Там же. Ст. 432.

⁵ Там же. Ст. 514.

⁶ Очерки экономического строя России / Под ред. проф. П.И. Броунова и В.А. Фаусена. СПб., 1906. С. 33.

⁷ Общее положение о крестьянах. С разъяснениями Правительствующего Сената от 1 мая 1911 г. и с приложением Высочайшего указа 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и Закона 14 июня 1910 г. / Сост. И.М. Тютрюмов. СПб., 1911. С. 76.

⁸ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 18; Георгиевский П. Очерк быта одной сельской общины // Слово. 1879. № 1. С. 105.

⁹ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 162, 232, 338, 373, 393.

¹⁰ Вечеслав Н.Н. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Казань, 1879. С. 11 – 40.

¹¹ Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия. 1876. № 10. С. 153.

¹² Качаровский К. Р. Русская община. М., 1906. С. 160.

¹³ ГАТО. Ф. 143. Оп. 4. Д. 3. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 33.

¹⁵ Пругавин В.С. Русская община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 16 – 17.

В.Ю. Карнишин

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Одним из важных компонентов политики правительства П.А. Столыпина в период третьеиюньской системы стал проект преобразования земского самоуправления. Очевидна его взаимосвязь с аграрной реформой, направленной на коренное изменение уклада крестьянской жизни. В этой связи реализация курса правительства по отношению к российской деревне обусловила необходимость поиска оптимальной формы регулирования взаимоотношений между государством и населением, в качестве которой предлагалась бессловная, самоуправляющаяся волость как низшее звено системы самоуправления.

На основании Записки главы правительства П.А.Столыпина и Особых журналов Совета министров (обсуждение прошло 19 и 22 декабря 1906 г. и 3 и 6 января 1907 г.) был разработан пакет законопроектов о поселковом, волостном и уездном управлении. Основные задачи реформы сводились к «усилению в местном самоуправлении общественного начала»; расширению компетенции «выборных учреждений»; привлечению к участию в их деятельности широких слоев населения; упорядочению отношений органов местного самоуправления и исполнительных структур центральной и местной власти¹. Речь шла об упразднении крестьянского сословного самоуправления и замене крестьянской волости всеобщей (мелкой земской единицей), постепенном переходе от сословных к имущественным куриям при проведении выборов в уездное земство. В компетенцию волостного самоуправления должны были войти: заведование делами местного благоустройства и благосостояния; устройство и содержание волостной полиции; взимание государственных и земских сборов, отбывание натуральных земских повинностей. Достаточно четко определялась структура волостного управления: волостное собрание (распорядительный орган); волостной старшина и волостная управа (исполнительный орган); наемная волостная стража (десятские и сотские).²

Проект создания всеобщей волости был направлен на снятие перегрузок с уездного земства. Необходимо принимать во внимание и стремление правительства извлечь уроки из событий революции 1905 – 1907 гг., одним из которых являлся достаточно слабый контроль за жизнью деревенского «мира». В этой связи правомерен вопрос об изменении правового статуса дворянства, которое с насто-

женностью отнеслось к новациям столичных администраторов, опасаясь потерять влияние на крестьянство.

Проект реформы предусматривал включить помещиков в состав волостных гласных (тем самым создавалась возможность влияния на волость «снизу»), а также учредить должность участкового начальника, подведомственного министерству внутренних дел и способного контролировать ситуацию «сверху»³.

Реализация замыслов реформаторов могла способствовать участию в принятии решений на местном уровне тех крестьян, которые, порывая с общиной и теряя голоса на общинном сходе, имели право на выдвижение своих кандидатур на выборах в волостное земство⁴.

Намерения правительства вызвали оживленную полемику в стенах Государственной думы. При этом обсуждение проекта на собраниях губернских и уездных земств не состоялось, поскольку это вошло бы в противоречие с законодательством. Провинциальное общество могло рассчитывать на знакомство со стенографическими отчетами Государственной думы и заседаний съездов уполномоченных дворянских обществ. Изучение этих видов источников позволяет уловить некоторые особенности правовой культуры представителей различных стран начала XX в. Представитель саратовского дворянства Э.А. Исеев оценил проект создания мелкой земской единицы в качестве «разумного и надежного помощника правительства на местах» как намерение «объять необъятное»⁵. Бездоказательно утверждая, что от всех уездных собраний будет зависеть изменение границ не только волостей, уездов, но и губерний, что обусловило бы кризис системы управления, Исеев ужаснулся намерению отхода от принципа сословности в формировании местного самоуправления. «Не только право собственности, но и владение на арендных правах дает право участия в волостном земском самоуправлении и в волостных выборах, – ужасался он. – Таким образом, каждый может не только купить землю, чтобы иметь ценз, но может арендовать одну десятину, затратив и на это 2 – 5 рублей, и, уже будучи участником избирательного собрания, может даже попасть в председатели волостного земского собрания». Смириться с тем, что реализация проекта «откроет путь для всех проходимцев»⁶ (ими были, по его мнению, крестьяне), саратовский дворянин не мог.

Оппонентом Исеева среди саратовского дворянства стал депутат Государственной думы граф А.А. Уваров, подвергший резкой критике позиции правых депутатов, отрицавших необходимость реформирования системы самоуправления на основе всеобщего избирательного права и скептически оценивший утверждение, что на местах «недостаточно потребных элементов для того, чтобы найти в волости людей, которые еще не призваны к общеземской деятельности»⁷. Следует отметить, что скептические оценки правовой культуры крестьянства начала XX в. разделялись, пожалуй, большинством «образованного общества»⁸.

Уваров А.А. обратил внимание на противоречивость законодательства. Так, указом от 5 октября 1906 г. был изменен ряд статей оложения 1890 г. и расширены права крестьян на земских выборах (обладавшие собственным земельным цензом могли участвовать в работе второго избирательного собрания своего уезда). Одновременно Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел внесло в Думу проект земского избирательного закона, намечавшего отмену изменения схемы земских выборов для крестьян. Появление этих взаимоисключающих друг друга документов, по мнению А.А. Уварова, могло только внести «расстройство и смущение», что было недопустимо⁹.

Принцип земского избирательного ценза отстаивала Саратовская губернская земская управа. В качестве весомого аргумента выдвигался тезис: «Земство есть единица не только самоуправляющаяся, но и, главным образом, самооблагающаяся, а облагать налогами по справедливости может только тот, кто сам их платит»¹⁰. Земцы отвергли популизм, основанный, по их мнению, не на учете реальности, а на желании завоевать авторитет у малоимущих слоев населения. Принцип налогового ценза, как полагали саратовские земцы, должен внести уравнение в права различных категорий избирателей и мог способствовать уничтожению различий, существовавших между поземельным подесятинным цензом и оценочным (для промышленных предприятий, неземельных недвижимых имуществ).

В начале XX в. все более обострялся вопрос о несоответствии избирательной системы новым реалиям социально-экономического развития регионов. Сословный принцип, положенный в основу избирательной системы, парализовал земскую деятельность в тех губерниях, где процент «вымывания» доли дворянского землевладения был настолько велик, что созываемые земские собрания были неправомочны принимать решения. Так, 12 ноября 1910 г. было сорвано заседание Николаевского земского собрания (Самарская губерния), поскольку из 18 мест, выделенных представителям первого избирательного собрания, занятыми оказалось всего 9. «Единственным выходом для нашего земства является измене-

ние гласных по куриям, уменьшение гласных и увеличение от крестьян»¹¹, – утверждал корреспондент журнала «Земское дело».

В прениях на заседаниях земских собраний все настойчивее звучали требования о необходимости учета мнений самоуправления при разработке общероссийских законов. Гласный Самарского земства Л.П. Поздюнин заявил о необходимости предоставления земству права законодательной инициативы: «Без этого все решения государственной думы будут случайны»¹². Впрочем, и он сомневался в том, что столичная бюрократия будет прислушиваться к инициативам земцев.

Финансовое обеспечение мероприятий являлось одной из острых проблем обеспечения деятельности местного самоуправления. Возрастала потребность в рациональном расходовании земских финансов, поиске новых источников обложения. Земские деятели все более настойчиво требовали передачи им части общегосударственных налогов¹³. В начале 1912 г. правительство внесло в Государственную думу законопроект о создании особой государственной кассы, из которой структуры местного самоуправления могли получать ссуды (при контроле со стороны чиновников).¹⁴

В конечном итоге, проблема реформирования земского самоуправления стала заложницей политической борьбы (особенно это проявилось в конфликте вокруг введения земств в западных губерниях России) и сословного эгоизма части дворянской элиты. Начавшаяся мировая война прервала поиски оптимальной правовой основы функционирования самоуправления в позднеимперской России.

Примечания:

¹ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003. Т. 1. С. 716.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 255.

⁴ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, 1985.

⁵ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний с 3 марта по 9 марта 1913 г. СПб., 1913. С. 199.

⁶ Там же.

⁷ Отчет избирателям за четвертую сессию члена государственной думы графа А.А. Уварова. СПб., 1911. С. 10.

⁸ В этой связи представляет интерес точка зрения Дж. Бурбанк о роли крестьян в формировании коллективных ценностей правового государства. По ее мнению, большинство правоведов полагали, что «закон – это система идей и правил, которым следует обучить крестьян, и что люди, не получившие формального образования, не могли «понять» закон и иметь подлинно правовое сознание». С другой стороны, в представлениях элиты «мир крестьянских традиций не сочетался с этикой, основанной на законе». (Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2. С. 194). Подобные убеждения являлись следствием социокультурного раскола общества периода модернизации и не могли оказывать воздействия на усиление конфронтационности в отношениях между властью и обществом.

⁹ Доклад председателя комиссии графа А.А. Уварова. Ч. 1: Земский избирательный закон. Саратов, 1907. С. 10.

¹⁰ Там же. С.11.

¹¹ Самоупразднение земства (Из Николаевского уезда Самарской губернии) // Земское дело. 1911. № 1. С. 35.

¹² Постановления Самарского губернского земского собрания, XXXXIII очередной сессии 1908 г. Самара, 1908. С. 5.

¹³ Дякин В.С. Земство и самодержавие в третьеиюньской монархии // Вопросы истории России XIX – начала XX вв. Л., 1983. С. 137.

¹⁴ Там же. С. 138.

Е.А. Попова

**ТЕОКРАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ВЛАСТИ
В НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
Вл. СОЛОВЬЕВА**

Власть государственная или политическая, неизбежно возникающая на известной ступени развития общества, выражает естественное право общественного целого на подчинение частей. Государственная власть, единоличная или коллективная, представляет единство и целостность данной общественной группы. Следовательно, делает вывод Вл. Соловьев, значение власти связано с тем положением, что права и интересы целого должны быть определенным образом представляемы в отличии от частных прав и интересов, поскольку простая сумма последних еще не составляет общественного целого. В своих работах он не уделял особого внимания формам правления, считая, что этот вопрос был уже подробно рассмотрен.

Мерилом власти лиц, как в церкви, области существенных целей (любви), так и в государстве, области формальных средств (политической справедливости), является не выражение этими лицами воли общества (следовательно, не демократический принцип власти), а степень проникновения их той идеей, которой они выразители, т.е. степень их идеальности или нравственного достоинства (теократический принцип власти). Государство в этом случае перестает быть юридической категорией, сливаясь с церковной общинностью, имеющей определенную социальную иерархию. Последняя зависит от того, как усваивает тот или иной человек божественную идею. От степени ее усвоения и понимания зависит влияние людей друг на друга и их социальный статус. «Чем более человек усвоил идею, тем более он должен иметь влияние на других, т.е. тем на обширнейшую сферу должно распространяться его действие, тем выше положение он должен занимать в обществе. Иными словами: степенью идеальности должна определяться степень *значения и власти* (авторитета) лица. *Объем прав должен соответствовать высоте внутреннего достоинства.* Этим дается праву положительное содержание, из которого прямо вытекает реальный принцип правильного гражданского (политического) строя – *принцип иерархический, начало власти*»¹.

Соловьев Вл. критикует различные концепции народного суверенитета, утверждая, что только наличие высшей нравственной истины оправдывает власть. Количество же людей, заявляющих притязание на власть – отдельный человек, большинство народа или большинство всего человечества – само по себе не представляет никакого значения: «масса сама по себе не представляет никакого внутреннего преимущества». По сути, это была духовно-аристократическая позиция, идущая еще от Платона.

Целью государства является обеспечение принудительного равновесия различных интересов. Это равновесие выражается в законе. Задача закона – быть уравнивающей силой, играть роль опоры человеческого общежития, противостоять натиску стихийных сил, как внешних, так и внутренних. «Определенное в данных обстоятельствах места и времени ограничение личной свободы требованиями общего блага, или – что то же – определенное в данных условиях уравнивание этих двух начал, есть право положительное, или *закон*»².

Таким образом, «закон есть общепризнанное и безличное (т.е. не зависящее от личных мнений и желаний) определение права, или понятие о должном, в данных условиях и в данном отношении, равновесие частной свободы и общего блага, – определение или *общее понятие, осуществляемое чрез особые суждения в единичных случаях или делах*»³.

Из этого определения Вл. Соловьев выводит три отличительных признака закона:

- 1) его *публичность*, он должен быть обязательно обнародован, иначе не будет иметь силы закона;
- 2) его *конкретность* – он должен выражать норму действительных общественных отношений в конкретной общественной среде;
- 3) его *реальная применимость*, или «удобоисполнимость». Это так называемая санкция – на случай неисполнения или нарушения закона: принудительные и карательные меры.

Для приведения в исполнение закона, в его распоряжении должна быть действительная сила, т.е. право в обществе должно иметь своих реализаторов, или «действительных носителей», которые будут обладать достаточной принудительной силой. «Такое реальное воплощение права называется *властью*»⁴.

Но простая ориентация людей на закон не гарантирует, однако, создания идеального общества. Так, в Риме превосходно была развита юриспруденция, замечает мыслитель, но его общество было основано на силе, а не на любви. Многие другие дохристианские государства Востока и Запада проявили себя как аппарат подавления, и лишь христианские государства Запада стали прогрессивно-деятельно воздействовать не только на индивида, но и на общественное сознание, что сделало их, по словам Вл. Соловьева, олицетворением всех человеческих достижений и истин. В то же время, в таких обществах государство стало всепоглощающей силой, а его строительство – высочайшей целью в жизни человека.

Для того, чтобы расширить понятие о смысле государства, Вл. Соловьев предлагает обратиться к тем обозначениям, которые каждый культурный народ употребляет, чтобы выразить главную задачу своей собирательной жизни.

Для древних греков понятие государства было связано с понятием города, которые всегда являлись центрами культуры, движения и прогресса. Поэтому существенное значение для государства приобретает культурная задача. Государство обеспечивает необходимые условия для человеческой образованности, культурного прогресса. А образованный, воспитанный в религиозном духе человек, более склонен к восприятию вселенской идеи.

Древние римляне выше всего при определении государства ставили задачу объединения людей для общего дела. «Для них государство было – *res publica* – т.е. общее, или всенародное дело»⁵. Римляне придавали государству безусловное значение, верховное начало жизни. Обеспечение общего дела, охрана общественного целого от распада является высшим интересом государства, которому все другие интересы должны подчиняться.

Государство воспринималось как «безусловное начало нравственности, высшая цель жизни, верховное добро и благо»⁶. Ошибочность этого взгляда привела к обоготворению государства. Государственный абсолютизм не мог признать с собою рядом никакое другое высшее начало жизни. И поэтому, когда появилось христианство, римские власти начали преследование новой религии. И это притом, замечает

Вл. Соловьев, что сами христиане никогда не отрицали определенное положительное значение государства и саму нравственную обязанность подчинения власти как орудию Божьего Промысла. В силу своего внутреннего преимущества, христиане даже готовы были признать за государством преимущество в мирской области, тогда как римляне отказались признать за христианством значение высшего безусловного начала жизни. Государство, как высшая форма жизни, воспринималась ими как конечная цель развития. Вся полнота государственной власти сосредотачивалась в руках императора, который был признан обладателем божественного достоинства, или человекобогом. И это обрекло римское государство на гибель.

В средние века на смену Римской империи пришли западноевропейская и византийская политические модели. В первой из них подчеркивается **относительный** характер государства. В западноевропейских странах государство призвано обеспечивать равновесие между различными социальными группами, представляющими собой самостоятельные элементы политической системы, т.е. главная задача государства здесь – уравнивание частных интересов.

Византийская политическая идея, в отличие от западноевропейской, «признает в государстве сверхправовое начало, которое, *не будучи произведением данных правовых отношений, может и призвано самостоятельно изменять их согласно требованиям высшей правды*»⁷.

Власть императора в христианской Византии носила божественный характер, все исходившее от монарха называлось «святым» или «священным». Но в Византийской империи деятельность государственной власти была ограничена охраной существующего общественного строя. Деятельность императоров была направлена не на усовершенствование общественной жизни, а на защиту военных интересов, т.е. подчинялась цели внешней, а не внутренней. В силу этого Византийская империя не смогла выполнить своего исторического призвания и погибла.

Государственная власть с христианской точки зрения воспринимается как «**делегация**» власти от Христа, и этим устраняется возможность личного произвола и «утверждается верховенство безусловного нравственного идеала»⁸. Управление должно осуществляться в интересах «доверителя», т.е. Христа, в соответствии с христианской идеей. В противоположность восточной деспотии и абсолютизму римского императора, христианская монархия есть «**самодержавие совести**. Носитель верховной власти, порученной ему от Бога правды и милости, не подлежит никаким ограничениям, кроме нравственных; он может все, что согласно с совестью, и не должен ничего, что ей противно»⁹. Он также не должен зависеть от общественного мнения, ибо, как замечает Вл. Соловьев, общественное мнение может быть ложным, он также и не «слуга народной воли», так как эта воля может быть безнравственной. Он выше всего этого потому, что он – представитель воли Божией, величие такого положения равно величию его ответственности.

Поступать по совести есть право и обязанность любого человека, «и в этом смысле **всякий человек есть нравственный самодержец**»¹⁰. Различие между людьми существует по объему, условиям и способу применения нравственного начала их жизни. Особой задачей государственной власти является устранение противоречий между безусловным нравственным идеалом и данною правовую организаци-

ей общества. Поэтому положительные законы государства должны становиться все более справедливыми, соответствующими закону нравственному¹¹.

Примечания:

¹ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // В.С. Соловьев. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 131 – 181.

² Соловьев В.С. Значение государства // В.С. Соловьев. Спор о справедливости. М., 1999. С. 849 – 850.

³ Там же. С. 850.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 854.

⁶ Там же. С. 855.

⁷ Там же. С. 857.

⁸ Там же. С. 859.

⁹ Там же. С. 856.

¹⁰ Соловьев В.С. О христианском единстве: Сборник. М., 1994. С. 249.

¹¹ Соловьев В.С. Значение государства // В.С. Соловьев. Спор о справедливости. М., 1999. С. 852.

В.Н. Шмарин

АРЕНДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Крестьянская аренда в России выросла на почве разложения полунатурального хозяйства. Институт аренды был чрезвычайно важным в крестьянском хозяйстве, так как большинство арендаторов входили в состав крестьянского населения.

В начале XX в. роль аренды в земельном обороте оказалась достаточно велика, так как была единственным доступным средством мобилизации земли в пределах надельного землевладения. Арендодателями выступали в основном помещики, государство, а арендовали землю крестьяне.

Аренда являлась временным пользованием землей со стороны арендатора, который естественно старался извлекать из земли возможно большую выгоду при возможно меньших ее улучшениях. Однако такой порядок был не выгоден для самого собственника, так как вел к истощению земли, а следовательно, к уменьшению стоимости его имущества. Важно не только то, что из двух крестьянских дворов один арендовал помещичью землю, а то, что этот арендовавший двор не мог обойтись без использования чужой земли. Нужда крестьян в земле, обусловленная недостаточностью надела, всегда удовлетворялась путем аренды.

Крестьяне в России, как и везде, на соответствующих исторических этапах были людьми юридически необразованными. Существовавшие обычаи квалифицировались ими как «юридические», они не понимали писанных абстрактных норм и правил, а потому нормы и правила, которыми они следовали в жизни, не могли быть унифицированы на общественном уровне. По мнению А.А. Леонтьева, у русских крестьян не было народного права, но были своеобразные юридические воззрения. В них отражались условия крестьянской жизни и поэтому они были достаточно распространены и по сути своей единообразны.¹

Реформа 1861 г. прежде всего изменила правовой статус крестьянства, составлявшего подавляющую часть населения страны. Из категории объекта права крестьяне перешли в категорию субъектов права, осуществлявших правомочия в отношении принадлежавшего им имущества и, прежде всего, – земли как основы всякого сельскохозяйственного производства.

В конце XIX – начале XX вв. крестьяне испытывали острое малоземелье, постоянно усиливавшееся с ростом населения. Крестьяне предъявляли все больший спрос на землю. В силу этого аренда земли стала первостепенным фактором в жизни российской деревни. Несмотря на то, что в пореформенный период крестьяне купили значительную часть помещичьей земли, малоземелье становилось все более острым, так как большая часть купленной земли сосредоточилась в руках зажиточной части деревни. В письме Тамбовскому губернатору отмечалось, что «в виду значительного увеличения численности на-

селения наша надельная земля стала не соответствовать числу работников, вследствие чего крестьяне стали испытывать крайнюю нужду в земле и были вынуждены арендовать ее мелкими участками и при том на значительных расстояниях от деревни, так как ближайшую землю помещики практически всю обрабатывали сами и не сдавали ее в аренду. Недостаток земли вел наше общество к разорению».²

Земские статистические органы отмечали острую нужду крестьян в земле. Так, в Борисоглебском уезде в с. Русаново 334 домохозяина арендовали 3013 десятин пахотной земли и 352 десятины покосов, причем арендаторами было больше половины всех домохозяев этого села.³ В с. Сукманке того же уезда из 723 надельных дворов больше половины арендовали у землевладельцев и крупных арендаторов 2985 десятин земли, в том числе пахотной – 2271 десятину и покосной – 714 десятин.⁴ В Борисоглебском уезде самой распространенной формой аренды была мелкая аренда (сдача подесятинно сроком на год).

Исследователи крестьянского вопроса отмечали, что на нищенских наделах в 1 – 1,5 десятины сидели 2 – 4, иногда 5 – 7 хозяев.⁵ Энгельгардт А.Н. пришел к выводу, что «существовавшая система хозяйства держалась только потому, что труд был невероятно дешев, что крестьянин обрабатывал помещичьи поля по крайне низким ценам только по мере необходимости, по причине своего бедственного положения».⁵

Отсутствие четкого земельного законодательства и полная безграмотность крестьян нередко приводили к тому, что они были вынуждены арендовать землю на самых худших для себя условиях. Щепотьев С.П., исследовавший 11 уездов черноземной полосы, обратил внимание на то, что в малоземельных уездах аренда была развита меньше, чем в многоземельных с более редким населением, а размер сдаваемой земли практически не зависел от ее количества, принадлежавшей частным собственникам, более важное значение имел способ ведения ими своего хозяйства.⁶

Качоровский К. говорил, какой ущерб уже был нанесен и еще нанесет, когда государство публиковало законы и не согласовывало их с интересами и представлениями крестьян. Обычным последствием этого было то, что крестьяне просто не обращали внимания на такие законы (если вообще знали об их существовании). Хороший пример давали законы и правила, регламентировавшие раздел хозяйства: крестьяне продолжали эту практику по-своему, законно это было или не законно.⁷ По справедливому замечанию А.А. Леонтьева, составителям Положений 1861 г. «и в голову не могло прийти, что по окончании выкупной операции правовое положение крестьян будет столь же мало разработано как и в 1861 г. и, поэтому они вовсе не думали, как разрабатываемые ими законы в действительности отражались на крестьянах».⁸

В Тамбовской губернии основную массу вовлеченных в аренду земель составляли вненадельные. Кроме того, аренда имела место и в чужих общинах. Это могло быть связано с наличием в соседних общинах чересполосных земель, которые за давностью выгоднее было сдавать в аренду, чем обрабатывать самим. Аренда чужой земли служила одним из способов расширения собственной запашки и извлечения дополнительных доходов.

Общая площадь арендованной земли в начале XX в. в Тамбовской губернии составляла 590 076 дес., что составляло 16 % от общего количества надельной земли. Лидирующее место занимали Тамбовский (22,1 %), Борисоглебский (22 %), Липецкий (19 %), Кирсановский (17,5 %) уезды.⁹

Вненадельный арендный фонд состоял, как правило, из частновладельческих, помещичьих земель. Фонд надельной аренды отличался неустойчивостью, это было прежде всего связано с разнообразным составом сдатчиков надельной земли. Сюда входили малосостоятельные двory, сдававшие полностью свои наделы; крестьянские двory, сдававшие часть своего надела из-за периодического недостатка в инвентаре и т.д. Сравнительная дороговизна вненадельной аренды – общее явление. Например, в Тамбовском уезде 1 десятина надела сдавалась за 9,5 рублей, а 1 десятина вненадельной земли – за 15 рублей.¹⁰ Пашня, практически одинакового качества, сдавалась по разной цене. Это объяснялось тем, что крестьяне – съемщики частновладельческой земли одалживались у сдатчиков и не вносили арендного платежа до уборки урожая и его вывозки, а крестьяне – сдатчики, напротив, одалживались у своих съемщиков и забирали арендную плату за долги до посева.

Благодаря вненадельной аренде сила состоятельной части крестьянства росла, т.е. вненадельная аренда вела к расширению пропасти между имущими и малоимущими, ускоряла и усиливала дифференциацию крестьянства. При этом в большинстве случаев предпочтение отдавалось краткосрочной аренде. Долгосрочной аренды практически не существовало, преобладали аренды сроком на 3 – 6 лет, самым распространенным типом аренды был погодный съем земли на один урожай, без всякой гарантии для съемщика, что этот участок земли достанется ему и в следующий раз, причем происходила сдача худших участков. При исследовании в начале 90-х гг. XIX в. землевладения Лебедянского, Тамбов-

ского, Кирсановского уездов было зафиксировано, соответственно, 129, 205, 207 случаев арендных правоотношений. По срокам и по числу десятин арендованной земли все эти случаи распределялись следующим образом (табл. 1).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о преобладании в большинстве уездов Тамбовской губернии краткосрочной аренды земельных участков, как правило, от одного года до пяти лет.

По данным за 1901 г., Тамбовская губерния входила в состав 19 губерний, где из 100 случаев годной и долгосрочной аренды 60 случаев приходилось на погодную. Что касалось доли арендованной земли на одно посевную аренду, то по Тамбовской губернии она

Таблица 1¹¹

Год	Количество случаев	Количество десятин
1	36 \ 46 \ 30	1788 \ 16 120 \ 5069
2	– \ 3 \ 6	– \ 236 \ 10 560
3	15 \ 27 \ 47	1535 \ 21 942 \ 520
4	5 \ 8 \ 9	334 \ 1650 \ 8063
5	4 \ 6 \ 11	579 \ 1449 \ 23 377
6	41 \ 89 \ 75	4878 \ 20 985 \ 495
7	1 \ 2 \ 3	17 \ 187 \ 1112
8	6 \ 2 \ 3	459 \ 500 \ 799
9	6 \ 3 \ 5	434 \ 1298 \ 3348
10	5 \ 1 \ 5	1790 \ 1935 \ 1414
11	– \ – \ – \	– \ – \ – \
12	10 \ 9 \ 13	2458 \ 6435 \ 4672

составляла 33 случая.¹² Налицо было весьма значительное распространение краткосрочной аренды на один посев. Соответственно арендная плата была тем выше, чем короче был срок арендного договора. В Тамбовской губернии в 90-х гг. XIX в. на долю денежной аренды частновладельческих земель приходилось примерно 60 % сданной площади. По данным Центрального статистического комитета крестьяне платили за 1 десятину земли:

1 год – 7,1 – 7,9 рублей;

3 года – 5,3 – рублей.

На срок более 3-х лет – 4,8 – 6,7 рублей.¹³

Быстроту роста арендных цен можно проследить на примере с. Сукманка Борисоглебского уезда, где в 1885 г. земля арендовалась по 7 рублей за 1 десятину, а в 1891 г. – по 10 – 15 рублей. В том же уезде арендная плата десятины крестьянского надела была от 8 до 11 рублей. Более низкая цена арендованной наделной земли по сравнению с вненадельной объяснялась тем, что мелкие крестьяне сдавали свою землю и уходили в отхожие промыслы из-за крайней нужды. В деревне Средняя Яруга того же уезда арендная плата за пашню в середине 80-х гг. составляла 12 – 15 рублей под озимые и 12 рублей под яровые посевы за 1 десятину. Есть данные, подтверждавшие, что арендные цены в этой деревне за 10 лет поднялись вдвое.¹⁴

Председатель Моршанской земской управы А.М. Бобанова подчеркивал, что «в настоящее время аренда практикуется везде, но почти вся она краткосрочная, на один сельскохозяйственный период. Такого рода аренда в конечном счете крайне убыточна для обеих сторон, так как арендатор не имел гарантий на наем нынешнего участка в будущем году, совершенно не заинтересован в улучшении земли путем тщательного обработки, удобрения и целесообразного севооборота, а старался лишь извлечь из нее все возможное в один год, в результате хищническая эксплуатация почвы и верное ее истощение; с другой стороны владелец принимал это в расчет, и не имел гарантий на бережное отношение с землей, при этом повышал арендную плату и, следовательно, понижал доход арендатора, а вместе с тем подвергал риску неполучения этой платы в случае плохого урожая и терял на прогуле третьей части земли «паре», которая при правильном интенсивном хозяйстве также давала бы арендную плату».¹⁵

Шаткость юридического правопорядка в крестьянской среде усугублялась тем, что обычай нередко оказывался в противоречии с законом, которым руководствовались суды при разрешении крестьянских дел, а гражданские законы в большинстве своем не соответствовали нуждам крестьянства. Ограничение возможности совершения сделок с землей показывало, как правовой статус землевладельца непосредственно отражался на самом характере землевладения. Правовая ограниченность крестьян, ущемляла их право владеть и распоряжаться землей.

Отсутствие таких понятий как «заключение и регистрация договора аренды» приводило к тому, что возникал особый тип посредников между землевладельцами и крупными арендаторами и мелкими съемщиками – крестьянами. Это был, как правило, богатый мужик, снимавший по сравнительно недорогой цене средних размеров участок у помещика и передававший его по частям нуждавшимся в земле крестьянам. Переходя через руки двух посредников, земля доставалась мелкому съемщику по высокой цене, едва ли не большая часть которой оставалась в руках посредников.¹⁶

В редких случаях при сдаче земли в долгосрочную аренду владельцы обеспечивали себя с юридической стороны письменными договорами (арендными контрактами) с арендаторами, в которых подробно оговаривались все условия относительно порядка пользования землей, сроков вноса арендной платы (оплата вносилась либо вся сразу за год, либо распределялась на два срока), а так же неустойки в случае невыполнения обязательств по договору. По мнению некоторых авторов, для крестьян было малозначительным фактом юридическое оформление сделки на право пользование землей. Их меньше всего интересовало заполнение абсолютно ненужных им документов, справок и смет, сам факт пользования крестьянами арендованной землей (по старинке, по обычаю) был для них выше всякого закона. Многие так же указывали на своеобразную вплетенность обычного права в «ткань» крестьянского общества и, на то, что органы этого права не имели аналогов в гражданском обществе, а его обычаи и нормы – в гражданском законодательстве.¹⁷ Трудно объяснить, как такая огромная масса народонаселения столько времени жила без определения своих прав и обязанностей.

При существовавших недостатках законодательства о крестьянах, едва ли достижимо было значительное улучшение многих, весьма сложных сторон сельскохозяйственной жизни. Закон практически не обеспечивал прав арендатора, особенно мелкого, которым в большинстве случаев являлся крестьянин.

Бывало и так, что крестьянин, сдавший во время острой нужды в деньгах свой надел в аренду, сам же снимал землю у частного владельца, уплачивал ему при этом значительно большую арендную плату. Дело в том, что крестьяне сдавали свой надел за наличные деньги, а арендовали землю и уплачивали за нее отработками. Такое явление особенно характерно для Тамбовского уезда. Иногда крестьянин нуждался в такой сумме денег, что ему приходилось сдавать надел в долгосрочную аренду. В этом случае арендатором мог быть только зажиточный мужик, нередко один на все селение, воспользовавшись отсутствием конкуренции, он еще сильнее понижал плату за землю. Низкая арендная цена крестьянских земель зависела, во-первых, от сильной потребности в деньгах для удовлетворения неотложных потребностей, во-вторых, от истощения крестьянских наделов, в-третьих, от того, что чересполосность мешала жителям других местностей арендовать эти земли.¹⁸ Характерно было и то, что коллективная аренда несколько превышала единоличную. По мнению А.М. Анфимова, сущность этого явления заключалась в трудности организации капиталистического землевладения в условиях помещичьей монополии на большую часть земельных угодий.¹⁹ Более предпочтительная для зажиточных крестьянских групп единоличная аренда далеко не всегда была для них доступна, а вынужденное участие в коллективной аренде в определенной мере сдерживало предпринимательские возможности состоятельных арендаторов.

Член земской управы В.Н. Бирюков отмечал, что «чем крестьянин был беднее, тем арендованная земля в конце-концов, обходилась ему дороже, кроме того, он утрачивал свою хозяйственную самостоятельность, так что после известного передела арендатор превращался в сущности в рабочего с вознаграждением из убранного хлеба».²⁰

Обследования, проведенные в 7 уездах Тамбовской губернии в период с 1898 по 1903 гг. показали, что в Моршанском уезде аренда 1 десятины земли под озимый посев повысилась с 12,78 р. до 17,42 р., а под яровой посев с 11,24 до 15,50 р.; в Спасском уезде под озимый посев с 8,86 до 11,21 р., под яровой посев с 6,74 до 9,14 р.; в Тамбовском уезде под озимый посев с 15,98 до 19,89 р., под яровой посев с 13,51 до 17,58 р.; в Борисоглебском уезде под озимый посев с 17,82 до 19,68 р., под яровой посев с 13,29 до 15,53 р.; в Кирсановском уезде под озимый посев с 14,40 до 18,33 р., под яровой посев с 12,47 до 16,01 р.; в Лебедянском уезде под озимый посев с 14,20 до 15,94 р., под яровой посев с 13,2 до 14,63 р.; в Шацком уезде под озимый посев с 9,43 до 12,95 р., под яровой посев с 7,39 до 11,81 р.²¹ Очевидным становился тот факт, что отсутствие четкой ценовой политики со стороны государства подчас приводило крестьян к разорению.²²

В результате к началу XX в. крестьянская аренда представляла собой достаточно сложное явление. Несовершенство аграрного законодательства России конца XIX – начала XX вв. не способствовало юридическому оформлению права собственности крестьян на землю, в котором субъектом этого права выступала не совокупность лиц, а конкретная личность. Органы государственной власти даже не стремились к тому, чтобы хотя бы приблизить крестьянскую собственность на землю ко всякой другой частной собственности. В экономике русской деревни аренда являлась фактором, ускорявшим процесс расслоения крестьян на имущих и неимущих, а также была направлена на капитализацию мелкого землевладельческого производства.

Примечания:

- ¹ Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1909. Т. 1. С. 15.
- ² ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 43. Л. 16, 16 об.
- ³ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Борисоглебский уезд: Приложение. Тамбов, 1880. С. 46.
- ⁴ Там же. С. 12.
- ⁵ Там же. С. 76.
- ⁶ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. М., 1956. С. 113.
- ⁷ Щепотьев С. Очерки крестьянской аренды в черноземной полосе // Юридический вестник. 1884. № 10. С. 11.
- ⁸ Качаровский К. Народное право. СПб., 1906. С. 44.
- ⁹ Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1914. С. 277.
- ¹⁰ Есиков С.А. Крестьянская земельная аренда в Тамбовской губернии (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. науч. ст. Вып. 3. Тамбов, 2000. С. 109.
- ¹¹ Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. X: Тамбовский уезд. Тамбов, 1904. С. 54.
- ¹² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 17: Частное землевладение Лебедянского уезда. Тамбов, 1891. С. 18.; Т. 16: Кирсановский уезд. Тамбов, 1891. С. 65.; Т. 19: Тамбовский уезд. Тамбов, 1894. С. 21.
- ¹³ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 355.
- ¹⁴ Материалы высочайше утвержденной 16.11.1905 года Комиссии. Ч. 1. С. 28.
- ¹⁵ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1953. С. 192.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5455. Л. 8.
- ¹⁷ Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1896. С. 364.
- ¹⁸ Качаровский К. Указ. соч. С. 134, 137.
- ¹⁹ Карпунин В.К. Аренда крестьянских наделов // Русская мысль. М., 1893. Кн. 3. С. 9.
- ²⁰ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904. М., 1980. С. 121.
- ²¹ Бирюков В.Н. Крестьянское хозяйство в черноземно-степной полосе // Северный вестник. 1886. № 4. С. 111.
- ²² Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. XII. Тамбов, 1907. С. 79; Вып. XI. Тамбов, 1905. С. 53; Вып. X. Тамбов, 1904. С. 68.; Вып. VII. Тамбов, 1903. С. 75; Вып. IX. Тамбов, 1904. С. 98 – 99; Вып. IV. Тамбов, 1901. С. 112; Вып. II. Тамбов, 1899. С. 73.

В.В. Никулин

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОБВИНЯЕМОГО И КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-е годы)

Идея строгой организации общества по социальному признаку, когда «свои» социальные группы отделены от «чужих», враждебных, базировалась на классовой теории, основе марксистского учения. Поэтому эта идея нашла практическую реализацию после прихода большевиков к власти. Был создан механизм социальной селекции при помощи определения классовой принадлежности с позиции «свой – чужой».

Общеполитическим критерием, определявшим степень лояльности режиму, выступало социальное положение индивида до 1917 г. Таким образом, в социальные категории люди включались не по тем функциям, которые выполнялись в настоящий момент, а по тем, какие исполнялись до революции. В 1920-е гг. работа по социальной реконструкции общества получила логическое завершение. Была разработана детальная классификация, включавшая в себя такие критерии, как основное занятие в момент его определения, положение в производстве и др.

Неизбежным результатом стало сужение социального пространства до примитивизма, что вело, в свою очередь, к усилению классового аспекта во всех сферах деятельности власти, в том числе и в правовой. Классовая принадлежность стала определять не только социальный статус индивида, но и прямо влиять на его правовое положение, повседневную жизнь человека, что особенно отчетливо стало проявляться в 1920-е гг.

Новая экономическая политика создала новые социально-экономические условия в стране, изменилось и положение юстиции. Из органа, преследующего почти исключительно репрессивные цели, она должна была превратиться в орган, регулирующий жизнь на правовых основах. Потребовалось серьезное изменение черт, характера и способа применения правовых норм, в частности, перейти к судебной форме преследования преступников.

В 1922 – 1923 гг. принимаются основные кодексы-законы: уголовный; гражданский; уголовно-процессуальный; гражданско-процессуальный. Была создана единая судебная система. В результате реформирования в основном завершилось конструирование и создание правовой системы советского государства, которая стала юридической основой правоприменительной практики. Но эта система, вызванная к жизни объективной необходимостью, потребностями мирного времени, вобрала в себя черты предшествующего периода. В годы гражданской войны укрепился социологический подход к праву. Социологическое начало явственно присутствует и в кодексах-законах, а, как следствие, и в правоприменительной практике. Ярким проявлением этого являлся тезис о постоянной изменчивости пролетарского права, «вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами», что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право, с точки зрения марксизма, не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является «текущим», в зависимости от экономических функций страны. Мы будем в первую очередь защищать рабочих и крестьян. Закон является действительным только на тот период, на который он дан. Пришел срок, и мы строим новый закон, который расчищает путь к коммунизму», – так разъясняли суть советского права представители Наркома юстиции на местах.¹ В данном тезисе со всей очевидностью проявляется понимание законности как правопорядка, который призван целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и является общеобязательным.

Таким образом, понимание законности строилось исключительно на классовом принципе. Логика законодателя вела и к определению правонарушения. Преступными актами признавались те правонарушения, которые нарушают или угрожают наиболее важным интересам человека и одной социальной группы.

Подобный подход равносителен тезису: «Акты являлись преступными, потому что они объявлялись преступными». В разъяснениях, чем же УК РСФСР отличается от буржуазного, обращалось внимание на три принципиальных положения. Во-первых, просто написан, приспособлен для понимания людьми без специального образования; во-вторых, классовое начало, положенное в его основание; в-третьих, отсутствие стесняющей суд лестницы наказаний, путем возможности применять любое из наказаний, указанных в данной статье при наличии соответствующих мотивов.²

Создание законов, имевших склонность к широкому толкованию, позволяло суду, как орудию охраны интересов господствующего класса, успешно решить задачу вынесения классово-обоснованных приговоров. Неизбежным при таком жестком классовом подходе стал вывод о «запрограммированности» и враждебности одних социальных групп и «непредрасположенности» к преступности других, что в практическом плане проявлялось в отсутствии равноценности наказания для различных социальных групп. Система наказаний строилась не только на основании меры поступка, но и на основании социально-классовой принадлежности. Причем зачастую второй фактор был куда весомее при определении меры наказания, т.е. мерой наказания были не совокупность его проступка, преступления, а характер той группы, членом которой он был, что можно определить как правовую дифференциацию общества. Юридический «оценочный механизм» состоял в определении «свой – чужой». Признаки «своего» – это «единство крови», т.е. единство социального происхождения. Классовое начало уже видно из ст. 5 УК:

Задача УК – правовая защита государством трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов. Особенно рельефно классовый подход подчеркивают ст. 24 и ст. 25, в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Прослеживается стремление снизить меру наказания «своим». Суды, ориентировались на то, что прежние наказания будут применяться только к врагам советской власти, а к остальным – штрафы, налоговые повинности и т.п.³

На практике данные установки трудно было реализовать, поскольку основная масса преступлений совершалась как раз «своими» – рабочими и крестьянами, в том числе и тяжкие. Суды определяли наказание по максимуму, тюрьмы были переполнены, основной контингент заключенных составляли рабочие и крестьяне. Это обстоятельство высшим руководством рассматривалось как прямое нарушение классового принципа. С конца 1924 г. формируется «новое направление карательной политики». Многочисленные указания и инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». В циркуляре Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1924 г. разъяснялось, что при рассмотрении уголовных дел, находящихся в производстве, необходимо учитывать следующие данные: социальное положение обвиняемого в момент преступления; социальное положение обвиняемого до революции. При выяснении этого обстоятельства нельзя было ограничиваться указаниями на принадлежность к определенному классу, а точно установить социальную группу, к которой относился обвиняемый (помещик, купец, крестьянин-кулак, бедняк, рабочий и пр.). В отношении безработных – сколько времени обвиняемый является безработным, состоит ли на учете Биржи труда, чем занимался после революции и до революции. В отношении крестьян – ведет ли он хозяйство и какого типа (кулак, середняк, бедняк). Не ограничиваться только указанием на указание обвиняемого к определенной социальной группе крестьянства, а по возможности подробнее охарактеризовать его хозяйство (сколько земли обрабатывает, количество скота и пр.).⁴

Требования о необходимости во всех случаях учитывать социальное положение обвиняемого содержится и в директивном письме Уголовно-кассационной коллегии (УКК) Верховного Суда. Классовый принцип в карательной политике должен был выражаться в правильном определении степени опасности преступления с точки зрения интереса класса в целом, в выдержанном классовом подходе к каждому подсудимому, в правильном учете всех обстоятельств, определяющих целесообразность назначения того или иного наказания. От судов требовали учитывать в первую очередь социальное положение в момент совершения преступления, а затем учитывать их социальное происхождение. Широко применять ст. 28 УК (условное осуждение) к рабочим и трудовым крестьянам, совершившим преступление впервые.⁵

В итоге создавалась система «увода от наказаний». Суть ее заключалась в том, что при определенных условиях (критериях) преступления не влекли за собой наказание или оно существенно снижалось. Способы «увода», «прощения вины» можно свести к двум основным факторам: «внутреннее состояние» правонарушителя – невежество, совершение преступления впервые, неосознанность, вынужденная ситуация, политическая неграмотность. В правовой лексикон вошло даже понятие «право бедности», давшее существенные привилегии при уплате штрафов, судебных и прочих пошлин. «Внешнее состояние» правонарушителя – принадлежность к определенной социальной группе, номенклатуре, партии большевиков. Привилегированные социальные группы – рабочие, крестьяне. «Паразитические» – нэпманы, духовенство и т.п. Это было чисто политическое понимание сущности юридических норм и вело оно к существенным последствиям. При таком понимании и практическом подходе снижалось влияние фактора неизбежности наказания. Известно, что угроза наказания влияет на поведение индивида. Степень влияния неизбежности наказания гораздо выше, чем вероятность наказания или его условность. Суды при определении наказания должны были руководствоваться непреложным правилом: «учитывать, кого он имеет перед собой и назначать меру социальной защиты, исходя из признаков социальной принадлежности».⁶ Мотивационные действия наказания существенно снижались, что в свою очередь влияло на повышение преступности среди «своих» классов. Формировались устойчивые шаблоны правового поведения и отношения к закону, в основном нигилистического характера. Создавалась атмосфера безнаказанности и вседозволенности, «поэтому и кричат на улице пьяные рабочие, – «Я хозяин...», а рабочие, посланные на руководящую должность и провинившиеся, рассуждают просто – «Я – рабочий, неграмотный, а потому с меня спрос маленький»⁷. На лицо был конфликт поведений.

Отчетливо проявлялась тенденция определения правонарушения, как «несвойственного» данной социальной группе. Между тем, известно, что даже в одной социальной группе не может быть одинакового понимания норм поведения, не говоря уже об обществе в целом. Подобная трактовка роли и места

наказания исходила из явной переоценки способностей «трудящихся классов» к исправлению и самосовершенствованию, а их преступления происходят всего лишь по причине малосознательности, темноты и «забитости» жизнью. Воровство, получившее широкое распространение в обществе, объяснялось тяжелыми обстоятельствами, трудящимся не присуща «злая воля», пойти на преступление вынудило «бытие»: украл булку – был голоден, гнал самогон – значит это последний способ найти средства к существованию. Объяснения преступности часто находили и в «происках последних остатков умирающих классов». На практике это приводило к несоблюдению принципа равноценности наказания. Практика судебных преследований отличалась крайней тенденциозностью, усугублявшаяся слабым составом судей. Суды действовали по принципу – для «своих» одно наказание, для «чужих» – другое, что в народе незамедлительно получило оценку: «Если рабочий, то принимать во внимание, крестьяне – тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд».⁸

Суды классовую линию воспринимали буквально, определяя условное наказание трудящимся или подводя их к амнистии. Например, бывший кадровый офицер (нетрудовой элемент) приговорен по ст. 114 и 116 УК (должностное преступление) к 8 годам лишения свободы со строгой изоляцией и поражением в правах. Проходивший по тому же делу второй обвиняемый (рабочий) благополучно попал под амнистию в честь годовщины революции.⁹ Частыми были условные наказания, с одной стороны, это поощряло преступность, с другой – вызывая негативную реакцию населения, недовольного мягкими приговорами. Особенно раздражала крестьян безнаказанность конокрадства и краж сельхозпродукции, наносившие наибольший экономический ущерб крестьянским хозяйствам. На этой почве в деревне участились самосуды. Появляется инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР от 29 июня 1925 г. с новым разъяснением сути классового подхода к карательной политике. Судам напоминали, что проведение классового принципа заключается не в автоматическом обвинении «нэпмана» и «кулака» и не в оправдании трудящихся, а в отчетливом и ясном понимании социальной опасности действий привлеченного к суду гражданина, расцениваемой с точки зрения интересов пролетариата в целом.¹⁰ Но понять в чем социальная опасность действий того или иного индивида для судов было самым сложным. Ведь их постоянно инструктировали не избирать слишком суровых наказаний для «своих», помнить о принципе предельной «полезности» наказания – перевоспитания, с одной стороны, а с другой – меру наказания избирать без учета личности преступника (нэпман, бывший офицер или пролетарий), его имущественного положения. Судьи предпочитали «перегнуть палку» (хуже не будет) и шли по самому простому пути – определяли наказание, исходя из социальной принадлежности обвиняемого (минимум-максимум).

Массовый увод трудящихся от наказания, сведение к минимуму изоляции правонарушителя обуславливался и весьма прозаической причиной – переполненностью тюрем. Обследование тюрем, проведенное в 1923 г., показало, что подавляющее число заключенных – это рабочие и крестьяне. Вывод был однозначен: судебные органы не научились применять классовую политику.¹¹ Целям разгрузки тюрем от «трудящихся» служили амнистии. На Пленуме Тамбовского губсуда в феврале 1925 г. говорилось о переполненности тюрем, что вынуждает ходатайствовать о частых амнистиях.¹² В апреле 1925 г. Верховный Суд в своем циркуляре констатировал факт переполненности тюрем, что вызывает угрозу эпидемий и требует разгрузить тюрьмы.¹³ Амнистии приводились опять же по классовому принципу и распространялись в основном на «трудящихся». В инструкции по применению амнистий к международному дню работниц (1924 г.) категорически требовалось применять амнистию исключительно к тем осужденным или привлеченным к ответственности женщинам, которые принадлежат к трудовым слоям населения.¹⁴ А в постановлении ЦИК СССР об амнистии к десятилетней годовщине революции (март 1927 г.) в качестве обязательного условия амнистии осужденным «трудящимся» необходимо было отбыть половину срока, назначенного судом, всем же остальным – 2/3 срока.¹⁵

Нельзя сказать, что столь однобокий подход к наказанию, открывший по сути принцип равноценности наказания, не вызывал возражений. Здравые рассуждения звучали. Например, на одном из пленумов Тамбовского губсуда справедливо говорилось о порочности такого подхода. Под «классовую правовую привилегию попадали и люмпенизированные элементы. А что такое люмпенпролетариат? Да, он беден, но больше данных у него для построения коммунизма нет. У него программа из двух пунктов: 1) ничего не делать; 2) никому не поручать выполнение первого пункта. «К таким элементам предлагалось относиться жестко и применять максимальное наказание.¹⁶ Но здравые предложения тонули в хоре голосов «революционных юристов», а в практической деятельности судов ничего не менялось.

Политизированное общество рождало и политизированное право, ярким признаком которого являлся социально-классовый подход к определению наказания. Это свидетельствовало, что идеология гла-

венствует над законом. В такой ситуации право не являлось общеобязательным сводом правил поведения, а всего лишь средством реализации политической доктрины, а юридические нормы стали простыми дополнениями к ней, служили целям формально – юридического оформления социального неравенства, частью системы социального контроля, главной целью которого было сохранение и укрепление политической системы.

Примечания:

¹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.

² Там же. Д. 376. Л. 28.

³ Уголовный кодекс РСФСР. (Ред. 1922 г.). М., 1923. С. 17.

⁴ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 181. Л. 25 – 26.

⁵ Там же. Д. 376. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 841. Оп. 1. Д. 3530. Л.

3

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 136. Л. 91.

⁹ ГАТО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 232. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 376. Л. 67.

¹¹ Там же. Д. 9. Л. 77.

¹² Там же. Д. 357. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 77.

А.К. Гаврилин

К ВОПРОСУ О НАСИЛИИ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

В современном обществе исторически сложилось одностороннее понимание власти, как «...способности и возможности осуществить свою волю, оказывать определяющие воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства (авторитета, права и т.д.)».¹

Вместе с тем, приветствуются постоянные попытки, особенно молодых ученых, «...вырваться за рамки укоренившихся представлений...» и «...рассмотреть некоторые из подходов к изучению власти в отрыве от их стандартной классификации»². Это стремление совершенно справедливо, так как научный подход к определению власти требует учета множественности ее проявлений в обществе, а следовательно, выяснения специфических особенностей отдельных ее видов, которые переплетаются между собой, но не сводятся друг к другу. И здесь важно учитывать, что только государственная власть обладает монополией на принуждение с помощью специального аппарата в отношении всех членов общества. Эта функция власти, как впрочем и другие, особенно ярко проявляется в переломные, критические моменты развития и функционирования государства и общества. Например, во время межгосударственного военного конфликта с применением вооруженных сил. Война требует мобилизации всех здоровых сил и ресурсов общества для достижения победы или сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности.

В преддверии 60-й годовщины Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., интересно проследить какими специальными средствами, с точки зрения проявления власти, был достигнут перелом в ходе Великой Отечественной войны. Как известно, такой перелом наметился в 1942 г. Начало, вероятно, было положено выходом приказа Народного Комиссара обороны И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. Этот нормативно- правовой акт в полной мере отражает справедливость утверждения немецкого социолога М. Вебера, изложенного в работе «Политика как призвание и профессия» (Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990): «Государство ... есть отношение господства людей над людьми, опирающиеся на легитимное (т.е. считающиеся легитимным)

насилие как средство...», где одним из оснований легитимности являются «... авторитет необходимого личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-либо человека ... в области политической – это избранный князь – военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь»³.

Все это в полной мере относится к И.В. Сталину как харизматической личности и к приказу № 227 как проявлению легитимного насилия в переломный период войны. Одним из главных требований приказа

№ 227 было создание репрессивного института штрафных подразделений и заградительных отрядов, обладающих насильственными функциями, предназначенными для повышения стойкости и боеспособности войск.

Проследить эффективность такого насилия или выполнения требований приказа № 227 можно на примере Воронежского фронта.

Воронежский фронт был сформирован в июле 1942 г.⁴ в период хаоса и неразберихи в Ставке ВГК, связанных со стратегическим просчетом в определении главного направления удара противника⁵.

В январе 1943 г. войска Воронежского фронта успешно осуществили Острогжско-Россошанскую операцию, в ходе которой окружили и уничтожили более полутора десятков итальянских, венгерских и немецких дивизий. Затем совместно с войсками Брянского фронта была проведена Воронежско-Касторнская операция 1943 г., в результате которой была разгромлена 2-я немецкая армия. 25 января 1943 г. был освобожден город Воронеж. В феврале – марте 1943 г. войска Воронежского фронта развернули наступление на Курско-Львовском и Харьковском направлениях. 8 февраля 1943 г. был освобожден город Курск, а 3 марта – Львов. В ходе Харьковской наступательной операции, 16 февраля был освобожден г. Харьков. Однако, достигнутый успех развить не удалось. Противник предпринял контрнаступление и войска Воронежского фронта отошли, образовав южную часть Курской дуги.

Отразив удар противника с юга и обескровив его танковые группировки в оборонительном сражении на Курской дуге, войска Воронежского фронта во взаимодействии с войсками Степного фронта 3 августа 1943 г. перешли в наступление, и в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции окончательно их разгромили. Развивая успех, войска фронта, в сентябре – октябре развернули наступление на киевском направлении, с ходу форсировали Днепр севернее и южнее Киева, овладели важными оперативными плацдармами на его правом берегу, создав выгодные условия для последующих действий по освобождению Киева. 20 октября 1943 г. Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский фронт⁶.

Как и на других фронтах, летом 1942 г. в войсках Воронежского фронта имели место множественные случаи самострелов и членовредительства, дезертирства, измены и сдачи в плен. В частях 60-й армии Воронежского фронта на 26 июля 1942 г. было отмечено 116 случаев ранений с явными признаками членовредительства⁷. За август этого года на сторону врага из войск Воронежского фронта добровольно перешли более 500 человек⁸ и более 600 человек были задержаны или уничтожены в ходе попыток таких переходов⁹. Обстановка на Воронежском фронте была явно нездоровой и тревожной. Немедленно принимались меры по выполнению требований приказа № 227 о создании штрафных подразделений и заградительных отрядов. Их сформировали в конце августа 1942 г. в составе одного штрафного батальона и одиннадцати штрафных рот¹⁰. В штрафные подразделения направлялись военнослужащие, осужденные военным трибуналом. В 6-й армии фронта Военный трибунал осудил за воинские преступления с августа по октябрь 1942 г. – 94 человека, из них на 10 лет – 72 человека; на 8 лет – 13; на 7 лет – 9 командиров и красноармейцев¹¹. Все они были направлены во 2-ю штрафную роту: за дезертирство – 62, за членовредительство – 12, за трусость – 11, за самовольную отлучку – 9 человек¹².

Распорядок дня, установленный в штрафных подразделениях, предусматривал ежедневное проведение 12-часовых занятий, из которых 2 – 3 часа отводились на политинформации, остальное же время было занято совершенствованием боевой подготовки¹³. Все занятия проводились исключительно целенаправленно, преследуя совершенно определенные цели, как правило, связанные с решением предстоящих боевых задач. Подготовленные таким образом штрафные группы направлялись на самые опасные и требующие больших людских жертв участки фронта. Из двух штрафных рот Воронежского фронта, принимавших участие в прорыве обороны противника в феврале 1943 г., в ходе Харьковской наступательной операции осталось в живых 29 человек, из них 17 были ранены. Это 24 % от всего личного состава рот¹⁴.

Вместе с тем, не обошлось без нарушений требований приказа Наркома Обороны № 227. Отдельные командиры и начальники, прикрываясь приказом, злоупотребляя служебным положением, глумились и издевались над военнослужащими. На 8 лет был осужден военным трибуналом командир взвода

16 истребительной бригады 40-й армии старший лейтенант «Ж». Он был направлен в 3-ю штрафную роту за то, что перед всем личным составом взвода заставил красноармейца «М» вырыть себе могилу и расстрелял его¹⁵. Таких случаев по всему фронту было не мало, красноармейцы не выдерживали пресинга со стороны своих командиров, и это немедленно сказывалось на политико-моральном состоянии личного состава подразделений. В 3-й роте отдельного пулеметного батальона 141-й стрелковой дивизии была арестована группа красноармейцев, готовившихся перейти на сторону врага. В процессе расследования были установлены факты незаконных и неуставных действий командира взвода «С», грубо нарушавшего приказ Наркома Оборона СССР № 0391 « О фактах подмены воспитательной работы репрессиями»¹⁶.

По мере искупления вины кровью, судимость со штрафников снималась, и они отправлялись для прохождения службы в обычные строевые части и подразделения. Военный Совет Воронежского фронта в октябре 1942 г. снял судимости с 767 военнослужащих¹⁷. В результате принятых мер в октябре 1942 г. число ранений в руку сократилось до 12, сдачи в плен до 9 случаев¹⁸.

Активно шла работа по отселению жителей из прифронтовой полосы. Приказом № 227 она была определена в 25 км. На конец октября 1942 г. в полосе 6-й армии было отселено всего 39 % населения, в полосе 40-й армии – 37 %¹⁹. Например, в Новой Усмани из 2736 семей отселены 531, а в Л. Россоси из 1600 – лишь 61 семья²⁰. Отселение осуществлялось насильственно, при участии подразделений заградительных отрядов и милиции, часто с применением оружия! Например, в селе Р. Вуйловка Павловского района в результате применения оружия бойцами заградительного отряда погибли более 50 крестьян²¹. К 15 декабря 1942 г. отселение было завершено²².

Таким образом, некоторые задачи, поставленные приказом № 227, были выполнены. Стойкость, дисциплина и организованность, боеспособность войск Воронежского фронта повысилась. Видимо, вполне можно согласиться с Ф.М. Райяновым и А.Ш. Гардановым, которые считают, что власть – способная оказывать воздействие на поведение людей сила, с помощью которой государство при необходимости (подчеркиваем, при необходимости – авт.) вмешивается в общественные процессы, воздействует на поведение участников общественных отношений²³.

В настоящее время Россия оказалась в условиях внешней агрессии международного терроризма. Это системный вызов государственному суверенитету и территориальной целостности страны. Сейчас необходимо поддержать Президента РФ В. Путина в том, что «...террористы должны уничтожаться прямо в их логове, а если требует обстановка – их нужно доставать и за рубежом». В этом отношении интересна позиция А.В. Дмитриева и А.Ю. Залысина, которые утверждают, что определение политического насилия предполагает и физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты. И дальше, развивая эту мысль, авторы приходят к выводу о том, что политическое насилие имеет объектом воздействие на сознание людей. Капустин Б.Г. совершенно справедливо считает, что ни одна война в истории (если мы отличаем войны от геноцида) не велась ради убийства людей или нанесения им увечий, а для того чтобы посредством этого заставить оставшихся в живых принять некие условия. Но принятие условий, несомненно, – результат воздействия на сознание. Физическое насилие – лишь одно из средств получить этот эффект, причем свидетельствующие о неспособности добиться более выгодным путем, адекватным характеру власти или человеческого отношения²⁴.

«Любая ли власть насильственна? – задает вопрос В.М. Межуев²⁵. Можно ли квалифицировать как насилие власть закона, принятого с согласия большинства? И отвечает: «... Да, насилие здесь не исключается, однако направлено оно не против свободы граждан, а против тех, кто покушается на нее. Речь идет о том, что в данном случае насилию подвергаются не законопослушные граждане, а те, кто нарушает закон, ставит себя вне его, живет не по законам, а «по понятиям», т.е. преступники. Защитить свободу граждан способна лишь сила права, а эту силу, как кажется В.М. Межуеву, ни в коей мере нельзя считать политическим насилием. Никакая политика, даже демократическая, не в состоянии обеспечить всей полноты свободы. Важно сформировать структуру политической власти таким образом, чтобы в определенной, хотя бы минимальной, мере обеспечить себя от произвола носителей публично-властных полномочий, от вырождения государства.

И абсолютно права А.А. Лагутина, считающая, что «можно выделить одно общее, что связывает все трактовки власти, – подчинение человека воли другого»²⁶. Отсюда сущность этого явления, получившая достаточно широкое и глубокое освещение в научной и научно-популярной литературе – как отношения господства и подчинения.

Примечания:

- ¹ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 85.
- ² Артемьев А.Б. Основные концепции власти: общее и особенное // Политика. Власть. Право: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во юрид. института, 2000. Вып. III(2). С. 8.
- ³ История политических и правовых учений: Хрестоматия. М.: Издание юрид. кол. МГУ, 1994. С. 190.
- ⁴ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1955. Вып. 15. С. 135.
- ⁵ Василевский А. Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 4.; Галздер Ф. Военный дневник. М.: Воениздат, 1968. Т. I. С. 268.
- ⁶ Историческая справка на фонд управления Воронежского фронта. ЦАМО, 1977.
- ⁷ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 8. Л. 60.
- ⁸ Там же. Л. 64.
- ⁹ Там же. Л. 222.
- ¹⁰ Там же. Д. 11. Л. 236.
- ¹¹ Там же. Д. 8. Л. 240.
- ¹² Там же. Д. 11. Л. 233.
- ¹³ Там же. Д. 18. Л. 61.
- ¹⁴ Там же. Ф. 334. Оп. 5259. Д. 35. Л. 17; Ф. 295. Оп. 9153. Д. 23. Л. 117.
- ¹⁵ Там же. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 8. А. 116.
- ¹⁶ Там же. Д. 11. Л. 238.
- ¹⁷ Там же. Л. 239.
- ¹⁸ Там же. Л. 259.
- ¹⁹ Там же. Д. 8. Л. 392.
- ²⁰ Там же. Л. 394.
- ²¹ Там же. Л. 395.
- ²² Там же. Л. 448.
- ²³ Райянов Ф.М., Гарданов А.Ш. Размышления о государстве. Уфа, 1994. С. 8 – 9.
- ²⁴ «Полис» («Политические исследования»). 2003. № 6. С. 9.
- ²⁵ «Полис». 2004. № 3. С. 110.
- ²⁶ Лагутина А.А. Власть как общесоциологическая категория: понятие и назначение // Политика. Власть. Право: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2000. Вып. III(2). С. 65.

С.А. Пучнина

ГЕНЕЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Правосознание как относительно самостоятельный вид общественного сознания формируется не сразу, а только с появлением права, где право выступает объектом отражения. Как совокупность идеальных представлений о должном и действительном праве оно имеет глубокие исторические корни.

В процессе формирования правосознания условно можно выделить несколько периодов становления. Как форма общественного сознания оно развивается достаточно долго и синтезировано с другими формами. На ранних стадиях развития человечества общественное сознание имело признаки синкретности. В основе социального регулирования лежали мононормы, в которых четко не выделялись ни нормы права, ни нормы религии, ни нормы морали. В период распада первобытно-общинного строя происходит дифференциация мононорм на религию, право, мораль¹. Однако, как формы общественного сознания они еще долго находились в тесной взаимосвязи, оказывая существенное влияние друг на друга. Правовая мысль длительное время вызревала в лоне нерасчлененного, синкретного мифолого-религиозного сознания.

Таким образом, духовной почвой правосознания можно считать мифологические и религиозные верования².

Под мифологическим сознанием понимается исторически первая форма представлений людей об обществе и о себе. В мифе личность старается проявиться, высказать себя, иметь какую-то свою историю, определить свое место в мире, объяснить окружающую действительность. «Миф – это образ, картина, смысловое явление личности»³. Миф представляет собой некое идеальное воплощение представлений о действительности посредством мифологических персонажей и «сказочных» действий. Таким образом, с одной стороны миф выражал идеальные «несуществующие отношения, а с другой имел вполне реальные корни. Мифология представляет собой исторически первую, архаичную форму отражения «правовой природы вещей». Нерсисянц В.С. совершенно справедливо отмечает, что «в примитивных обществах мифология выполняет функции объяснения и легитимации социальных норм»⁴. Именно мифология дает первые сакрально окрашенные представления о «порядке», «законе», «справедливости», «правде», «запрете», «возмездии». В мифах предпринималась попытка объяснить установленные порядки и выражалось первое отношение человека к правовым явлениям.

На этом этапе мифологическое сознание наделило божественным, сверхъестественным началом такие понятия как запрет (табу), закон (как форма выражения запрета), установленный порядок (государство). Именно в мифологических сюжетах получила фиксацию идея о божественном (сверхъестественном) первоисточнике правил человеческого поведения, а также о зависимости и прямой обусловленности норм человеческого общения (дозволений, запретов) более широкими (вселенскими, космическими) первоначальными порядками⁵.

Между тем именно переход от «стадного сознания» к сознанию общественно развитого («разумного») человека, возникновение первобытной морали, искусства, публично-правовых представлений и т.д. означает становление общественного сознания в собственном смысле слова. Ибо происходит вычленение и отделение «непосредственного сознания», органически и напрямую связанного с жизнедеятельностью человека, и каким-то образом социально организованного, «обобщенного» сознания, надындивидуального по своей природе. Таково, по общепринятому мнению, мифологическое сознание как первая историческая форма и способ осознания действительности. Таким образом, формирующееся в рамках мифологического мировоззрения правосознание, с определенной долей условности можно назвать мифологическим правосознанием, поскольку право воспринималось опосредованно через мифологические представления.

Следует разграничить религиозное и мифологическое сознание.

Религиозное сознание отражает, прежде всего, взаимоотношение личности и вечности, личности и Бога. Религия долгое время являлась одной из сторон мифологического сознания. С появлением классового общества она конституируется, довольно долго оставаясь доминантой общественного сознания и накладывая отпечаток на другие его формы, в том числе на правовую идеологию⁶. Основой правосознания, находящегося в рамках религиозного мировоззрения, является принятие трансцендентного, сверхъестественного начала (Бога) за источник возникновения, действий и авторитет права. Мифолого-религиозное сознание явилось не только системной и структурной основой восприятия права, но и придало ему в какой-то степени сакральный смысл.

Петражицкий Л.И. отмечал, что своеобразному характеру высшего мистического авторитета этических эмоций соответствует тенденция приписывать установление права и нравственности высшим существам сверхъестественного порядка. Сообразно с этим древнейшее и общераспространенное на известной стадии развития человеческой мысли учение о происхождении норм общежития есть учение о Божественном происхождении их»⁷.

Право и религия долгое время находились в тесной взаимосвязи. Несмотря на то, что религиозные и правовые нормы обособились, тем не менее, религия оказывала существенное влияние на право. Это влияние во временном отрезке постепенно утрачивало свое доминирующее положение. На первом этапе развития человеческого общества право воспринималось исключительно через призму религиозных норм и верований. Впоследствии, когда право представляет собой уже сформировавшуюся форму социальности, воздействие религии выражается в закреплении, прежде всего, морально-нравственных позиций.

Сложно назвать определенный момент выделения правосознания в самостоятельную, «независимую» форму общественного сознания. Исследователями указывается на то, что этот процесс протекал в различных странах неодинаково. Первым отправным моментом можно считать 1-е тысячелетие до н.э., когда в условиях античного полиса появились зачатки понимания того, что свободное человека и гражданскую общину, членом которой он состоит, связывают нити обоюдных прав-обязанностей. У греков

и римлян обозначилось также рациональное восприятие правового. Ими (прежде всего, выдающимися греческими философами) были заложены основы теоретического осмысления права⁸. Таким образом, осознание права постепенно освобождается от религиозных догм.

Существенное влияние религии на право и на осознание права можно проследить во всех правовых системах мира. Но, с течением времени, степень его воздействия ослабевала. Этот процесс продолжителен по времени и является более характерным для западных цивилизаций.

Особым этапом, формирующим правосознание нового типа, являются XIX – XX вв., когда возникли и сформировались буржуазные государства, институционально основанные на формальном праве – декларациях, конвенциях, конституциях. В них были достаточно строго и определенно сформулированы основные права и свободы граждан, приняты кодексы, регулирующие разнообразные социальные взаимодействия правоответственных субъектов, сформировано понятие обязанностей и ответственности. Таким образом, возникло и закрепилось «юридическое мировоззрение, которое и породило правовое общество и правовое государство современного типа»⁹.

Формирование капитализма принесло с собой господство буржуазного юридического мировоззрения. По своей сути, источнику аргументации, используемым теоретико-познавательным приемам оно выступало антиподом религии и находящегося под его воздействием правосознания. В границах данного мировоззрения началась и совершалась интенсивная разработка наиболее типичных для буржуазного правового сознания установок и концепций. Данный период является периодом формирования собственно правосознания, хотя оно и сохраняло теологические элементы. Так «место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство»¹⁰.

В некоторых правовых системах и сегодня мы наблюдаем жесткую зависимость права от религии. Например, мусульманское право является одной из сторон ислама. Собственно шариат и есть мусульманское право¹¹. Религиозные догмы в данном случае являются рационально-понятийной формой права.

Влияние религиозных норм на правосознание на современном этапе порой носит скрытый характер. В данном случае присутствует некая дуалистичность правосознания. С одной стороны существуют официально установленные нормы права, регулятивная роль которых номинальна, с другой стороны – религиозные нормы и нормы обычая, которыми руководствуются жители подобных регионов. Такие конфликты происходят в том случае, если право было заимствованно и не согласованно с местными обычаями и религиозными верованиями. Все это вызывает в отношении привнесенного права неприятие, чувство необязательности исполнения предписаний установленных норм. В то же время обычное право, традиции и религиозные нормы воспринимаются как безусловное руководство в повседневной жизни. С такого рода коллизиями мы сталкиваемся сегодня на Кавказе¹².

Рассматривая взаимоотношения религии и правосознания, следует признать, что религия не только на определенном этапе развития человечества стала основой понимания права, но и способствовала закреплению в правосознании нравственных ценностей.

Следует обратить внимание на то, что правосознание тесным образом переплетается и другими видами общественного сознания, такими как нравственное, моральное сознание, политическое.

Особое внимание следует уделить соотношению правосознания и политического сознания. На определенном этапе становления человеческого общества, а именно в период становления государственных организаций, отношения правосознания и политического сознания приобретают интердепенденциальный характер.

Бегинин В.И. в своей работе отмечал, что правовые и политические идеи исторически развивались и совершенствовались под влиянием, в сущности, одних и тех же общественных потребностей, потребностей в регулировании и упорядочении социального взаимодействия людей¹³.

С момента появления закона, устанавливаемого государством, формируется особая категория правосознания – положительное правосознание или законосознание. Данные термины были введены И.А. Ильиным. Он указывал, что нельзя отождествлять понятия правосознания, как внутреннего, естественного чувства и законосознание как знание о законах. По его мнению, это так же ошибочно, как и отождествление права и закона¹⁴.

Правосознание и политическое сознание имеют общий объект отражения – организацию общества. Связь между правосознанием и политическим сознанием подробно рассматривалась советской юридической наукой в рамках марксистско-ленинской концепции классовой сущности государства. Под правосознанием понималось выражение сознания политического в категориях прав и обязанностей юридического характера и в таких производных от них категориях, как законное и незаконное, правовое и неправовое. Политическое сознание предстает в правосознании как содержание в одной из своих форм¹⁵.

Следует согласиться с тем, что на определенном временном отрезке развития общества, традиции (обычное право), оформленное мифо-религиозным сознанием, утрачивает главенствующую роль. На смену ему приходит государство, которое формирует законодательство и привязывает правосознание к области государственно-правовых отношений. Такого рода «привязанность» не означает предопределяющей роли политического сознания по отношению к правосознанию. Каждый из видов обладает собственным объектом отражения, имеет свою систему понятий и т.д. «Если бы правосознание исчерпывалось только отношением граждан к законам государства и их правовым требованиям, то отличить его от политического сознания было бы невозможно...»¹⁶. Тем самым, пользуясь терминологией Ильина, мы бы сузили понятие правосознания до законосознания, а право ограничили законом.

Подводя итог, можно заключить, что политическое и правовое сознание имеют смежные грани отражения действительности, оказывают взаимное влияние и с момента появления государства находятся в неразрывной связи.

Примечания:

- ¹ Теория права и государства: Учебник для вузов / Под ред. проф. Г.Н. Манова. М., 1996. С. 123.
- ² Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 115.
- ³ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 94.
- ⁴ Там же. С. 48.
- ⁵ Там же. С. 45.
- ⁶ Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 226.
- ⁷ Петражицкий Л.И. Теория права и государства. СПб., 2000. С. 590.
- ⁸ Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 116.
- ⁹ Тапчян М.М. Патернализм в правосознании: Дис. ... канд. юрид. наук.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. С. 84.
- ¹¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 308.
- ¹² Першиц А.И., Смирнова Я.С. Этнология права // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 9. Т. 67. С. 799.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ Ильин И.А. Философия Гегеля как Учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 314; Правосознание – центральная категория философии права Ильина // Государство и право. 1999. № 6. С. 87.
- ¹⁵ Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. М., С. 73.
- ¹⁶ Фарбер И.Е. Правосознание – как форма общественного сознания. М., 1998. С. 123.

С.А. Пучнина

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСОЗНАНИЕ

Бытие государства неразрывно связывается с существованием права. Без права как социального регулятора жизни общества появление и функционирование государства в принципе невозможно. Начала права зарождаются в догосударственных обществах и первоначально существуют в виде синкретных монорм, а затем в обычаях, представлявших собой примитивные нормы первобытного (догосударственного) права.

Отправной точкой правогенеза является формирующаяся в недрах первобытного строя свобода поведения человека. Переход от присваивающей экономики к производящей изменил не только экономические отношения внутри общества, но и способствовал перестройке образа мышления человека.

С появлением начала экономической «самостоятельности» происходит постепенное выделение индивида из коллектива, а как следствие развитие приоритета индивидуального мышления над коллективным. Если на первых стадиях развития первобытного общества права членов коллектива были неотделимы от права самого коллектива, то на последующих стадиях все более самостоятельное значение приобретают субъективные права человека. С того момента как человек осознает свое право, т.е. уровень развития самосознания индивида позволяет действовать по принципу «имею право» и решать на этом основании жизненные ситуации, можно говорить о появлении правосознания. Отсутствие в качестве объекта отражения позитивного права представляется особенностью правосознания членов потес-

тарных обществ. Потестарное правосознание основывается, прежде всего, на началах естественного права. Именно оно является стержнем и содержанием догосударственного правосознания.

Появление государства – это протяженный во времени процесс, обусловленный множеством предпосылок.

С усложнением экономических отношений, вызванных появлением персонифицированной собственности, объективно возникает потребность в регулировании новых отношений и, прежде всего, в закреплении «права собственности». Прежние социальные регуляторы, выраженные в форме обычая и общественной власти, подкрепленные морально-общественным принуждением или имеющие сакральное (религиозное) обоснование, не соответствуют новым потребностям. Требуется обеспечение «права собственности» не только моральными установками, но и принуждением, силой и страхом наказания. Всем тем, что позволит создать прочные, обязательные для всех и стабильные условия закрепления и реализации данного права.

Как следствие возникает необходимость в изменении механизма социального регулирования, а именно в ином нормативном регуляторе и качественной трансформации общественной власти. Необходимость новых средств регуляции была вызвана и другими факторами – потребностью в обеспечении внутренней и внешней безопасности общества, общими интересами, а также внутренней неосознаваемой мотивацией и проявлением императивно-атрибутивной психики.

Преобразование общественной власти было связано, в первую очередь, с увеличением ореола ее распространения, охватывающего не только кровных родственников, но и всю территорию, занимаемую взаимодействующими между собой людьми.

Чем больше объединение людей, тем более жесткое регулирование требуется, что порождает возникновение специального аппарата, состоящего из людей, профессионально занимающихся управленческим трудом, и включающим в себя не только органы управления, но и органы принуждения. Эти два признака, характеризующие структурно-функциональные изменения, произошедшие в обществе, – территориальное действие публичной власти и ее специфически аппаратный характер, позволяющий в случае нарушения общеобязательных предписаний использовать специальные органы принуждения, отличают

государство от организации власти, существующей в потестарном обществе.

Таким образом, требуемым социальным регулятором выступает государство, а точнее государственная власть. Для того чтобы воля властвующих была признана в качестве общеобязательной, недостаточно только аппарата принуждения, необходимы институты другого свойства, способные не только прямо воздействовать на поведение субъекта, но на его сознание. Такими институтами наряду с идеологией, религиозными установлениями, стали законы, юрисдикция и иные институты позитивного права.

Важным моментом в становлении государственной власти, является ее легализация, т.е. признание ее законности и обоснованности.

Легальность власти является одним из ценностных ориентиров правосознания. Как внутренняя установка легализация представляет собой сбалансированное соотношение справедливости и государственно-правовых устоев в представлении человека и комплексном сознании. В случае отсутствия признания власти в качестве таковой, она утрачивает важнейшие из своих характеристик, а именно подчинение и общеобязательность со стороны индивида и общества в целом. Ситуация, при которой наблюдается антагонизм между внутренней личностной установкой и внешним воздействием (а власть государства, как воздействие, чаще всего выражается во внешнем принуждении) является по сути конфликтом. Конфликт «личности и государственной власти» объективируется в правосознании путем отрицания позитивного (установленного и санкционированного государством) права. Следовательно, положительное правосознание перестает быть основанием правомерного поведения.

Перерастание личного (единичного) конфликта в массовый (всеобщий) не только нарушает стабильность в обществе, но несет реальную угрозу разрушения фундамента государственной власти.

Таким образом, легализация государственной власти в правосознании является залогом не только появления, но и длительного существования государства.

Появление государства можно и нужно рассматривать не только как результат развития экономических отношений, но и как результат действия многих факторов, в том числе такого, как сакрализация власти вождя, вокруг которого спланивается племя или этнос (отсюда идущая от Гомера популярность идеи «священного царя» (вольный перевод Гнедичем «басилея») как типичного государствообразующего элемента).

Основой правосознания человека раннего государства является, прежде всего, религиозно-мифологические представления и потому верховная власть приобретает сакральный (неземной) харак-

тер.

Ковлер А.И. считает, что сакральность власти (конкретно правителя или вождя) в ранних государствах компенсирует недостаточную развитость аппарата принуждения и сама по себе становится важным средством принуждения тех, кто является объектом властвования.

Соглашаясь с данным утверждением, хотелось бы отметить, что сакральность власти не устанавливает ее «права», регулирующего воздействия на поведение подвластного, а предписания власти не становятся обязательными к исполнению. Только тогда, когда правосознанием индивида устанавливается обязанность по отношению к сакральному началу, «право» власти осуществлять властное воздействие легализуется. Существование огромного пантеона богов и божеств древнего мира не устанавливало прямой связи-подчинения по отношению ко всем богам. Признавая высшую силу других богов, человек древнего общества подчинялся только той власти, которая была предписана, установлена или имела начало «его» бога.

Создаваемое позитивное право также приобретало сакральный смысл, поскольку в рамках мифолого-религиозного мировоззрения единственным источником права могло выступать только некое внеземное, сверхъестественное начало. Государственные органы (управления и принуждения) являлись проводниками божественной мысли и власти, отвечающими за сохранение установленного ей (божественной властью) порядка. Человек, будучи включенным в такую правовую систему, должен был всегда помнить: правила, которым он должен следовать, даны ему сверху, а надзирать за их исполнением должны правитель и назначенные им для этого чиновники.

Итак, государственная власть наделялась правосознанием, правомочиями только в том случае, когда имела сакральное начало и сохраняла тот порядок вещей, который был установлен божеством, в том числе и посредством права.

Возникновение государственности сопряжено с появлением позитивного права. Позитивное право выступает тем институтом, который способствует оформлению и закреплению государственной власти. С другой стороны, именно государство служит гарантией исполнения и соблюдения предписаний правовых установлений.

Правосознание получает новый, «ощутимый» объект отражения действительности – реально существующее право, поддержанное всей мощью и силой государственного аппарата. Однако само право, а также правосознание служат пределом государственного принуждения.

Принуждение в интересах общества – это право государства, но оно не может и не должно быть правом абсолютным, ничем не ограниченным. Государственная принудительная сила сковывается правом в самом широком его понимании. В данном случае, оно устанавливает четкие границы возможного принуждения со стороны государства.

Принудительное воздействие проявляется в определенных негативных последствиях для личности и осуществляется помимо, либо вопреки воле субъекта. Поэтому очень важно определить предел объективно возможного принуждения, не выходящего за рамки права. Благодаря правосознанию личность имеет самостоятельное представление о грани, отделяющей правовое от неправового принуждения. Эта грань определяется согласно индивидуальному пониманию собственных прав, которые не могут быть изменены, ограничены либо изъяты властью. Принудительное воздействие, осуществляемое с нарушением субъективных прав и вне закона, признается неправовым, более того, воспринимается как произвол и насилие со стороны государства. Неправовое государственное принуждение ведет к формированию устойчивого негативного отношения личности к власти и праву.

За правом государственного принуждения следует обязанность его применения (должное принуждение), прежде всего, при совершении правонарушений. В случае отсутствия реакции властей на совершаемые правонарушения, в обществе закрепляется мнение о нежелании или неспособности государства защитить интересы граждан. Невыполнение государством обязанности по предупреждению и пресечению правонарушений ведет к формированию отрицательного отношения к власти и закону.

Таким образом, государственное принуждение выполняет не только регулятивную и охранительную функцию, но и влияет на оценку, восприятие права.

Подводя итоги, следует констатировать, что политогенез и правосознание являются сопряженными, взаимообусловленными процессами.

Примечания:

¹ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002.

² Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998.

- ³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Изд-во «Аграф», 1998.
- ⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1997.
- ⁵ Петражицкий Л.И. Теория права и государства. СПб.: Изд-во «Лань», 2000.
- ⁶ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998.
- ⁷ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
- ⁸ Поляков А.В. Правогенез // История государства и права. 2003. № 3.

Л.И. Копырюлина

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

На протяжении более 200 лет ученые изучают природу федерализма. Родоначальником теории федерализма считается Иоханес Альтузиус (1562 – 1638). Он разработал федеральную теорию народного суверенитета – федерация образуется в результате иерархического возвышения новообразованного союза над меньшими по размерам союзами. Иоханес Альтузиус сделал вывод, что федерация в конечном счете не расчленяет, а интегрирует составные части.

По своей сущности федерализм можно назвать средством урегулирования отношений и объединения людей в сообщество на разных уровнях территориальной организации власти. Он содержит в себе принципы позитивной, т.е. компромиссной и демократической системы организации публичной власти и является наиболее гибким способом гармонизации отношений в странах со стабильными характеристиками и полиэтнической культурой, а также в государствах, для которых присущи внутритерриториальные конфликты. Федерализм – это средство объединения государств и государственных объединений, которые тяготеют к единому союзному образованию.

Единой системы федеративных отношений не существует. Федерализм в Индии, Канаде, Германии имеет совершенно различные формы. Для России характерна своя, особая форма федерализма.

Сегодня нередки споры об исторических корнях российского федерализма. Иной раз их усматривают уже в процессе объединения княжеств, земель, царств и ханств в далеких столетиях, когда складывалось государство Российское. Этот процесс шел разными путями, охватывая добровольные союзы и спасительные присоединения, но не исключая и завоевательные походы. Со временем Россия превратилась в государство, спаянное воедино не только общностью исторического пути народов, но и общими интересами – экономическими, социальными, культурными, политическими. Однако Россия – и это хотелось бы подчеркнуть – создавалась и развивалась как централизованное унитарное государство. Чем более крепла царская власть, тем четче идеи единой и неделимой России принимали государственные формы.

Федерализм в официальных кругах царской России никогда не поддерживался и не признавался. Разумеется, система управления страной не могла не отражать особенности положения ряда регионов. Эта система отнюдь не была столь примитивной, как ее не раз изображали в недалеком прошлом. Элементы автономии можно было найти в Финляндии и в Польше. Наместник царя на Кавказе по положению был в своем регионе выше российских министров и имел право не допускать исполнения их решений в своем регионе. Российская империя умела включать в осуществление власти национальные «верхи».

Известный российский правовед профессор Н.М. Коркулов писал в канун первой мировой войны: «Россия могла быть только единым государством. Она никогда не образовывала и не образует ни федерации, ни унии». Он считал федерацию объединением нескольких государств для решения общих задач государственной жизни. Государства имеют самостоятельный источник власти в лице народа, свое войско, финансы, администрацию, суды, законодательство. Федерация также наделена самостоятельной принудительной властью¹.

Основные законы царской России провозглашали, что во всем ее пространстве власть принадлежала государю. В верховном управлении его власть действовала непосредственно, а «в делах же управления подчиненного», как говорилось в то время, определенная степень власти могла вверяться государем местам и лицам, действовавшим, однако, его именем и по его повелению. Конституционный манифест 17 октября 1905 г., от которого либеральные круги России могли ожидать более серьезных реформ, внес в государственное устройство России мало нового.

В 1909 г. русский правовед и историк А.С. Яценко издал работу «Международный федерализм»², в которой исследовал федерализм в развитии.

Федерализм вначале не признавался и большевистской партией. Считалось, что он ослабляет необходимое единство экономических связей и вообще является негодным типом для одного государства. В принципе партия выдвигала лозунги самоопределения наций, входящих в состав государства, но не шла дальше требований широкого областного самоуправления, особенно для местностей, отличавшихся национальным составом населения. Предпочтение явно отдавалось крупному централизованному государству.

Ленин В.И. и его сторонники позднее пересмотрели свое отношение к федерализму. Решающую роль играло возрастание национального фактора в борьбе за политическую власть. Еще накануне первой мировой войны большевистская партия провозгласила, что право наций на самоопределение охватывает их право на отделение и образование самостоятельного государства. Вместе с тем сразу же была сделана оговорка о том, что решение вопроса об отделении непозволительно смешивать с вопросом о его целесообразности. Примечательно, что в первых актах победившей советской власти вопрос о государственном устройстве практически не затрагивался.

Обстановка, создавшаяся на территории царской России, однако, потребовала радикальных решений: центральная власть вынуждена была бороться за свое выживание, а усиление сепаратизма и национализма вело к тому, что от бывшей «единой и неделимой» отпадали все новые регионы. Окончательно вышли из состава России Польша и Финляндия, приобретали государственную самостоятельность Литва, Латвия и Эстония, реальной становилась возможность отделения Украины и Белоруссии, не говоря уже о Грузии, Армении и Азербайджане. В этих условиях лозунги федерализма стали спасительными для сохранения крупного государства.

Ни Российская Империя, ни СССР, ни РСФСР на протяжении всей истории развития государственности не были действительно федеративными государствами и не имели практики функционирования государства в рамках реальных федеративных отношений.

Федеративное устройство современной России принципиально отличается от советского федерализма, характеризовавшегося формально декларированием федеративных связей центра и регионов³, фактически – сохранением жестких унитарных методов руководства государством. Выступая на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений Е.М. Примаков отметил: «И РСФСР, и Союз ССР только назывались федеративными, а по сути... являлись унитарными, жестко централизованными государствами»⁴. Если рассматривать советский федерализм де-юре, то невозможно не заметить дифференциацию подходов федерального центра к разным частям государства. Ильинский И.П., Крылов Б.С. и Михалева Н.А. отмечают, что в советский период российское государство выступало как федеративное по отношению к автономным республикам и другим автономным образованиям, а во взаимоотношениях с краями, областями и приравненным к ним городами выступало как унитарное государство⁵.

Конституционно-правовая реформа в РСФСР (1989 г.) не могла не затронуть модернизацию федеративных отношений. В принятой первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете подчеркивается необходимость повышения статуса краев и областей⁶.

Одним из важнейших шагов в сторону выравнивания статуса российских регионов стало заключение 30 марта 1992 г. Федеративного договора. Противоречивость положений Федеративного договора послужила отправной точкой развернувшейся в современной российской конституционно-правовой науке дискуссии о природе федерации в России: считать ли ее договорной, конституционной или конституционно-договорной.

Правовую основу федеративного государства и его эффективного функционирования и сегодня составляет федеральная Конституция...»⁷. Топорнин Б.Н. отмечает: «Россия была и остается в принципе конституционной федерацией»⁸. На конституционно-правовую природу федерации в нашем государстве указывает О.Е. Кутафин, который, признавая роль договоров в регулировании федеративных отношений, подчеркивает: «Российская Федерация была и осталась конституционно-правовой федерацией». И далее: «... их цель состоит не в том, чтобы установить конституционно-правовой статус этих государств, уже определенный Конституцией Российской Федерации, а в том, чтобы более точно определить механизм реализации государственных полномочий как Федерацией, так и ее субъектами»⁹. Ржевский В.А. и Киселева А.В. также придерживаются характеристики России как конституционной федерации: «Договор в ней может использоваться лишь как дополнительное основание распределения (перераспределения) предметов ведения и полномочий, но отнюдь не как главное основание ее государственного устройства...»¹⁰.

Примечания:

¹ Коркулов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1904. Т. 1.

² Ященко А.С. *Международный федерализм*. М., 1909.

³ В данной работе «регион» и «субъект РФ» используются как синонимы. См.: Левакин И.В. *О современной российской юридической регионологии (к постановке проблемы, ее научном статусе и возможностях преподавания)* // *Государство и право*. 1997. № 10.

⁴ Примаков Е.М. *Семь критериев здоровой Федерации* // *Российская газета*. 1999. 27 января.

⁵ Ильинский И.П., Крылов Б.С., Михалева Н.А. *Новое федеративное устройство России* // *Государство и право*. 1992. № 11. С. 31.

⁶ Декларация о государственном суверенитете РСФСР // *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. 1990. № 2. Ст. 22.

⁷ Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. *Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов* // *Государство и право*. 1995. № 3. С. 8.

⁸ Топорнин Б.Н. *Правовая реформа и развитие высшего юридического образования в России* // *Государство и право*. 1996. № 7. С. 30.

⁹ *Государственное право Российской Федерации: Учебник* / Под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996. С. 113.

¹⁰ Ржевский В.А., Киселева А.В. *Субъекты Российской Федерации: типология и конституционные основы организации* // *Государство и право*. 1994. № 10. С. 41.

Е.Ю. Лыскова

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Принято считать, что право на образование, закрепленное Конституцией РФ (ст. 43)¹, не ограничено. Законодательство прямых дискриминационных или ограничительных норм не содержит. Там даже указано, что запрещается всякая дискриминация по национальному, половому, возрастному признаку.

На сегодняшний день актуальна проблема ограничения права на образование. Под ограничением прав человека понимается обусловленное объективно-субъективными факторами, главным образом политико-правового свойства, преследующее определенные цели, осуществляемое как правовыми, так и неправовыми средствами и способами, количественное и качественное умаление субъектами власти прав и свобод человека².

Конституция РФ провозглашает и гарантирует общедоступность и бесплатного дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а вот для категории «высшее образование» вводится своеобразное ограничение в виде конкурса. Возникает вопрос: не является ли данное условие получения высшего профессионального образования ограничением естественного права человека.

Рассматривая данную ситуацию, следует иметь в виду, что высшее образование – это продолжение образовательного процесса, но на более высоком уровне. Процесс получения высшего профессионального образования требует от человека определенных навыков и умений: это и аналитическая работа, исследовательские навыки, способность к усвоению больших объемов теоретического материала и т.п. Вполне вероятно, что не каждый человек может успешно сочетать в себе необходимые качества для получения данной ступени образования.

Определяя конкурсную состязательность для получения высшего образования, государство не стремится ущемить в правах кого-либо из своих граждан. Провозглашая принцип равной доступности высшего профессионального образования, закон постановляет, что «условия конкурса должны гарантировать соблюдение прав граждан в области образования и обеспечивать зачисление граждан, наиболее способных и подготовленных к освоению образовательных программ соответствующих уровня и (или) ступени»³.

Следовательно, нарушения прав человека в данном вопросе не усматривается. Каждый вправе испытать свои способности и возможности в равной конкурентной борьбе и определить путь своего дальнейшего развития.

Вместе с тем, Закон «Об образовании» в ст. 5⁴ содержит положение, по которому гражданин вправе получить бесплатное высшее образование, если получает его впервые. Таким образом, лица, уже получившие высшее образование, ставятся в неравное положение по отношению к лицам, его не имеющим, чем нарушается равная доступность образования на основе способностей каждого.

Конституция РФ предоставила всем равные права для участия в конкурсе на получение бесплатного высшего образования без всякого рода ограничений. Ограничение возможностей одних лиц, естествен-

но приводит к их расширению для других, что, в свою очередь, противоречит Конституции РФ, которая в ст. 17 провозглашает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Конституция, как было отмечено выше, в ст. 43 провозглашает право каждого на образование. Аналогичное положение имеется и во Всеобщей Декларации прав человека (ч. 1 ст. 26). Применив толкование права, можно сделать вывод, что слово «каждый» подразумевает как граждан, так и лиц без гражданства и иностранцев.

Однако ст. 5 Закона РФ «Об образовании» обладателями права на образование делает только граждан, что является противоречием приведенной конституционной норме. Это подтверждает постановление Правительства РФ «О развитии сотрудничества с зарубежными странами в области образования» (1995 г.), в котором устанавливается определенный лимит на прием иностранных граждан в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, а также устанавливает контрольные цифры для иностранных аспирантов, стажеров, докторантов. Думается, что это можно отнести к дискриминации.

Статья 5 Закона РФ «Об образовании» гарантирует гражданам возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений и т.д., однако ограничение прав того или иного субъекта не всегда вытекает напрямую из закона, оно зачастую проявляется в практическом осуществлении того или иного предписания.

Данный закон в п. 1 ст. 5 также содержит положения об ограничении права на образование по признакам пола, возраста, состояния здоровья и наличия судимости, что противоречит не только Конституции, но и международным документам.

Поступив учиться, обучающиеся необоснованно отчисляются из вузов. По мнению некоторых авторов⁵, отчисление из вуза студента по основанию, не предусмотренному договором о платном образовании, есть нарушение конституционного права на образование и воспрепятствование его осуществлению.

Ограничение таких прав допускается в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ только на федеральном уровне, постольку это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны, безопасности государства.

Таких оснований для отчисления действующим законодательством не предусмотрено. С этих позиций вряд ли можно признать обоснованной и соответствующей указанному положению Конституции РФ п. 9 Закона РФ «Об образовании», предусматривающую отчисление из высшего учебного заведения за нарушение обязанностей, предусмотренных уставом, правилами внутреннего распорядка вуза в качестве дисциплинарного взыскания. Данная норма не устанавливает конкретных оснований, которые в то же время могут быть названы уставом, правилами, но не законом и указывает только порядок отчисления. Например, порча имущества, курение в неразрешенных местах. Таким образом, лицо, отчисленное из вуза, вправе потребовать своего восстановления в составе студентов в судебном порядке⁶.

Представляется существенным нарушением права на образование сокращение логопедической службы в отдельных регионах России. Нарушается право на доступность образования и в результате отсутствия механизма обеспечения бесплатного проезда и проживания для поступающих в учебные заведения граждан в возрасте до 18 лет.

В бесплатных образовательных учреждениях часто не хватает преподавателей. Отсутствует существовавшая десятилетия практика, когда проводились дополнительные бесплатные занятия для отстающих учеников, занятия на дому с больными детьми. Приходится констатировать, что за последние годы оказалась уничтоженной складывавшаяся десятилетиями при школах, домах культуры система бесплатных спортивных секций для детей и подростков, кружков «умелые руки» и т.д.

Российские граждане сталкиваются с дискриминацией по территориальному признаку: в разной местности различное качество образования, связанное с различной оснащенностью учебных заведений, нехваткой педагогических кадров. Некоторые из-за отдаленности вообще не имеют возможности посещать школу, что лишает родителей исполнения обязанности по воспитанию ребенка.

С каждым годом все больше детей не посещают школу, автоматически попадая в группу риска. Так, из общей численности подлежащих обучению детей в возрасте до 18 лет по разным причинам ежегодно не могут продолжать обучение 0,15 % (т.е. порядка 60 тыс. человек)⁷. Ответственности за это никто не несет. Родители не всегда могут это сделать в силу материальных причин.

В результате парламентских слушаний «Проблемы современной сельской школы» 25 октября 2002 г., участники констатировали, что последние десять лет сельские школы, работая в условиях нестабильного финансирования, кадрового голода, отсутствия необходимой учебно-материальной базы и долж-

ной заботы со стороны государства и органов местного самоуправления, не были в состоянии обеспечить реализацию неотъемлемого права граждан, проживающих в сельской местности, на общее образование. (Принципы федерализма в законодательстве об образовании. 2003. С. 11). Это приводит к нарушению равных стартовых условий для детей, проживающих в городских и сельских школах, следовательно, к ущемлению прав и интересов сельских жителей, т.е. попросту к дискриминации, что является нарушением принципа единого образовательного пространства и что свидетельствует о необходимости расширения компетенции Федерации в области образования.

Мы видим, что законодательство, хотя и косвенно, но содержит противоречия Конституции РФ и ограничения, которые ведут к дискриминации в реализации права на образование, которые должны быть устранены внесением поправок в законодательство.

Ограничения прав и свобод в сфере образования должно осуществляться в соответствии с Федеральным законом и зависеть от избранной государством образовательной политики регулирования образования.

Примечания:

¹ Конституция РФ. М., 2003. С. 17.

² Ягофарова И.Д. Ограничение прав и свобод // Образовательное право. 2003. № 3. С. 127.

³ Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» № 125-ФЗ от 22.08.1996 (с изменениями от 10.07.2000, 7.08.2002, 27.12.2000)

⁴ Закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10.07.1992 (с изм. от 24.12.2002) // Собрание законодательства РФ. № 3. Ст. 150.

⁵ Куров С.В. Защита права на образование // Право и образование. 2002. № 5. С. 116 – 141.

⁶ Куров С.В. Защита права в образовании // Право и образование. 2002. № 5.

⁷ Беспалов Ю. Защита прав несовершеннолетних // Российская юстиция. 1997. № 1.

Е.Ю. Лыскова

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СУБЪЕКТОМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из основных задач современного конституционного законодательства, регулирующего общественные отношения, составляющие институт права на образование, является распределение предметов ведения РФ и субъектов (ст. 72)¹.

Конституция закрепляет, что общие вопросы образования и воспитания находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов. Это значит, что основные принципы организации образования устанавливаются федеральными законами.

При неконкретном разрешении данного вопроса могут возникнуть проблемы, выраженные в различном понимании степени самостоятельности субъектов Федерации, принципов и процедур разделения и реализации государственной власти и ответственности за ее осуществление.

Следует отметить, что в различных федеративных государствах распределение полномочий между центром и регионами неоднородно. Оно зависит от многих факторов: от исторических условий, традиций, политических взглядов общества, состояния экономики, территориальных условий.

Как правило, положения о предметах ведения содержатся, за редким исключением, в конституциях. Некоторые страны допускают разграничение предметов ведения в текущем федеральном законодательстве. Например, Основной закон ФРГ предусматривает возможность перераспределения предметов ведения путем издания обычного федерального закона (ст. 71 Основного закона ФРГ). Тем же путем идет и США.

Для нашей страны, где демократия и подлинный федерализм находятся в стадии становления, такой путь явно неприемлем. Более того, такой важный вопрос исчерпывающим образом должен решаться в конституции, другой подход противоречит самой сущности федеративного государства.

Основную сложность здесь представляют вопросы, связанные с совместной компетенцией, которая на практике усложняет деятельность органов федерации и субъекта. Для разрешения этого вопроса в Российской Федерации заключаются двусторонние договоры Федерации и ее субъекта о разграничении совместных полномочий, что дает возможность, с одной стороны, совместно разрешать спорные вопро-

сы, с другой стороны, сохраняются неограниченные возможности развивать и совершенствовать конституционное законодательство на региональном уровне, что должно благотворно сказаться на конституционном развитии в целом.

Актуальным является вопрос: что взять центру в области образования на себя, и каким критерием здесь пользоваться. Само понятие компетенции совместного ведения в области образования нуждается в пояснении.

Следует признать, что Конституция РФ не обеспечивает достаточно четкого и ясного разграничения ведения между РФ и ее субъектами в области образования. К дискуссионному вопросу относят положения ст. 72 и 73 Конституции РФ. Если первая из них отнесла общие вопросы образования к вопросам совместного ведения, то вторая установила, что субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти вне пределов ведения РФ и ее полномочий по предметам совместного ведения. Причем понятие «общие вопросы» не раскрывается. Вместе с тем ст. 71 к ведению РФ отнесено установление основ федеральной политики и федеральной программы в области социального, культурного и национального развития РФ. Безусловно, понятие «социального» и «культурного» развития поглощают и вопросы образования.

В этом случае основы законодательного регулирования в области образования должны осуществляться на федеральном уровне. Можно привести положение ст. 19, гарантирующее равенство прав независимо от места жительства, ст. 43, гарантирующие гражданам права в области образования, ст. 77, устанавливающие положения о единой системе исполнительной власти в РФ по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов (Конституция РФ. М., 1993).

Таким образом, при определении вопросов компетенции РФ в области образования необходимо исходить не только из положений ст. 72 и 73 Конституции, но из всей совокупности норм Конституции, касающихся прав и свобод и исполнительной власти. А отсюда вытекает, что расхожее понимание «правомочий» России получает более широкое значение, чем только вопросы совместного ведения.

Конституции различных стран по-разному разрешают аналогичные вопросы.

Например, Конституция Швейцарии относит предоставление образования в публичных учреждениях к ведению кантонов. Кантоны принимают меры для получения достаточного образования для всех детей (ст. 62).² Профессиональное образование конфедерация относит к своему ведению. Вместе с тем Конституция закрепляет право конфедерации предоставлять кантонам бюджетную помощь на образование, а также при соблюдении автономии кантонов в области публичного образования она может сама принимать меры, направленные на поощрение образования (ст. 66).³

Конституция Испании признает за физическими и юридическими лицами свободу создания образовательных центров при соблюдении конституционных принципов, вместе с тем утверждение и контрольное регулирование системы образования, а также оказание помощи образовательным центрам Конституция закрепляет за органами публичной власти (ст. 28).⁴

Конституция Италии закрепляет за республикой установление общих правил, касающихся просвещения и учреждение государственных школ всех родов и ступеней. Вместе с тем Конституция дает право частным организациям и частным лицам учреждать школы и образовательные институты. На конституционном уровне закреплена обязательность государственных экзаменов как для приема, так и для окончания школ различных родов и ступеней. Университетам и академиям дается право на автономную организацию в пределах, установленных законом (ст. 34).⁵

На современном этапе конституционными ориентирами предметов ведения как Российской Федерации, так и ее субъектов в образовательной сфере, являются положения, закрепленные в ст. 26, 43, 44 Конституции РФ, представляющие собой неразрывную совокупность прав и свобод человека и гражданина в области образования.

Возможно несколько способов совместного ведения.

1 Совместное обсуждение Федерацией и всеми ее субъектами каждого возникшего вопроса и принятие взаимоприемлемого решения.

2 Федерация берет себе комплекс полномочий, а остальные полномочия остаются ее субъектам. Такой путь разделения полномочий по вопросам совместного ведения в образовании осуществляется сейчас. Федерация приняла законы «Об образовании» и «О высшем послевузовском образовании», определив в них круг своих полномочий в данной сфере, а также компетенцию субъектов РФ и органов местного самоуправления. Но при этой процедуре о совместном управлении можно говорить только в том смысле, что один из участников – Федерация – некоторый объем полномочий по управлению оставляет другим участникам. В строгом смысле слова совместности здесь нет, так как разграничительная линия проведена в одностороннем порядке, без согласования с другой стороной.

Известным шагом в сторону компромисса здесь было бы включение согласительных процедур после одностороннего решения вопроса Федерацией. Такими согласительными процедурами являются договоры и соглашения между Федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. Как известно, ч. 3 ст. 11 Конституции РФ предусматривает, что разграничение предметов ведения и полномочий может осуществляться Федеративным и иными договорами. Заключение таких договоров получило довольно широкое распространение. В настоящее время актуальным остается вопрос о том, как такие договоры сказываются на единой системе образовательного права в России.

Что касается соглашений о разграничении полномочий в области образования, то надо отметить, что они не содержат нарушений. Составляются они между Правительством РФ и правительствами субъектов. В них делаются акценты на полномочиях сторон в организации и осуществлении образовательной деятельности. Стороны касаются только полномочий исполнительной власти и подчеркивают, что они действуют в рамках своей компетенции. И вместе с тем, такие соглашения имеют позитивное значение, уточняют позиции, по поводу которых у сторон возникают разночтения.

В качестве примера можно привести ст. 4 Соглашения между Правительством РФ и Правительством республики Саха (Якутия) «О разграничении полномочий в области общего среднего, начального профессионального и среднего профессионального (педагогического) образования»⁶.

3 Введение согласительных процедур в процессе разработки проектов в сфере образования по решению вопросов, связанных с предметом общего ведения – воспитания и образования.

Такая процедура введена Федеральным законом «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Статья 13 этого Закона так и называется «Участие субъектов Российской Федерации в федеральном законодательном процессе». Она устанавливает: проекты федеральных законов по предметам совместного ведения согласовываются с органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном настоящей статьей.

Проекты федеральных законов по предметам совместного ведения после их внесения в Государственную Думу РФ субъектами права законодательной инициативы, а также после их принятия Госдумой в первом чтении направляются, в соответствии с Регламентом Государственной думы, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации для возможного внесения предложений и замечаний в месячный срок. До истечения указанного срока рассмотрение законопроекта во втором чтении не допускается.

Представленные в установленный срок органами государственной власти субъектов Российской Федерации предложения и замечания, касающиеся проектов федеральных законов по предметам совместного ведения, подлежат обязательному рассмотрению соответствующим комитетом Государственной Думы РФ и принимаются им, либо отклоняются. Поскольку к совместному ведению РФ и ее субъектов отнесены общие вопросы воспитания и образования, то возникает необходимость определить, какие именно вопросы являются общими.

В контексте сложных процессов в сфере образования возможно различное решение данной проблемы.

Общими можно назвать вопросы образования в том смысле, что они относятся ко всем уровням обучения, начиная с первого класса и кончая послевузовским профессиональным образованием. Но в таком случае на долю совместного ведения осталось бы определение целей образования, его принципов, государственной политики, установление гарантий права на образование и некоторых других положений. Все остальные вопросы пришлось бы отнести к ведению субъектов Федерации.

Второй путь выделения общих вопросов, которые решали бы совместно Федерация с субъектами – отнесение к этой группе проблем, присущих всем субъектам. Тогда возможно решение, которое было принято в советское время: на уровне СССР принимались основы законодательства, а союзные республики разрабатывали детальное регулирование соответствующих отношений – кодексы – и на их основе другие нормативно-правовые акты. Нечто подобное придется делать и в настоящее время. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и ее субъектов» по вопросам, отнесенным Конституцией к вопросам совместного ведения, издаются федеральные законы, определяющие основы (общие принципы) правового регулирования, а также федеральные законы, направленные на реализацию полномочий федеральных органов государственной власти. Исходя из этой нормы, общие вопросы представляют собой, прежде всего, основы (общие принципы) правового регулирования образовательной деятельности в Российской Федерации.

Отношения в сфере образования – это единый предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов. Поскольку встает вопрос о разграничении полномочий в этой области, компетенцию субъектов

РФ в области образования необходимо определять с учетом сложившихся реалий, которые отражены, в частности, ст. 29 Закона РФ «Об образовании». В этой норме следует выделять чисто исполнительные функции, в соответствии с которыми органы власти субъектов для управления образованием организуют подготовку, переподготовку и повышение квалификации педагогических работников и т.п. Предметом рассмотрения являются положения этой статьи, которые предполагают нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов образовательной деятельности. При этом речь идет о содержательных положениях, а не о пунктах 2 и 18, один из которых разрешает принимать законодательство, а другой – издавать нормативные документы. Они, в сущности, повторяют друг друга.

Что касается содержательных полномочий, то здесь можно выделить некоторые вопросы, решение которых находится только в ведении субъектов РФ. Здесь, прежде всего, необходимо назвать право каждого субъекта определять и осуществлять политику в области образования.

Применительно к полномочиям субъекта РФ в области образования политика должна определять перспективы повышения образованности как всего населения региона, так и отдельных социальных групп, средства поддержки национальных и этнических обществ, способы поддержки обучающихся или их отдельных групп, формы повышения интеллектуального потенциала педагогических работников и т.д. Политика субъекта должна строиться в русле общей политики Федерации и не противоречить ей.

Согласно ст. 72 Конституции РФ областью совместного ведения Федерации и ее субъектов является защита прав национальных меньшинств. В п. 2 ст. 2 Закона «Об образовании» эта цель ставится в рамках принципа единства федерального образовательного пространства. Принципом государственной политики признается защита и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. Если говорить применительно к теме настоящего исследования, то РФ и ее субъекты должны прилагать усилия по развитию национальных школ.

К предметам совместного ведения относятся вопросы социальной защиты (п. «ж» ст. 72 Конституции РФ). Федеральные законы устанавливают ряд мер по социальной защите обучающихся. В законах субъектов РФ «Об образовании» также содержатся аналогичные нормы. Закрепляется право на выбор образовательного учреждения и формы образования, на получение стипендии, мест в общежитиях и интернатах, льготное питание, проезд на транспорте, устанавливается запрет на привлечение обучающихся без их согласия и согласия родителей к труду, не предусмотренному образовательной программой, и др. Большинство законодательных и исполнительных органов субъектов РФ ограничились воспроизведением положений федерального законодательства. Дополнительные меры по социальной защите обучающихся предусматривают, в частности, законы республик Карелия, Марий Эл и Кабардино-Балкария.

Вместе с тем основные нормы содержатся в федеральном законодательстве и иных нормативных правовых актах. Они могут вполне регулировать отношения по организации образовательной деятельности в субъекте Федерации даже при отсутствии в данном регионе собственных норм. Дело в том, что законы, принятые органами РФ, имеют прямое действие. Даже обнаружив в них пробелы, не закрытые в связи с отсутствием региональных актов, они вполне могут быть устранены на основании аналогии закона или аналогии права. Поэтому о федеральном образовательном праве вполне можно говорить как о системе норм.

Что же касается норм в области образования и воспитания каждого отдельного субъекта, то они не имеют самостоятельного предмета правового регулирования (он является совместным). Но главное не в этом. Без федеральных норм региональные правовые акты не могут быть применены, поскольку они неизбежно носят дополняющий характер. Они представляют собой отдельные фрагменты норм, которые приобретают системный характер лишь в сочетании с федеральными нормами.

С другой стороны, система федеральных норм получает свое дополнение и развитие в нормах субъектов Федерации. Поэтому систему конституционного права РФ составляют не только нормы Федерации, но и нормы ее субъектов. По предметам совместного ведения РФ и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними и иные нормативно-правовые акты субъектов РФ. Перечень этих вопросов в сфере образования прямо установлен Конституцией РФ (ст. 72, подпункты «е» и «ж»).

Конституция РФ не запрещает субъектам РФ до принятия соответствующего Федерального закона осуществлять самостоятельное правовое регулирование по вопросам совместного ведения, если это не противоречит основам конституционного строя и не отменяет, и не умаляет права и свободы человека и гражданина.

В соответствии с Протоколом к Федеральному Договору «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органа-

ми власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга» до принятия соответствующих законов РФ по вопросам, отнесенным Федеральным Договором к совместному ведению согласно его ст. 11, органы государственной власти краев, областей вправе осуществлять по этим вопросам собственное правовое регулирование. При издании в последующем федеральными органами актов по таким вопросам, акты краев, областей приводятся в соответствие с федеральными актами (ст. 5). Конституционный суд РФ подтвердил данное положение.

Также это право получило свое законодательное оформление в статьях федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ» №119-ФЗ от 24.06.1999. Закон также определяет процедуру участия субъектов РФ в федеральном законодательном процессе по предметам совместного ведения.

До настоящего времени субъекты РФ не могли напрямую влиять на устранение пробелов федерального законодательства, которое развивалось как бы само по себе и тем самым ставило региональных законодателей перед сложнейшей проблемой самостоятельного решения многих вопросов не регионального уровня, а требующих своего разрешения на общегосударственном федеральном уровне.

Приобретая в соответствии с Конституцией РФ новые возможности и новые права, и будучи максимально приближенными к правоприменительной деятельности, законодатели субъектов РФ намного быстрее реагируют на практические потребности общества в регулировании тех или иных отношений.

Для дальнейшего гармоничного развития законодательства субъектов об образовании необходимо определить на федеральном уровне предмет исключительного ведения субъектов Российской Федерации.

Предметы ведения следует определить федеральным законом «О разграничении предметов ведения в области образования». Распределение предметов ведения должно быть единым для всех, исходя из принципа единого образовательного пространства.

При разграничении предметов ведения государство за собой должно закрепить:

- гарантии прав граждан РФ в сфере образования;
- защиту прав, свобод и интересов участников образовательной деятельности;
- контроль и надзор за сферой образования;
- установление и обеспечение путем бюджетного финансирования приоритетности бесплатного образования;
- регулирование организационных, управленческих отношений;
- установление образовательных уровней и цензов, типов и видов образовательных организаций, образовательных программ;
- установление перечня направлений и специальностей обучения;
- установление государственных стандартов;
- установление общих требований к организации и содержанию образовательного процесса, в том числе аттестацию обучающихся и выпускников в соответствии с государственными образовательными стандартами, лицензирование образовательной деятельности, государственная аттестацию и аккредитацию образовательных организаций;
- налогообложение в сфере образования;
- установление порядка официального признания субъектов образовательной деятельности, в частности организационно-правовых форм, порядка создания и государственной регистрации образовательных организаций;
- установление правил приема в бюджетные образовательные учреждения;
- обеспечение государственной безопасности;
- координацию международного сотрудничества;
- установление ответственности участников учебного процесса.

В компетенцию региональных органов управления образованием должны входить:

- проведение федеральной политики в области образования;
- разработка национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов и установление контроля за их внедрением;
- установление региональных нормативов финансирования образования и местных налогов на его цели;
- информационное и материально-техническое обеспечение учебных заведений;
- разработка и реализация региональных программ развития высшего образования с учетом региональных и национальных особенностей;
- поддержка и стимулирование образовательной деятельности.

При этом должны учитываться параметры страны, которые в совокупности придают России неповторимую специфику, в частности: особенности национального менталитета и политической культуры, сосуществование многих этнонациональных групп и культур, множество конфессий, не имеющее аналогов разнообразие природно-климатических зон.

Примечания:

¹ Конституция РФ М., 1003. С. 28 и оптимизация отношений государства и общества.

² Конституции государств Европы: В 3 т. / Ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3.

⁴ Конституция Швейцарии. Конституции государств Европы: В 3 т. / Ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 547 – 548.

⁵ Конституция Испании. Конституции государств Европы: В 3 т. / Ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 56.

⁶ Конституция Италии. Конституции государств Европы: В 3 т. / Ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 103.

⁷ Комментарий к Закону РФ «Об образовании». М., 1998. С. 447 – 449.

О.А. Зайцев, А.А. Тишин

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ. ДЕПРИВАТИЗАЦИЯ

Понятие и правовая природа договора приватизации жилья в современной юридической литературе трактуется неоднозначно. Некоторые авторы исходят из того, что приватизация жилья является сугубо публичным правоотношением. Это позволяет им вообще ставить под сомнение договорную природу акта передачи квартиры в собственность¹. Другие ученые, обращая внимание на наличие в приватизационном правоотношении административных элементов, делают вывод, что договор приватизации является комплексным². Подобные мнения иногда встречаются и на практике. Так, Министерство юстиции Дагестанской АССР дало разъяснение от 21 декабря 1990 г. о том, что «передача квартир не является гражданско-правовой сделкой, а представляет собой административный акт»³.

С рассмотренными подходами трудно согласиться. Приватизация жилья не является публичным правоотношением, потому что базируется на закрепленном в Законе о приватизации жилищного фонда⁴ принципе добровольности, в ее основе лежит не веление государства, а свободно выраженная воля нанимателя и членов его семьи. Указание на организационный характер приватизационных отношений не колеблет их гражданско-правовую природу, так как в науке гражданского права обоснована позиция, согласно которой организационные отношения, в процессе которых происходит формирование имущественных отношений, входят в предмет гражданского права⁵.

Поскольку договор приватизации жилья не поименован в ГК РФ, возникает вопрос: к какому типу и виду договоров его отнести? Договор приватизации является безвозмездным, поэтому его нельзя рассматривать как договор купли-продажи. Спорно отождествление договора приватизации жилья с дарением⁶, так как инициатива в его заключении исходит не от собственника, а от нанимателя. Трудно согласиться с отнесением договора приватизации и к договору присоединения, что иногда предлагается в научной литературе⁷. Смысл договора присоединения состоит в том, что другая сторона должна присоединиться к предложенному договору в целом, а в договоре приватизации жилья граждане имеют право выбора некоторых условий договора например, вид собственности).

Мы разделяем мнение авторов, считающих, что договор приватизации жилья с 1991 г. является новым видом гражданско-правового договора⁸. По своим признакам он ближе всего соприкасается с группой договоров, направленных на передачу имущества в собственность. При этом договор приватизации жилья относится к категории договоров, предусмотренных не ГК РФ, а специальным законом – Законом о приватизации жилищного фонда в РФ. Это вполне допустимо с точки зрения ГК (ст. 421). По своей характеристике договор приватизации жилья является безвозмездным, консенсуальным (так как жилое помещение находится во владении будущего собственника до его заключения), взаимным. Договор заключается в простой письменной форме.⁹

По вопросу заключения договора приватизации надо поддержать точку зрения И.В. Петровой, что заявление гражданина, направленное собственнику жилья, следует считать офертой¹⁰. Действительно, в

заявлении гражданина содержатся все существенные условия договора: предмет, вид собственности, размер доли и подпись гражданина, что он согласен с условиями договора, установленными в Законе о приватизации жилищного фонда. В ст. 8 Закона по сути дан срок для акцепта (2 месяца). В случае отказа от акцепта гражданин вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор (п. 4 ст. 445 ГК).

Статья 7 Закона о приватизации жилищного фонда устанавливает, что право собственности на приобретенное жилое помещение возникает с момента государственной регистрации права в едином государственном реестре учреждениями юстиции. Такая формулировка порождает некоторые вопросы. Применительно к государственной регистрации ГК РФ предусматривает два варианта: регистрация перехода права собственности или регистрация договора. Что же имеет в виду Закон о приватизации? Поскольку мы имеем дело с переходом права собственности на жилое помещение, то представляется справедливым взять за ориентир нормы ГК о купле-продаже жилых помещений, которые предусматривают обязательную государственную регистрацию договора. На обязательную регистрацию договора приватизации жилья указывается в юридической литературе¹¹, кроме того, на это ориентирует и судебная практика.¹² Таким образом, право собственности на приватизируемое жилое помещение возникает из сложного юридического состава, включающего два юридических факта: договор и акт регистрации договора.

В этой связи представляется ошибочным высказанное в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. «О некоторых вопросах применения судами Закона РФ "О приватизации жилищного фонда в РФ"»¹³ мнение о том, что по наследству переходят те жилые помещения, наниматели которых выразили желание их приватизировать, но не успели в установленном порядке оформить право собственности на занимаемую жилую площадь (заключить договор передачи жилья или зарегистрировать его). Как уже отмечалось, договор приватизации жилья подлежит обязательной государственной регистрации. Регистрация здесь имеет правообразующее значение. «Только после регистрации договора жилое помещение может считаться приватизированным и стать впоследствии объектом наследования»¹⁴. Кроме того, мы считаем, что Постановление Пленума ВС РФ вводит новую правовую норму, а это выходит за рамки компетенции суда. Думается, что наиболее приемлемым способом разрешения противоречия явилось бы закрепление соответствующей нормы непосредственно в Законе о приватизации жилищного фонда.

Предпосылкой заключения договора приватизации, согласно Закону о приватизации жилищного фонда, является получение согласия всех совместно проживающих совершеннолетних членов семьи, а также несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. При этом Закон не содержит норм, предусматривающих необходимость истребования согласия на приватизацию и участие в ней бывших членов семьи нанимателя. Поскольку в соответствии со ст. 53 ЖК РСФСР они имеют такие же права и обязанности как наниматель и члены его семьи, то их согласие на приватизацию так же необходимо¹⁵. На это обращает внимание и Верховный Суд РФ¹⁶. Данное правило следовало бы закрепить в ст. 2 Закона о приватизации жилищного фонда.

В качестве особых субъектов договора приватизации жилья необходимо выделить несовершеннолетних. В аспекте защиты их прав ключевым выступает вопрос, являются ли несовершеннолетние обязательными субъектами приватизации, т.е. включаются ли они во всех случаях в договор передачи жилья в собственность? Постановление Пленума ВС РФ от 24 августа 1993 г. предусматривает возможность отказа со стороны родителей и других законных представителей несовершеннолетних от включения последних в число участников общей собственности на квартиру при наличии разрешения органов опеки и попечительства. Представляется, что это правило противоречит ч. 2 ст. 7 Закона о приватизации жилищного фонда, которая содержит хотя и не совсем четкую, но однозначную формулировку, что «в договор передачи жилого помещения в собственность включаются несовершеннолетние...». Так же большинство ученых полагает, что несовершеннолетние должны в обязательном порядке включаться в договор приватизации жилья, вне зависимости от согласия законных представителей и разрешения органа опеки и попечительства.¹⁷

Значительные споры вызывает проблема деприватизации расприватизации жилья.¹⁸ Мы рассматриваем эти слова как синонимы, хотя имеются и иные точки зрения. Что же понимается под этими терминами? Многие исследователи считают, что деприватизация представляет собой расторжение договора приватизации жилья с одновременным возвращением собственнику жилого помещения статуса нанимателя¹⁹. Такая позиция вызывает возражения. Считаем, что необходимо различать понятия деприватизации и расторжения договора приватизации. По мнению Ю.К. Толстого, «о расторжении договора может идти речь, когда договор полностью или частично еще не исполнен»²⁰. Договор приватизации жилого

помещения считается исполненным с момента его регистрации в органах юстиции и возникновения у гражданина права собственности. После надлежащего исполнения договор так же, как и основанное на нем обязательство, прекращается, а, следовательно, к моменту деприватизации изменять или расторгать уже нечего. Отсюда можно сделать вывод, что деприватизация — это «новое явление в общественной жизни, требующее узаконения»²¹.

Мы предлагаем рассматривать деприватизацию как новый самостоятельный вид гражданско-правового договора, который закреплен в Законе о приватизации жилищного фонда. Прямое правовое регулирование этого договора на сегодняшний день сводится к одной статье – ст. 9.1 названного Закона. Этого явно недостаточно, необходимы дополнительные нормы, регулирующие договор деприватизации. В их отсутствие к этому договору можно применять общие положения ГК РФ, а также по аналогии нормы о договоре приватизации (например, безвозмездный характер, согласие совместно проживающих членов семьи, государственная регистрация и др.).

С проблемой правовой природы деприватизации связано право на повторную приватизацию. Ряд авторов предлагают признать за лицом, осуществившим деприватизацию, право «участвовать в приватизации жилья на общих основаниях»²². С этим трудно согласиться, ведь гражданин, заключив договор передачи жилья, фактически и юридически воспользовался правом на однократную приватизацию, а затем по каким-либо причинам сложил с себя правомочия собственника. Из этого исходит и ст. 31 проекта Жилищного кодекса РФ, которая предусматривают сохранение права на приватизацию жилья только в случае признания договора приватизации недействительным.

Сегодня с новой силой обсуждается идея ускорения процесса приватизации жилья, например, путем установления конкретного срока окончания бесплатной приватизации. Мы полагаем, что эта мысль не может быть поддержана, поскольку не отвечает основным принципам Закона о приватизации жилищного фонда и противоречит ч. 2 ст. 55 Конституции РФ.

Примечания:

¹ Ефимова А., Поповченко А. Гражданин, квартира, собственность // Хозяйство и право. 1994. № 3. С. 86.

² Купрякова С.И. Правовое регулирование приватизации жилья в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 17.; Исрафилов И. Форма сделок по приватизации жилья // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 38.

³ Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» № 1541-1 от 4.07.1991 // ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 1, Ст. 959; 1993. № 2. Ст. 68; СЗ РФ. 1994. № 16. Ст. 1949.

⁴ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 6. С. 50; Егоров Н.Д. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2000.

⁵ Вердиян Г.В. Право частной собственности граждан на индивидуальной жилой дом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 17.

⁶ Сухарева Е.Р. Приватизация и осуществление права собственности на приватизированные жилые помещения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

⁷ Корнеев С.М., Крашенинников П.В. Приватизация жилищного фонда. М., 1996. С. 42; Литовкин В.Н. Комментарий к законодательству о приватизации жилья. М., 1993. С. 44; Петрова И.В. Правовая природа договора приватизации жилья // Вестник СГАП. 1999. № 3. С. 31; Исрафилов И. Указ. статья. С. 38. и др.

⁸ Форма примерного договора на передачу квартир (домов) в собственность граждан приведена в приложении 2 к Примерному положению о приватизации жилищного фонда в РСФСР (утв. постановлением коллегии Госкомитета ЖКХ РСФСР № 7 от 18.10.1991).

⁹ Петрова И.В. Указ. статья. С. 31.

¹⁰ Седугин П.И. Жилищное право: Учебник для вузов. 2-изд. М.: НОРМА, 2002. С. 250; Корнеева И.Л. Жилищное право Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2002. С. 183.

¹¹ Пункт 8 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» № 8 от 24.08.1993 (в редакции от 21.12.1993, с изм. от 25.10.1996).

¹² Данилов Е.П. Жилищные споры: комментарий законодательства. Адвокатская и судебная практика. Образцы исковых заявлений и жалоб. М.: Право и Закон, 2000. С. 212 – 216.

- ¹³ Купрякова С.И. Указ. автореф. С. 21.
- ¹⁴ Петрова И.В. Проблемы приватизации жилых помещений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СГАП, 2000. С. 14; Седугин П.И. Указ. соч. С. 244.
- ¹⁵ Купрякова С.И. Указ. автореф. С. 21.
- ¹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 5. С. 12 – 13.
- ¹⁷ Фаршатов И. Охрана жилищных прав несовершеннолетних // Российская юстиция. 1999. № 8. С. 16; Цыбуленко З.И. Некоторые вопросы приватизации жилых помещений // Вестник СГАП. 1999. № 3. С. 26; Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Маслов Н.В. Комментарий к законодательству о приватизации жилищного фонда. М.: Изд-во БЕК, 1995. С. 70; Полин С. Правовое регулирование отношений, связанных с приватизацией жилья: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 10 и др.
- ¹⁸ Шабалин В.Г. Сделки с недвижимостью или как правильно и безопасно решить жилищные проблемы. М.: «Филинь», 1997. С. 160; Данилов Е.П. Указ. соч. С. 210.
- ¹⁹ Корнеев С.М., Крашенинников П.В. Приватизация жилищного фонда. С. 82; Соловьев А.А. Расприватизация жилья. Юридические последствия. М.: ПРИОР, 2001. С. 10; Полич С. Изменение и расторжение договора приватизации жилья // Законность. 1999. № 9. С. 32 – 33 и др.
- ²⁰ Толстой Ю.К. Жилищное право: Учеб. пособие. М.: Пост-Фактум, 1996. С. 43.
- ²¹ Петрова И.В. Указ. автореф. С. 7.
- ²² Радченко С. Последствия деприватизации жилья // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 22.

О.М. Дементьев

«СДЕЛКА О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ» – СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ

Еще до вступления в силу нового УПК РФ в научных кругах достаточно бурно обсуждался вопрос введения в Российском уголовном процессе института «сделки о признании вины». Принимавшие участие в обсуждении данной проблемы процессуалисты высказывались «за» и «против» введения данного института в практику Российского уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что и американские юристы, несмотря на то, что по данной форме разрешается до 95 % уголовных дел¹, также неоднозначно относятся к сделке о признании вины. Так профессор Джон Х. Лангбеин предлагает даже замену практики признания вины более реалистичными процедурами защиты прав обвиняемых в уголовном процессе континентального законодательства². Ллойд А., Уайнреб Л. вообще считает, что сделка о признании вины — проявление отказа в правосудии³. Карл Персон отмечает более 30 негативных моментов, связанных с заключением соглашения о признании вины⁴.

Во время обсуждения проекта нового УПК РФ юристы разделились на два лагеря – «противников» и «защитников» данного института, данная тенденция продолжается и в настоящее время.

Профессор И.Л. Петрухин – член комиссии по судебной реформе при Президенте Российской Федерации – последовательно высказывался о неприемлемости данного института для современной России⁵. К его мнению присоединялись другие авторы⁶.

Представителей лагеря «защитников» все же больше. Уже в 1998 г. Совет судей РФ в Постановлении от 3.04.1998 высказался за введение такого рода сделок⁷, аналогичное решение было принято и V Съездом судей РФ 29 ноября 2000 г. Сюда же можно отнести и мнение судьи Верховного суда РФ В. Демидова⁸, доцента Самарского государственного университета В. Лазаревой⁹ и других авторов¹⁰.

Действительно, введение данного института в российский уголовный процесс не могло не вызвать такого бурного обсуждения. Российское уголовное судопроизводство за всю историю своего развития не знало такой формы разрешения уголовного преследования. Следует отметить, что это касается не только российского уголовного процесса, но и европейского законодательства.

Что же явилось причиной распространения этого сутоубо американского процессуального института в различные страны?

Основными причинами, на мой взгляд, являются:

Во-первых – сокращенный порядок судопроизводства и уменьшение нагрузки на судей, особенно при рассмотрении и разрешении уголовных дел по очевидным преступлениям, что дает им возможность более серьезно и скрупулезно рассматривать сложные дела.

Если говорить о сокращенном порядке уголовного судопроизводства необходимо отметить, что это является реализацией принципа «скорого суда», продекларированного поправкой VI к Конституции США. «При всяком уголовном преследовании обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд...»¹¹. Если обратиться к нормам права международного, то в той или иной степени «скорый суд» соответствует понятию «разумный срок» на публичное судебное разбирательство уголовного дела, установленного ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 г.¹²

Профессор Йельской школы права А.Р. Амар в своей работе «Основные принципы шестой поправки» толкует принцип «скорого суда» как минимизацию периода с момента совершения преступления до предъявления обвинения и назначения наказания¹³.

Это действительно важно как с позиции обвиняемого, так и с позиции общественного интереса. Обвиняемый меньше времени находится в неизвестности по поводу наказания, которое ему будет назначено судом, и это особенно важно, когда мы говорим о лицах, впервые вставших на путь совершения преступления, и которые остро переживают свое вовлечение в уголовную юрисдикцию. С другой стороны, когда мы говорим о соблюдении общественного интереса, то общество в лице своего представителя – потерпевшей стороны, быстрее получает «возмездие» за попрание установленных обществом законодательных норм в сфере права материального (уголовного). То есть мы вправе говорить об определенном балансе противоположных интересов, что как раз достигается заключаемым стороной обвинения (с участием потерпевшего) и стороной защиты соглашением о признании вины.

Проблема уменьшения нагрузки на судебский аппарат была актуальна во все времена. Особенно это касается российской действительности. «Разгул» демократии, появление огромной массы исковых заявлений, связанных с защитой личных имущественных и неимущественных прав граждан, нестабильная экономика – все это привело к такому росту объема рассматриваемых в судах дел, что судьи, при некомплектованности штатов, буквально «задохались» разгребая эти «авгиевы конюшни». Естественным следствием данного процесса явился рост неправомερных судебных актов, что могло только усилить негативную оценку деятельности правоохранительных и правоприменительных органов со стороны общества в целом.

Мы не вправе говорить, что «панацеей» от этой беды будет институт «сделки о признании вины», но свою положительную роль он уже играет. Например, за два года действия нового УПК РФ до 30 % дел в Тамбовской области, в зависимости от конкретного региона, разрешались в «особом порядке».

Кроме приведенных выше двух наиболее значимых оснований, необходимо отметить, что кроме «разгрузки» судебного аппарата данный институт также уменьшает нагрузку на следователей, дознавателей и прокуроров, снижает материальные расходы, сопутствующие расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела. Сюда можно отнести и расходы по вызову свидетелей, проведению экспертиз и т.п.

Можно долго обсуждать положительные и негативные моменты, связанные с введением данного института, но цель статьи несколько иная – проанализировать, насколько «заимствование» из уголовного процесса США законодательно урегулировано в России, разрешены ли противоречия и несоответствия, касающиеся практики применения процессуальных норм, регулирующих данный институт, возможные пути законодательного разрешения этих противоречий.

Для этого будет необходимо обратиться к первоисточнику заимствования – Федеральным Правилам уголовного процесса США (Правило 11)¹⁴, а также к иным источникам, регулирующих применение «сделки» в США.

Начнем с толкования основания для применения «особого порядка» – согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Если обратиться к нормам УПК РФ, регулирующим особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, то ст. 314 предоставляет обвиняемому право заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Необходимым условием заявления такого ходатайства является согласие государственного или частного обвинителя и потерпевшего, а также участие защитника.

Обратимся к первоисточнику заимствования – Правилу 11 п. (а), § (1) Федеральных Правил уголовного процесса: «Ответчик может заявить, что он не виновен, виновен или (с согласия суда) «*nolo contendere*». Что же скрывается под этим латинским юридическим термином? Юридический толковый словарь дает следующий перевод и его краткое определение – «я не буду бороться, состязаться», что технически не означает признание вины в совершенном преступлении, но судья будет рассматривать просьбу (заявление) «отказа от состязания» как признание вины в предъявленном обвинении¹⁵. То есть

природа согласия с предъявленным обвинением по американскому законодательству носит двойственный характер: первое – это признание себя виновным в совершении преступления, второе – согласие, не оспаривание предъявленного обвинения. Параграф (3) указанного пункта обязывает суд при принятии просьбы (заявления) «отказа от состязания» рассмотреть мнения сторон (по поводу обвинения) и общественный интерес в эффективном отправлении правосудия. Для простой просьбы (заявления) о признании вины таких дополнительных условий не предусмотрено.

На мой взгляд, размежевание или разграничение форм согласия обвиняемого с предъявленным обвинением имеет большое значение при решении вопроса о наказании и соблюдении интересов общества.

Если мы говорим о признании обвиняемым вины, что включает в себя активное способствование раскрытию и расследованию преступления (согласно действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства), возмещение причиненного вреда и т.п., то мы можем предполагать, что обвиняемый в какой-то мере или же действительно (особенно, если речь идет о неосторожных преступлениях) раскаялся, и он человек для общества не потерянный, ему можно назначать наказание, не связанное с лишением свободы, т.е. признание обвиняемым своей вины в той или иной степени соответствует общественным интересам.

Когда же мы говорим о *согласии* обвиняемого с предъявленным обвинением, то необходимо отметить, что природа и мотивация дачи такого согласия могут быть различными и согласие с предъявленным обвинением еще не означает, что обвиняемый действительно виновен в инкриминируемом ему деянии. Такое согласие не в полной мере соответствует общественным интересам, в связи с чем, как указывалось выше, процедура принятия просьбы (заявления) «отказа от состязания» в американском законодательстве несколько усложнена.

Я думаю, что в отечественное уголовно-процессуальное законодательство необходимо также внести поправки, разграничивающие эти две формы согласия обвиняемого с предъявленным обвинением и дополнить ч. 1 ст. 314 УПК РФ абзацем следующего содержания:

«Под согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением следует считать:

- признание обвиняемым своей вины в совершении инкриминируемого ему деяния;
- не оспаривание обвиняемым предъявленного ему обвинения».

Вторая проблема, с которой мы сталкиваемся, исследуя институт «особого порядка» – это время заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в «особом порядке».

В соответствии с нормами ч. 2 ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства:

«1) в момент ознакомления с материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 218 настоящего Кодекса;

2) на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со ст. 229 настоящего Кодекса».

Из смысла данной нормы вытекает, что права обвиняемого, по той или иной причине согласившегося с предъявленным ему обвинением, на быстрое разрешение уголовного дела и получение должного наказания несколько ограничены:

– уголовное дело должно быть окончено расследованием с составлением обвинительного заключения или акта;

– обвиняемый уже не вправе ходатайствовать об «особом порядке» на предварительном слушании, назначаемым специально по данному основанию (п. 66 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 92-ФЗ от 4.07.2003).

Если вновь обратиться к первоисточнику заимствования – Федеральным Правилам Уголовного процесса США, то Правило 11 п. (с) § 1 определяет, что сторона обвинения (прокурор, атторней) и сторона защиты (обвиняемый или его защитник) в любое время после ареста (задержания) вправе обсуждать и достигать соглашения о признании вины, даже до того момента, когда прокурор сформулирует обвинение¹⁶. При этом необходимо отметить, что данная процедура – просьба о признании вины возможна с указанного выше момента до стадии рассмотрения уголовного дела в суде в обычном порядке. Такая процедура отвечает как конституционным положениям о «скором суде», так и о соблюдении общественного интереса.

Возможно ли введение такой процедуры в российском уголовном процессе?

Я считаю, что да, возможно.

Если оглянуться немного назад, в нормы УПК РСФСР, то в них была предусмотрена сокращенная форма уголовного судопроизводства – протокольная форма досудебной подготовки материалов (гл. 34 УПК РСФСР). Необходимым основанием для применения данной формы являлось установление личности правонарушителя. По факту совершенного преступного деяния опрашивались очевидцы, собирались иные материалы, подтверждающие его вину, характеризующие его личность, включая опрос правонарушителя, признающего свою вину (полностью или частично) в совершении преступления. Итоговым документом данной сокращенной формы уголовного судопроизводства был протокол об обстоятельствах совершенного преступления, который вместе с материалами проверки, с согласия прокурора, направлялся в суд для рассмотрения уголовного дела по существу. При этом необходимо отметить, что Федеральным законом № 141-ФЗ¹⁷ от 15.11.1997 в ст. 415 УПК РСФСР были внесены изменения, в соответствии с нормами которого, Протокол имел двойную природу – это было и постановление о возбуждении уголовного дела (реализация принципа состязательности в уголовном процессе – отграничение функции обвинения от функции правосудия)¹⁸ и псевдо-обвинительное заключение – итоговый документ проведенного по поступившему заявлению или сообщению о преступлении дознания.

На мой взгляд, один из способов разрешения описанной выше проблемы – применение практики протокольной формы досудебной подготовки материалов при «особом порядке», т.е. орган дознания или следователь, в случае признания правонарушителем своей вины в совершенном преступлении, проводит проверку по поступившему заявлению или сообщению о преступлении в порядке, который был предусмотрен нормами ст. 415 УПК РСФСР, но итоговым документом проведенной проверки будет не Протокол об обстоятельствах совершенного преступления, а «Соглашение о признании вины», которое после согласования его условий и подписания стороной обвинения – прокурором и потерпевшим, стороной защиты – обвиняемым и его защитником, направляется в суд для рассмотрения по существу утверждения и постановления обвинительного приговора.

Нормативное регулирование данной процедуры, возможное содержание «Соглашения» в данной статье не рассматриваются, это предмет отдельного исследования.

Я попытался обозначить лишь часть проблем, с которыми мы сталкиваемся, говоря о законодательном регулировании «особого порядка».

Как уже отмечалось в начале статьи, процессуальный институт «сделки о признании вины» имеет неоднозначную оценку у юристов не только России и США, но и европейских стран, в которых делаются попытки законодательного экспорта некоторых его норм в свое уголовное судопроизводство.

Как бы то ни было, несмотря на неоднозначность его оценок, данный институт, в силу многих причин, главной из которых большинство авторов называют перегруженность судов, прокуроров и органов расследования, постепенно завоевывает право на существование в законодательных системах все большего количества государств.

Примечания:

¹ BUREAU OF JUSTICE STATISTICS, U.S. DEP'T OF JUSTICE, FELONY SENTENCES IN STATE COURTS, 1998, at 8 – 9 (2001), <http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/>.

² Langbein H. Torture and Plea Bargaining. University of Chicago Law Review. 1978. Vol. 3. P. 46.

³ Wienreb L.L. Denial of Justice. N. Y. 2-nd Ed. 1983.

⁴ Person Carl E. The Evils of Plea Bargaining. <http://www.lawmall.com>.

⁵ Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. № 3; Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5; Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2006. № 2.

⁶ Напр.: Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5.

⁷ Российская юстиция. 1998. № 6. С. 4.

⁸ Демидов В. Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 4.

⁹ Лазарева В. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 184; Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. 1999. № 5.

¹⁰ Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7; Морозова И., Анненков А., Дадонов С. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Российская юстиция. 2000. № 10; Золотых В., Цыганенко С. Новая практика применения особого порядка судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 5; Халиков А. Вопросы, возникающие при особом по-

рядке судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 1; Шишов Е.Е. Сделки о признании вины и перспективы их использования в отечественном уголовном судопроизводстве // Проблемы теории, законодательства и практики правоохранительных органов по стабилизации и снижению роста преступности в России: Материалы науч.-практ. конф. Тамбов, 2000.

¹¹ Подборка материалов для занятий с российскими судьями. Департамент юстиции США. 1995. С. 4.

¹² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 1.01.1990, 6.11.1990, 11.05.1994) // Собрание законодательства РФ. 2001. Ст. 163.

¹³ Amar A.R. Sixth Amendment first principals. Ch. II: The Georgetown Law Journal. 1996. V. 34, № 4. P. 649 – 677.

¹⁴ <http://www.law.cornell.edu/topics/topic2.html#criminal%20justice>.

¹⁵ <http://dictionary.law.com>.

¹⁶ Ronald Wright & Marc Miller The Screening/Bargaining Tradeoff. Stanford Law Review. 2002. Vol. 55. P. 78.

¹⁷ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» № 141-ФЗ от 15.11.1997 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 46. Ст. 5244.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» № 19-П от 28.11.1996.

Р.А. Герасимов

ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

Конституционное право на жилище, как и любое другое право, не может быть абсолютным, человек живет в обществе, и интересы отдельного индивида соприкасаются и часто вступают в противоречие с интересами других. Важнейшим регулятором человеческого общения являются социальные нормы, в число которых входят и нормы права.

Право на жилище, рассматриваемое в контексте общего учения о правах и свободах человека и гражданина, должно подвергаться оценке с тех же позиций его возможного ограничения, что и остальные субъективные права и свободы. Но прежде следует определиться с тем, что будет являться ограничением субъективного права.

Категория «ограничение» широко используется в юридической литературе применительно к закреплению изъятий из установленного общего права. Вместе с тем, как справедливо отмечает Б.С. Эбзеев, ограничение права следует отличать от границ права (формулировки права), которые не ограничивают право, а определяют через него имманентные пределы¹. Это важно отметить, поскольку часто выражение «пределы осуществления» употребляется в юридической речи как синоним «ограничения».

Установление пределов поведения лица присуще праву как одно из его имманентных свойств, как одно из его начал, вытекающих из необходимости регулировать общественные отношения, упорядочивать их, а значит, определять сферу должного. Воеводин Л.Д. пределы осуществления прав и свобод определяет «как совокупность сложившихся на основе существующих в обществе социальных ценностей критериев и ориентиров, очерчивающих границы пользования гражданами своими конституционными правами и свободами, а также осуществления в пределах Конституции и законов органами государственной власти и органами местного самоуправления принадлежащих им полномочий»².

Право на жилище, как и любое иное субъективное право, характеризуется перечнем правомочий, включаемых в него (содержанием права). Содержание конституционного права на жилище может быть сведено к двум основным правомочиям: правомочию на приобретение жилища и правомочию на стабильное обладание жилищем³.

Исходя из этого, пределы такого правомочия конституционного права на жилище как право на приобретение жилища ограничиваются теми формами реализации указанного права, которые определены в законе. Реализация данного права в формах, не установленных правовыми нормами, по общему правилу, влечет применение санкций, либо иных мер восстановления нарушенных прав.

Например, ст. 99 ЖК РСФСР говорит о возможности выселения лиц, самовольно занявших жилое помещение. Статья 301 ГК РФ предоставляет собственнику право истребовать свое имущество (в том числе и жилое помещение) из чужого незаконного владения.

Что касается пределов осуществления такого правомочия как право на стабильное обладание жилищем, то оно, в первую очередь, определяются целевым назначением жилого помещения. Статья 7 ЖК РСФСР определяет, что жилые помещения предназначены для постоянного проживания. Аналогичная норма содержится и в ст. 288 ГК РФ. В силу этого, использование жилого помещения для иных целей, кроме проживания, не допускается.

Что же касается ограничения права, то его формально можно определить как изъятие из установленного нормативно-правовым актом общеобязательного правила⁴. Однако в демократическом обществе одно лишь формальное определение понятия «ограничение субъективного права» является недостаточным. Допустимость ограничения законом предоставляемых конституцией государства прав и свобод оправдана в силу необходимости защищать интересы граждан от злоупотребления правом. Таким образом, ограничение права предполагает установленное законом изъятие из существующего правомочия лица в целях общего блага, т.е. для предотвращения возможного использования правообладателем своего права во вред другим лицам и общественным интересам. Указанные цели конкретизируются правом.

Необходимость защиты личных и общественных интересов от злоупотребления правом порождает появление, в том числе и конституционных норм, регламентирующих основания и пределы ограничения субъективных прав.

Положения ст. 55 Конституции РФ содержат общие гарантии прав и свобод и условия их ограничения как специальную их гарантию. В ч. 2 данной статьи закреплена норма о том, что в России не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Часть 3 этой же статьи посвящена ограничению прав и свобод человека и гражданина, определяя основания и пределы их ограничения.

Остановимся на рассмотрении критериев допустимости (конституционности) ограничения субъективного права – основаниях и пределах его ограничения. В науке конституционного права принято выделять формальные и материальные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина⁵.

Ограничению прав и свобод человека и гражданина посвящена ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Конституционная норма указывает на два основания допустимого ограничения прав и свобод. Первое – формальное основание, т.е. форма ограничения – это федеральный закон, которым и только которым может быть ограничено субъективное право. Второе – материальное основание – это наличие фактических обстоятельств (жизненных ситуаций), с которыми Конституция РФ связывает возможность ограничения федеральным законом субъективного права.

Буквальное толкование Конституции РФ позволяет сделать вывод, что никаким иным нормативным правовым актом помимо федерального закона в соответствии с ее ч. 3 ст. 55 ограничить субъективное право нельзя. При этом не следует забывать, что указанные ограничения могут быть введены и самой Конституцией РФ⁶.

Материальные основания (случаи) ограничения субъективного права определяются конституционными целями его ограничения. Исходя из целей, ради достижения которых могут ограничиваться права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ, мы определяем те фактические обстоятельства, при наступлении которых возникает необходимость достижения соответствующей цели, в том числе путем ограничения субъективного права.

Конституция Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень случаев допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина, предусмотренные ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56, а именно: необходимость защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны, безопасности государства и граждан.

К числу целей допустимого ограничения прав и свобод Конституция РФ относит, прежде всего, защиту основ конституционного строя. Термин «основы конституционного строя» используется Конституцией Российской Федерации для обозначения достаточно широкого круга отношений, формально являющихся предметом правового регулирования гл. 1 Конституции РФ. Эти отношения имеют главенствующее значение в обществе, поэтому возможная угроза конституционному строю вполне обоснованно

воспринимается как посягательство на основы существования государства в целом и важнейшие принципы, составляющие основы демократического общества.

Целью ограничения прав человека и гражданина может стать защита нравственности. Это достаточно общая формулировка, ее юридическое содержание затруднительно конкретизировать, поскольку нравственность – категория философская, а не юридическая. В связи с этим она открывает законодателю широкий простор для усмотрения⁷. Возможность подобного усмотрения вызывает справедливые опасения, поэтому данное основание должно применяться достаточно взвешенно.

Рассматривая такую цель ограничения прав и свобод, как защита здоровья, важно отметить, что здоровье человека, наряду с жизнью, является высшей первичной социальной ценностью. Именно на их основе формируются, определяются и оцениваются все остальные ценности и блага современного общества. Жизнь и здоровье выражают биосоциальное бытие человека. Здоровье отражает состояние его «тела и души», т.е. включает в себя понятия физического и психического здоровья человека. Под здоровьем принято понимать естественное психофизиологическое состояние организма человека, характеризующееся его правильной и нормальной деятельностью, отсутствием физических дефектов и болезней, обеспечивающее индивиду полное физическое, психическое и социальное благополучие⁸.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты прав и законных интересов других лиц является развитием принципа, предусмотренного ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

При буквальном толковании данного основания мы можем получить проблему замкнутого круга: ограничение прав одного человека возможно в целях защиты прав другого, далее необходимо ограничить право второго, чтобы защитить права первого. При этом также следует учитывать, что недопустимо обеспечение осуществления субъективного права одним лицом за счет ограничения того же субъективного права другого лица, поскольку иное противоречило бы конституционному принципу равенства всех перед законом и судом⁹.

В свете изложенного данное основание подлежит применению с учетом оценки общественной значимости ограничиваемого субъективного права, с одной стороны, и права либо совокупности прав, ради обеспечения которых производится ограничение, с другой стороны, в том числе с учетом оценки субъектного состава этих прав (но не на персональном уровне), а также численного состава обладателей равных прав. Приоритет должен отдаваться прежде всего правам и законным интересам социально менее защищенных лиц перед иными лицами, неопределенного круга лиц перед конкретным лицом (общественным интересам). Общественная значимость субъективных прав должна оцениваться с позиций общественной, а не индивидуальной или групповой справедливости.

Обеспечение безопасности государства так же, как и оборона страны, состоят в сохранении существующей системы управления общества и сложившихся общественных отношений, а также физической (материальной) основы – населения, территории, природы. Данные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина являются самыми существенными, поскольку выражают фактически основу жизнедеятельности каждого человека. Общеизвестно, что ограничение прав одного человека справедливо в случае необходимости достижения обеспечения обороны и безопасности страны и государства. Страна, государство и конституционный строй представляют собой несомненное общее благо. Интересы государства как олицетворения всего его населения всегда будут превалировать над интересами отдельного человека.

Рассмотрим, насколько проанализированные нами допустимые ограничения субъективных прав применяются к конституционному праву на жилище в контексте правомочий, составляющих его содержание.

Что касается правомочия на приобретение жилища, то основным, выявленным нами ограничением, является ограничение, установленное в ч. 3 ст. 40 Конституции РФ. Согласно данной норме малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Цель и основания данного ограничения обусловлены направленностью социальной политики и финансовыми возможностями государства, причем указанные основания ограничения прав и свобод не упомянуты в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, среди общих допускаемых Конституцией РФ оснований.

В связи с этим полагаем, что данное ограничение имеет особую природу, которая определяется тем, что данное ограничение установлено самой Конституцией РФ, а также тем, что это ограничение имеет

опосредованную юридическую природу. Как отмечает А.В. Должиков, ограничения ряда социальных прав имеют лишь частичную юридическую природу, поскольку зависят от состояния экономики и иных неправовых факторов¹⁰.

Само появление в Конституции РФ нормы, установленной в ч. 3 ст. 40, по нашему мнению, обусловлено тем, что в период существования советского строя применительно к доле участия государства в реализации права граждан на жилище превалировал подход, в соответствии с которым государство играло главенствующую роль в обеспечении граждан жилыми помещениями. В силу этого, при изменении общественно-политического строя в начале 90-х гг. прошлого столетия и последовавших в связи с этим изменений в социальной политике государства в новой конституции потребовалось специально указать ограничения государственного участия в предоставлении жилых помещений гражданам.

Действительно, общая норма о праве на жилище, содержащаяся в ч. 1 ст. 40 Конституции РФ не позволяет судить о том, в какой мере обеспечение права на жилище является социальной обязанностью государства. Поэтому уяснение сущности и границ данного права в современных условиях должно производиться исключительно путем системного анализа всех конституционных норм, касающихся права на жилище. Сущность ограничения состоит в установлении особого субъектного состава лиц, имеющих право на получение жилища бесплатно или за доступную плату.

Во-первых, указанные лица должны являться гражданами Российской Федерации. Скорее всего, разработчики проекта Конституции РФ исходили из того, что прямые жилищные социальные обязательства государства возможны лишь в отношении лиц, имеющих устойчивую публично-правовую связь с Российской Федерацией – гражданство. По нашему мнению, в определенной мере данный подход оправдан.

Во-вторых, граждане должны быть признаны нуждающимися в жилище. Критерии этого признания устанавливаются законодательными актами, и основаны на принципе необходимости наличия у лица достаточного жилого помещения, отвечающего установленным требованиям.

В-третьих, гражданин должен иметь статус малоимущего или иного указанного в законе лица. Критерии наличия статуса малоимущего устанавливаются нормативно-правовыми актами и определяются исходя из социально-экономических условий, сложившихся в стране и ее регионах на конкретный период. Что касается иных, указанных в законе лиц, то, как правило, это лица, либо находящиеся на государственной службе (военнослужащие и т.п.), либо имеющие иные, кроме статуса малоимущего, социально значимые признаки, определяющие необходимость их защиты со стороны государства.

Только одновременное наличие указанных критериев позволяет отнести лицо к той категории, которая вправе требовать со стороны государства исполнения своих прямых социальных обязательств по удовлетворению ее жилищных потребностей.

Определенные ограничения правомочия на приобретение жилого помещения также установлены законодательством при условии введения режимов чрезвычайного и военного положения, которые мы рассмотрим ниже.

Правомочие на стабильное обладание жилищем включает в себя куда более значительный перечень ограничений субъективного права на жилище. Рассмотрим их в контексте уже описанных нами оснований ограничения прав и свобод. Следует отметить, что в силу направленности нашего исследования нами не рассматриваются такие формы ограничения субъективных прав, как судебные и договорные, упоминаемые П.В. Крашенинниковым¹¹. В смысле ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничения, являющиеся предметом рассмотрения науки конституционного права, могут быть установлены только нормативными правовыми актами.

Говорить о том, что реализация конституционного права на жилище может нанести ущерб основам конституционного строя Российской Федерации было бы неверным. По данному основанию правомочие на стабильное обладание жилищем в силу своей специфики в принципе ограничено быть не может.

Однако такое основание, как защита нравственности, уже находит свое отражение в ряде законодательных актов. Вместе с тем, прежде следует рассмотреть вопрос о том, в чем собственно может заключаться ограничение правомочия на стабильное обладание жилищем. По нашему мнению, данное ограничение может быть выражено в установлении определенных законодательных запретов на обладание жилым помещением, неисполнение которых влечет наложение юридических санкций. Собственно санкции не являются ограничением субъективных прав в их конституционном смысле, они, как правило, направлены на их восстановление, а также имеют превентивную направленность. Однако санкции являются тем критерием, который позволяет выявить закрепленные в законе ограничения субъективных прав.

В контексте нашего исследования не все санкции имеют конституционно-правовой смысл для выявления существующих ограничений правомочия на стабильное обладание жилым помещением, а только те, которые влекут существенное изменение или утрату данного правомочия субъектом-правообладателем: выселение из жилого помещения (расторжение договора найма) или прекращение права собственности на жилое помещение.

Также следует отметить, что существенное изменение или утрата прав на жилое помещение может и не носить деликтного характера и основываться на принципе равнозначного возмещения утраченного права, однако допустимость этой возможности законодательными актами также позволяет говорить о наличии ограничений субъективного права.

Однако вернемся к ограничениям правомочия на стабильное обладание жилищем в целях защиты нравственности. Согласно ст. 98 ЖК РСФСР возможно выселение без предоставления гражданам жилого помещения лиц, лишенных родительских прав, если их совместное проживание с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, признано невозможным. Цель данного ограничения может быть обоснована защитой прав и интересов несовершеннолетних, однако, основной целью введения данного ограничения, по нашему мнению, является защита нравственных норм.

Что касается такой цели ограничения субъективных прав, как защита здоровья, то нормы жилищно-законодательства (ст. 91 ЖК РСФСР) содержат условие о том, что возможно выселение граждан с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения в связи с тем, что дом (жилое помещение) грозит обвалом, либо подлежит сносу или переоборудованию в нежилое помещение. Согласно ст. 8 ЖК РСФСР одним из оснований сноса или переоборудования жилого помещения в нежилое является его признание непригодным для проживания. Целью введения указанных ограничений является защита здоровья, а иногда и жизни, лиц, проживающих в жилых помещениях, непригодных для проживания или грозящих обвалом.

Основная масса ограничений правомочия на стабильное обладание жилым помещением связана с защитой прав и интересов других лиц. Сюда можно отнести следующие: прекращение прав на жилое помещение лиц, систематически разрушающих или портящих жилое помещение (ст. 98, ст. 123, ст. 136 ЖК РСФСР, ч. 2 ст. 687 ГК РФ); прекращение прав на жилое помещение лиц, использующих жилое помещение не по назначению (ст. 98, ст. 123, ст. 136 ЖК РСФСР, ст. 293, ч. 4 ст. 687 ГК РФ); прекращение прав на жилое помещение лиц, систематически нарушающих правила общежития, что делает невозможным проживание с ними в одной квартире или одном доме, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными (ст. 98, ст. 123, ст. 136 ЖК РСФСР), систематически нарушающих права и интересы соседей (ст. 293, ч. 4 ст. 687 ГК РФ); прекращение прав на жилое помещение лиц, не производящих оплату жилья и коммунальных услуг в течение шести месяцев (ч. 6 ст. 15 Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики»), не вносящих плату за жилое помещение в течение шести месяцев (ч. 2 ст. 687 ГК РФ); прекращение прав на жилое помещение, подлежащее сносу в связи с отводом земельного участка для государственных и общественных нужд (ст. 92, 117, 137 ЖК РСФСР), подлежащее изъятию в связи с изъятием земельного участка для государственных и муниципальных нужд (ст. 239 ГК РФ); прекращение права собственности на жилое помещение лица, которое бесхозяйственно обращается с жилищем, допуская его разрушение (ст. 293 ГК РФ).

Что касается ограничений конституционного права на жилище в условиях чрезвычайного положения, то следует отметить, что прямых ограничений правомочия на приобретение жилого помещения не предусмотрено, однако возможность введения ограничений на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение, а также введение особого режима въезда на указанную территорию и выезда с нее, включая установление ограничений на въезд на указанную территорию и пребывание на ней иностранных граждан и лиц без гражданства (п. «б» ст. 11 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»), позволяет говорить и об ограничении в результате этих действий правомочия на приобретение жилого помещения, поскольку свобода передвижения, а также выбора места пребывания и жительства является важным условием реализации права на приобретение жилища.

Определенные ограничения в связи с введением чрезвычайного положения касаются и правомочия на стабильное обладание жилым помещением. В случае введения чрезвычайного положения может быть предусмотрено, в частности, временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений (п. «а» ст. 13 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»). Данные действия в определенной степени можно отнести к ограничению правомочия на стабильное обладание жилым помещением.

Федеральным конституционным законом «О военном положении» предусмотрено, что установление военного положения на территории, на которой оно введено, на основании указов Президента РФ применяются следующие меры, прямо или косвенно ограничивающие конституционное право на жилище:

– запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства (п. 8 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении») и временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений (п. 3 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении»).

Кроме того, в период действия военного положения федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в целях производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, специальных формирований и для нужд населения могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений, в том числе и на оборот имущества¹², как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено. Указанные федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения.

Проведенный нами анализ пределов и ограничений конституционного права на жилище позволяет говорить о том, что в целом указанные ограничения, закрепленные в действующем законодательстве, соответствуют критериям допустимости и обоснованности. Вместе с тем, установление их четкого перечня и проведения их четкой классификации должно являться предметом отдельного исследования.

При этом значимость изучения пределов и ограничений конституционного права на жилище определяется тем, что провозглашение любого субъективного права в нормативном акте само по себе является формальностью, которая для своего претворения в жизнь нуждается в установлении механизма реализации указанного права, а также определения исчерпывающего перечня оснований и пределов правомерного (допустимого) ограничения субъективного права (в случае, если ограничение соответствующего субъективного права допустимо в принципе). Только при наличии указанных основных правовых гарантий реализации конституционного права на жилище можно говорить о реальности последнего.

Примечания:

¹ Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву («круглый стол») // Государство и право. 1998. № 7. С. 24.

² Там же. С. 47.

³ Марткович И.Б. Жилищное право: Закон и практика. М., Юридическая литература, 1990. С. 31; Крашенинников В.П. Жилищное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Статут», 2003. С. 14.

⁴ Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 121.

⁵ Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ В международных документах также существуют подобные категории. Например, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека одной из допустимых целей ограничения прав является «удовлетворение справедливых требований морали».

⁸ Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 128.

⁹ Ст. 19 Конституции РФ.

¹⁰ Должиков А.В. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Крашенинников В.П. Указ. соч. С. 56.

¹² Представляется, что в перечень данного имущества вполне могут быть включены и жилые помещения.

Л.В. Коломникова

**СУЩЕСТВЕННОЕ НАРУШЕНИЕ НОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ
К ОТМЕНЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ**

От других видов защиты прав и законных интересов граждан судебная отличается в первую очередь строго регламентированным порядком ее осуществления. Нормы процессуального права тесно связаны между собой и направлены на обеспечение всестороннего исследования судом обстоятельств дела, а в конечном итоге – на вынесение законного и обоснованного решения. Суд, являясь основным субъектом гражданских процессуальных правоотношений, обладает властными полномочиями, проявляющимися одновременно как его права и обязанности. Процессуальная деятельность суда в любой стадии осуществляется в определенной законом процессуальной форме, нарушение которой иногда приводит к вынесению незаконных и необоснованных решений.

По характеру деятельности суда можно выделить четыре формы реализации им норм процессуального права: соблюдение, исполнение, использование и применение¹. Нарушение нормы процессуального права по смыслу ст. 364 ГПК РФ связано с их неисполнением, несоблюдением, неиспользованием судом первой инстанции и одновременно является основанием к отмене решения в апелляционном и кассационном порядках. Неправильное применение, как правило, выражается в том, что суд либо применил норму процессуального права, не подлежащую применению, либо не применил процессуальную норму, подлежащую применению. И если неправильное применение норм материального права всегда приводит к отмене или изменению решения нижестоящего суда, то нарушение или неправильное применение норм процессуального права не всегда приводят к таким последствиям.

Закон формулирует достаточно гибкое правило: нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием к отмене решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению спора, (ст. 364 ч. 1 ГПК РФ). Одинаковые по характеру нарушения процессуальных норм в одних случаях прямо ведут к принятию неправильного решения или порождают сомнения в его правильности, в других же – не имеют таких последствий. Поэтому важное значение для определения правильности решения приобретают разделение судебных ошибок на существенные и несущественные.

Существенность в данном контексте означает юридическую важность, значимость допущенных ошибок и необходимость их устранения, определяемую с учетом конкретных обстоятельств дела. Так, в одних случаях, невыполнение судом полномочия по разъяснению сторонам их прав и обязанностей может привести к вынесению незаконного решения, в других – не повлечет таких последствий. К существенным принято относить, в первую очередь, нарушения принципов гражданского процессуального права², так как они оказывают воздействие на права и обязанности, поведение субъектов процессуальных правоотношений. Нарушение процессуальных гарантий субъективных прав лиц, участвующих в деле, и не только общих, закрепленных ст. 35 ГПК РФ, также могут быть признаны судом апелляционной и кассационной инстанций существенными, так как их ущемление может привести к вынесению необоснованного решения. К существенным можно отнести нарушения и других основных институтов гражданского процессуального права: представительства, третьих лиц, судебного доказывания, подведомственности и др., а также порядка производства в суде первой инстанции.

Существенное нарушение обрядов и форм судопроизводства было одним из поводов кассации, предусмотренных Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. Так, А.Х. Гольмстен в Учебнике русского гражданского судопроизводства 1913 г. указывал, что существенным будет такое нарушение обрядов и форм, когда «между данным нарушенным обрядом, формой и решением должна быть причинная связь, дающая основание предположению, что будь данный обряд или данная форма выполнена, получилось бы противоположное решение или никакого решения не состоялось бы».³ Сосуществовало одно серьезное ограничение: тяжущийся, имевший возможность своевременно указать суду на нарушение каких-либо форм и обрядов и не воспользовавшийся этим правом, считался подчинившимся тем невыгодным последствиям, которые могли для него иметь означенные нарушения, и впоследствии уже не вправе приводить эти нарушения, как повод кассации.⁴

В настоящее время, хотя понятия «существенности» нарушений в ГПК нет, как и в прежнем российском законодательстве, однако, правило ч. 1 ст. 364 ГПК РФ очень похоже на указанное выше: существенными следует считать те ошибки, которые предполагают возможность вынесения судом первой инстанции неправильного решения или ставят под сомнение правильность процессуальной деятельности лиц, участвующих в деле. По нашему мнению, недостатком данной нормы является отсутствие положения о том, что лица, участвующие в деле, имевшие возможность указать на нарушение норм процессуального права и не сделавшие это, не вправе ссылаться на данное нарушение как основание для

отмены решения суда. Данное положение вполне согласуется с принципами диспозитивности и состязательности, которые являются основополагающими для современного гражданского процесса.

Наиболее серьезные из существенных нарушений выделены законодательством отдельным перечнем в ст. 308 ч. 2 ГПК РСФСР 1964 г. Лесницкая Л.Ф. назвала их безусловными основаниями к отмене решения.⁵ Она указывала, что отсутствие в прежнем законодательстве норм, устанавливающих перечень безусловных оснований к отмене решения, отрицательным образом сказывалось на борьбе с процессуальными нарушениями, затрагивающими основные правила процесса; на единообразии судебной практики при отмене решений вследствие несоблюдения правил судопроизводства.⁶ Кац С.Ю. условно разделяет их на три категории:

- 1) нормы, характеризующие нарушение принципов процесса;
- 2) нормы, регулирующие процессуальные гарантии для лиц, участвующих в деле;
- 3) нормы, обеспечивающие надлежащее оформление процессуальных документов⁷.

В настоящее время выделение безусловных оснований к отмене является искусственным и нецелесообразным. Данное выделение оснований к отмене и ранее не означало, что, обнаружив их, суд второй инстанции должен автоматически, не проверяя законность и обоснованность решения целиком, отменял его. Это могло бы привести к формализму и повторному вынесению неправильного решения. Вышестоящий суд, выявив нарушения процессуального законодательства, должен был проверить, соответствует ли решение требованиям обоснованности и правильно ли применен материальный закон, а в случае наличия в решении ошибок такого рода в определении об отмене указать на них, наряду с процессуальными нарушениями.

С введением в 2002 г. в действие гражданского процессуального кодекса РФ указанный перечень остался практически прежним, что на наш взгляд неправильно, поскольку новое процессуальное законодательство претерпело значительные изменения, которые не могли не отразиться на приоритетах судебной защиты при пересмотре судебных постановлений второй инстанцией. В связи с усилением действия принципа состязательности, отсутствием института народных заседателей необходимо, если не исключить, то хотя бы откорректировать положения ч. 2 ст. 364 ГПК РФ.

Первым в перечне безусловных оснований к отмене решения в означенной статье ГПК РФ указано рассмотрение дела в незаконном составе судей. Еще до введения в действие ГПК РФ в юридической литературе высказывалось мнение, что данное нарушение практически не находит своего применения в практике, так как около 80 – 85 % гражданских дел рассматривается единолично судьей и требование о соблюдении правил формирования состава суда и его деятельности утрачивают смысл.⁸ В настоящее время, на наш взгляд, нет необходимости выделять указанное нарушение в качестве безусловного основания к отмене в связи с отсутствием его применения в практике. Чаще всего ошибка, связанная с незаконным составом суда, рассматривающим дело, была обусловлена отсутствием согласия на единоличное рассмотрение дела в тех случаях, когда дело, согласно ст. 6 ГПК РСФСР, может быть рассмотрено как единолично, так и коллегиально. В ГПК РФ регламентировано, что гражданские дела в судах первой инстанции рассматриваются судьями этих судов единолично или в предусмотренных законом случаях коллегиально (ч. 1 ст. 7 ГПК РФ). Законом же, а именно ч. 3 ст. 260 ГПК РФ, предусмотрен лишь один случай рассмотрения гражданского дела по первой инстанции в коллегиальном составе трех профессиональных судей – о расформировании избирательной комиссии, комиссии референдума.

Что касается случаев незаконного назначения судей, нарушение правил об отводе, которые также были отнесены к данному основанию, то их можно рассматривать как отсутствие судопроизводства по первой инстанции вообще. В Болгарском гражданском процессуальном законодательстве такого рода ошибки ведут к «ничтожности» решения, которая не порождает в результате никаких правовых последствий и тем самым отличается от отмены.⁹

Следующее безусловное основание к отмене судебного решения, предусмотренное ст. 364 ГПК РФ, – рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле, не извещенных о времени и месте судебного заседания. Такого рода ошибки связаны с нарушением основных принципов гражданского процессуального права: состязательности, диспозитивности и равноправия сторон, так как не извещение лишает лиц, участвующих в деле, возможности осуществления своих прав, предусмотренных ст. 35 и ст. 57 ГПК РФ.

Следует отметить, что основание к отмене, предусмотренное п. 4 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ (суд разрешил вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле) непосредственно связано с нарушением тех же принципов, так как также лишает лиц, которые не привлечены к участию в деле осуществлять свои права и защищать законные интересы, как и в первом случае. Поэтому, искусственное разделение двух однородных нарушений нецелесообразно.

Кроме того, явное усиление все тех же принципов в гражданском процессуальном праве требует увеличения гарантий заинтересованным лицам в осуществлении их прав в гражданском процессе. На наш взгляд, для этого необходимо ввести вместо указанных оснований в перечень безусловных оснований к отмене решений в апелляционном и кассационном порядке новое основание: нарушение прав юридически заинтересованного лица на участие в деле.¹⁰ Это основание не только позволит объединить п. 2 и п. 4 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ, но и охватит весьма распространенные ошибки, допускаемые судами при определении процессуального положения лиц, участвующих в деле¹¹, а также другие нарушения, связанные с осуществлением лицами, участвующими в деле своих прав и законных интересов. Возможность выделения указанного основания к отмене самостоятельно, как «безусловного», в случае сохранения законодателем перечня безусловных оснований к отмене, обусловлено все большим проникновением в гражданское процессуальное право состязательных начал.

Наиболее распространенным нарушением права лиц, участвующих в деле на участие в процессе, является рассмотрение дела в отсутствие лица, в отношении которого в деле нет сведений о его извещении, о времени и месте слушания, что является нарушением ст. 167 ГПК РФ, согласно которой при отсутствии таких сведений суд должен отложить разбирательство по делу. Это нарушение может быть связано с тем, что суды иногда, в силу ряда причин, не соблюдают установленный ГПК порядок извещения лиц, участвующих в деле (ст. 113 ГПК РФ). Но немаловажную роль в надлежащем извещении играют и почтовые службы, на которые возложены обязанности по доставке и вручению повесток и извещений. Не всегда организации почтовой связи возвращают в суд извещения о вручении повестки. Что же касается ст. 116 ГПК РФ, регламентирующей порядок вручения судебной повестки, он зачастую не соблюдается. Как правило, при вручении повестки, адресованной организации, определить, кто распечатал за ее получение невозможно, поскольку указана лишь фамилия получателя без указания должности и полномочий на получение повесток. Что касается вручения повесток гражданам, отсутствующим по месту жительства на момент прихода почтового работника, то в извещениях не указывается согласны ли на последующее вручение повестки члены семьи лица, которому адресована повестка, тогда как на это прямо указано в ст. 116 ГПК РФ. Важность вопроса о надлежащем и своевременном извещении участников процесса заключается в том, что нередко его отсутствие оказывает прямое воздействие на обоснованность судебного решения и вынесение решения при неявке лица, участвующего в деле и наличии извещения с указанными выше недостатками может послужить основанием к отмене решения.

Иногда судьи в отсутствие ответчика используют возможность, предоставленную ст. 233 ГПК РФ для вынесения заочного решения, без учета того, что в таком случае ответчик должен быть надлежащим образом извещен о времени и месте слушания дела. Такое самовольное упрощение судьей гражданского судопроизводства недопустимо, так как нарушает основные права лиц, участвующих в деле. Вынесенное таким образом заочное решение отменяется вышестоящим судом, если оно обжалуется в апелляционном или кассационном порядке.

Другая ошибка, нарушающая права юридически заинтересованных лиц на участие в процессе, связана с тем, что суд неверно определил круг лиц, участвующих в деле. Чаще всего такие ошибки связаны с непривлечением к участию в деле соучастников, третьих лиц, когда этого требует закон или обстоятельства дела. Как отмечает Л.Ф. Лесницкая, нарушение основных прав стороны будет и в том случае, когда лицо, в отношении которого вынесено решение участвовало в деле в качестве какого-либо другого участника процесса, а не стороны.¹² Полагаем, следует считать нарушением прав юридически заинтересованных лиц и такую ситуацию, когда эти лица, хотя и надлежащим образом извещены о слушании дела, однако, судья не дал им возможности высказаться по существу заявленного требования, так как участие в процессе не ограничивается простым присутствием во время судебного разбирательства. Суд не вправе постановить решение, не выслушав и не обсудив доводов лиц, участвующих в деле, явившихся по извещению суда в судебное заседание¹³.

Пункт 3 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ предусматривает такое безусловное основание к отмене решения, как нарушение правила о языке, на котором ведется судопроизводство, установленное ст. 9 ГПК РФ, согласно которому судопроизводство по гражданским делам ведется на русском языке – государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, которая входит в состав Российской Федерации и на территории которой находится соответствующий суд. На наш взгляд, нет необходимости выделять указанные нарушения в качестве самостоятельного основания к отмене решения, так как ошибка такого рода не что иное как нарушение прав юридически заинтересованных лиц на участие в деле, ведь нарушение принципа национального языка в результате приводит к невозможности полноценно защищать свои интересы и осуществлять права, т.е. фактически лишает лицо возможности участвовать в процессе. Таким образом, подобные ошибки следует рассматривать как частные случаи

нарушения прав юридически заинтересованного лица на участие в деле. Хотелось бы также отметить, что УПК РФ не относит указанный вид нарушений уголовного процессуального законодательства к категории безусловных оснований к отмене приговора, хотя без сомнения признает такие нарушения существенными.

Не бесспорно отнесение к категории безусловных оснований к отмене и таких нарушений, которые предусмотрены п. 5, 6, 8 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ. Нельзя не согласиться с мнением И.М. Зайцева и С.Ю. Медяковой о том, что п. 5, 6, 7 ч. 2 ст. 308 ГПК РСФСР утратили свое значение, так как практически не находят применения в кассационной практике.¹⁴ Это связано с тем, что как уже отмечалось выше, практически все гражданские дела рассматриваются судьей единолично. А ошибки, связанные с рассматриваемыми основаниями в основном относились к делам, где принимают участие заседатели. Действительно, нет необходимости выделять в качестве безусловных оснований к отмене нарушения, предусмотренные п. 5, 6, 8 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ, что, тем не менее не означает того, что решения, вынесенные с этими нарушениями не должны отменяться вышестоящим судом вообще. Думается, что общее правило о существенности, указанное в ч. 1 ст. 364 ГПК РФ применимо и к указанным видам судебных ошибок. Ведь выделение некоторых оснований к отмене в качестве безусловных имеет смысл лишь тогда, когда они отражают часто встречающиеся в практике нарушения наиболее важных гарантий, предоставляемых лицам, участвующим в деле, процессуальным законодательством.

Последнее безусловное основание к отмене решения – это отсутствие в деле протокола судебного заседания. Этот важный судебный документ содержит сведения о доказательствах, на основании которых суд постановил решение по делу, поэтому именно он в первую очередь дает возможность проверки судебного постановления, а также определить какие из доказательств, представленных сторонами, являются новыми. Случаи отсутствия протокола судебного заседания встречаются редко, однако такое нарушение всегда является существенным, так как препятствует суду второй инстанции в проверке вынесенного по делу решения, поэтому отнесено к категории безусловных оснований к отмене.

Перечень рассмотренных в этой главе безусловных оснований к отмене, по мнению большинства ученых-процессуалистов, необходимо расширить.¹⁵ Действительно, кардинальное изменение всего гражданского процесса не может не отразиться на взгляде законодателя по поводу того, какие нарушения приносят наибольший урон гражданскому судопроизводству. Однако, предпочтительнее вести речь не о расширении, а об изменении перечня безусловных оснований.

В этой связи необходимо отметить, что корректировка безусловных оснований к отмене, предусмотренная ст. 364 ГПК РФ, должна производиться в первую очередь с учетом потребностей лиц, участвующих в деле, с тем, чтобы обеспечить им наиболее благоприятную атмосферу для осуществления своих прав, а также с учетом сложившейся судебной практики.

Примечания:

¹ Подробнее об этих формах в ст. Н.И. Ткачева. Особенности реализации гражданских процессуальных норм в судебном разбирательстве // Вопросы теории и практики судебного разбирательства гражданских дел. 1988. С. 61 – 86).

² Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 28; Кац С.Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. М., 1980. С. 167– 168.

³ Хрестоматия по гражданскому процессуальному праву. М., 1996. С. 190.

⁴ Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства: Хрестоматия. Ярославль, 1912. С. 190.

⁵ Лесницкая Л.Ф. Нарушение процессуальных норм как основание к отмене судебных решений // Вопросы гражданского права, колхозного права и гражданского процесса. М., 1958. С. 225.

⁶ Лесницкая Л.Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М., 1974. С. 171.

⁷ Кац С.Ю. Проблемы пересмотра судебных постановлений по гражданским делам в порядке надзора: Дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1970. С. 598.

⁸ Зайцев И.М., Медякова С.Ю. Система оснований к отмене судебных постановлений // Вестник СГАП. 1996. № 1. С. 111.

⁹ Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе. М., 1989. С. 119 – 120, 178.

¹⁰ Викут М.А. О понятии юридической заинтересованности в статье «Юридическая заинтересованность – основание участия в судебном разбирательстве граждан и организаций» // Вопросы теории и практики судебного разбирательства гражданских дел. 1988. С. 29 – 38.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Лесницкая Л.Ф. Оснований к отмене обжалованных судебных решений. М., 1962. С. 81.

¹³ Комиссаров К.И. Последовательно-прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства. 1982. С. 4 – 9.

¹⁴ Зайцев И.М., Медядова С.Ю. Система оснований к отмене судебных постановления // Вестник СГАП. 1996. № 1. С. 112.

¹⁵ О дополнении безусловных оснований нарушениями принципов гласности, устности, непосредственности, непрерывности процесса, диспозитивности, независимости судей в работах: Лесницкая Л.Ф. Пересмотр решений в кассационном порядке. М., 1974. С. 173; Трубников П.Я. Судебное разбирательство гражданских дел. М., 1962. С. 174; Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. С. 57 – 58; Волжанин В.П. Ответственность судей и судебных органов за вынесение неправомερных решения // Совершенствование правового регулирования и порядка рассмотрения гражданских дел. Свердловск, 1989. С. 36 – 37; О недопустимости введения такого основания к отмене как проведение подготовительных действий без возбуждения судопроизводства см. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 26.

В.В. Гришина

ИСТОКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Информационный характер развития человечества очевиден. То, что мы именуем прогрессом, так или иначе результат информационного обмена. Накопление опыта (знаний, умений, навыков) одной человеческой особью само по себе никуда бы не вело, если бы накопленный опыт не передавался другим людям. Уже на самых ранних этапах истории человечества должны были быть выработаны правила, которые не позволяли бы утратить значимую для выживания информацию, будь то обжиг посуды, добыча руды или хранение от порчи пищи. Несомненно, такие правила существовали.

Что в первую очередь способствовало выживанию? Коллективный образ действий и сохранение опыта. Взаимодействие в сообществе оптимально, когда обеспечено поведенческими нормами, регламентировано. Постепенно информация о накопленном опыте оптимального взаимодействия аккумулируется в специфический вид информации, закреπленной в форме правового акта или правовой нормы.

Регулируется ли при этом нормами права информационный обмен? Думается, да, но нормирование обмена информации в данном случае лишь способствует обеспечению правомерного поведения. Чтобы не быть голословными, остановимся на тексте такого исторического источника, как Русская Правда. «Или будет кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому»¹, – читаем мы в «Русской Правде» (ст. 2). Требования к доказательственной информации, заложенные в этой норме, нетрудно соотнести с нормами, регулирующими доказывание в современном уголовном процессе. Далее в этой же статье «Правды» говорится: «...аще не будет на нем знаменна никаторого же, то ли приидеть видок; аще ли не может, ту тому конец...»². Таким образом, вещественное доказательство (или визуальная информация) – «кровав или синь», также как и устное свидетельство, являлось достаточным основанием для удовлетворения заявленных требований. Информация из уст самого пострадавшего не давала оснований для их удовлетворения. В «Русской Правде» есть и другие нормы, которые закрепляют требования к достоверности информации через привлечение свидетельских показаний. «Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к себе, 3 гривны, а видока два выведеть...»³ (ст. 10). Как видим, здесь требуется два свидетеля, а не один как в предыдущей норме. «Аже где възыщеть на друзе прочее, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека...»⁴ (ст. 15). Ответчик, следовательно, не лишен права отрицать информацию взыскателя, но в определенном порядке. Кроме видоков, в «Правде» упоминаются еще и послухи. Иногда формулировка такова «люди будутъ видели».

В «Русской Правде», разумеется, доказательственный процесс урегулирован лишь минимально. Тем не менее, правила информационного обмена имеют довольно сложную структуру. В некоторых случа-

ях, информация не требовала доказывания, так как с точки зрения авторов Правды являлась очевидной. Когда информация не носила очевидного характера, взыскателю предоставлялось право доказывания с использованием видоков, послухов, т.е. очевидцев, свидетелей. При этом уже тогда предусматривались случаи, когда одного свидетельства было недостаточно. Проверка на раскаленном железе придавала доказательству необходимый статус: «Аже иметь на железо по свободных люди речи...»⁵ (ст. 87).

Право свидетельствовать не имели по Правде холопы, но оговаривался порядок, когда такое право им временно предоставлялось. «А послушьства на холопа не складають; но оже не будет свободного, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа»⁶ (ст. 66).

Наконец, норма о «Поклепной вире» для нас явно ассоциируется с нормами о клевете, которые имеют, бесспорно, информационный характер. «Аще будет на кого поклепная вира, то оже будет послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли варяг или ин то два»⁷ (ст. 18). Тут необходимо отметить, что в рассматриваемом источнике уже имеются основания для деления имеющихся в нем информационных норм на процессуальные и материальные. Оставив пока последние, мы можем сделать вывод, что первый информационный процесс, урегулированный нормами права – это судебный процесс.

Что регулируют первые правовые источники? Во-первых, они перечисляют те формы поведения, которые противоречат пониманию общей пользы в определенный период времени. Во-вторых, предусматривают меры пресечения такого поведения. И, в-третьих, определяют порядок рассмотрения споров, наиболее актуальных для своего времени. Естественно, «поклеп» связывается только с попыткой приписать преступное деяние человеку, его не совершившему. Такой «поклеп» мог привести к тому, что невинный пострадал бы физически или материально. Воздействие информации на жизнь индивида в данном случае настолько очевидно, что уже в ранних источниках закрепляются способы защиты от недостоверной информации.

Но в основном в тех нормах, которые мы рассмотрели выше, речь идет о том, какая информация и в каком порядке предоставляется в судебный процесс истцом или ответчиком.

В более поздних источниках еще более очевидно стремление урегулировать, прежде всего, сам процесс рассмотрения споров при возникновении конфликтов разного рода. В «Псковской Судной грамоте» определены уже и судьи (по крестному целованию свое право приобретшие) и, в какой-то степени, их статус. «А который посадник слезет степени своей, орудия и судове самому упровливати, а иному насад его судове не пересужате»⁸ (ст. 6). В Новгородской Судной грамоте оговариваются сроки рассмотрения споров и требования к составу суда: «... судити два месяца, а болши дву месяць не волочити» (ст. 28)⁹; «... при которых докладчикех суд роскаже, ино тем докладчиком тот суд кончатъ» (ст. 20)¹⁰. В этих двух документах уже последовательно фиксируется порядок предъявления требований, привлечения свидетелей, опровержения требований и т.д. Вот некоторые примеры. «А коли будет с кем суд о земли о полнеи, или о воде, а будет на той земли двор, или ниви розстрадни, а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосед человек на 4 или на 5»¹¹ (Псковская судная грамота). В Новгородской Судной грамоте предусмотрено «...послуху на послуха не быть, а Пьсковитину не послуховать, ни одерноватому холопу, а холоп на холопа послух» (ст. 22)¹².

Не останавливаясь больше на содержании текстов этих и других источников, мы можем констатировать, что уже самые ранние источники имеют тенденцию нормировать процесс рассмотрения споров. Другими словами они регулируют судебный процесс, информационный характер которого не нуждается в доказывании. Следовательно, первый информационный процесс, регулируемый правом, – это судебный процесс, а отношения в нем – первые информационные правоотношения. Здесь следует только отметить, что дальнейшее развитие правовых норм привело впоследствии к формированию таких отраслей права, как гражданский и уголовный процесс.

Как нам представляется, следующим информационным процессом, подпавшим под правовое регулирование, стал образовательный процесс.

В работе известного американского философа – прагматика Джона Дьюи «Демократия и образование» приводится следующее утверждение: «Социальная жизнь протекает в общении, и это общение имеет образовательную направленность, т.е. сам процесс жизни сообща имеет образовательное значение»¹³. Образование является необходимым условием существования социума, без него сообщество людей не могло бы даже сохраниться, не говоря о развитии. Человеческий детеныш при рождении настолько беспомощен, что даже проблема простого выживания не может быть решена им самостоятельно без предварительного обучения.

Когда в сообществе людей достигается какой-то уровень цивилизации, то одновременно систематизируются способы обучения. Вполне допустимо говорить о формировании некой системы образования

в Древней Греции, Риме. Тем не менее, есть значительная разница между стихийным образованием через общение и специальным обучением молодежи. Стремление организовать этот процесс присуще человечеству, как уже сказано, с самых ранних периодов развития. Но узкие цели и локальный характер не позволяют рассматривать те или иные образцы систематизации иначе как исторический казус.

Уже на стадии формирования национального государства попытка создать систему образования являлась первой серьезной заявкой на информационный контроль со стороны властных органов. Общий объем информации в мире возрос настолько, что усвоение ее, передача следующему поколению требовала принципиально новых подходов. Собственно идея образовательной системы состоит в том, что государство предпринимает попытку создать контролируемую систему передачи информации. Предполагалось, что в такой системе будет обращаться только желательная, заранее определенная информация.

К XIX в. осознается невозможность продвижения к новым педагогическим идеалам без поддержки государства. Именно в это время начинается широкое движение за создание государственной системы школ. В свою очередь правители начинают осознавать, что систематическое внимание к образованию способно стать для них средством сохранения и (или) восстановления политической мощи и целостности. Впоследствии наполеоновские завоевания создали историческую ситуацию, которая подтверждала необходимость формирования гражданина через образование. «Государство не только взяло на себя техническое обеспечение образования, но и определяло его цель»¹⁴. С этого времени уместно говорить о правовом регулировании в данной области.

Германия стала первой страной, взявшей за создание всеобщего государственного обязательного образования от начальной школы до университета и за подчинение всех частных образовательных учреждений ревностному государственному регулированию. Немецкая идеалистическая философия (Фихте, Гегель) выдвинула идею о том, что образование – главная функция государства. Роль посредника между интересами отдельной личности, с одной стороны, и человечества, с другой, была отведена национальному государству.

Думается, мы можем сделать вывод о том, что создание информационной системы (а система образования, безусловно, таковой и является) формировало новый тип отношений, до сих пор не регулировавшихся нормами права и не имевших систематического характера. Период формирования «правильного», системного образования, по общему мнению, пришелся на последние триста лет. Хотя сам термин не существовал, внимание феномену информации стало уделяться достаточно. Проявлялось это, прежде всего, в двух аспектах: во-первых, объем информации требовал систематической подготовки лиц со специальными навыками (специалистами), и потому формируются системы передачи знаний; а, во-вторых, все более осознается влияние информации на умы людей, а вместе с тем на политическую стабильность.

Таким образом, формирование информационного законодательства можно отнести ко времени создания нормативных актов, регулирующих процессы передачи (распространения) информации в обществе. Система образования, в определенном смысле, стала первым, по настоящему массовым, средством информации. До создания такой системы газета, да и любое печатное средство не могло в силу объективных причин приобрести массовый характер.

Следовательно, вторым информационным процессом, регулируемым нормами права, становится образовательный процесс. При этом в рамках информационной системы, созданной государством в соответствии с осознаваемыми интересами национального развития, формируется, как уже отмечалось выше, новый тип правоотношений.

Только систематизировав и урегулировав образовательный процесс, человечество могло выйти на иной уровень информационных отношений. Направив информационные потоки в нужное русло, государства (с разной степенью успеха и в разные временные промежутки) выходят на принципиально новые экономические позиции. И, уже как следствие, активизированные экономические процессы (промышленная революция) потребовали регулирования отношений, ранее правовыми не являвшимися. На этом этапе начинает формироваться законодательство, которое нормирует уже собственно информационный обмен в широком смысле. С этого времени использование интеллектуальных ресурсов человечества становится все более и более урегулированным процессом. Вначале формируются патентное и авторское законодательство. Определяется понятие «тайна», осознаются и определяются юридические и другие аспекты информационной безопасности.

Примечания:

¹ Русская Правда. Краткая редакция. Текст по академическому списку // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 7.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Русская Правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 19.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 26.

⁹ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 307.

¹⁰ Там же. С. 306.

¹¹ Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. С. 26.

¹² Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 306.

¹³ Джон Дьюи. Демократия и образование. М., 2000. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 67.

С.В. Мартыанов

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ ЭМИССИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ

Непосредственно в Гражданском кодексе Российской Федерации не содержится термина «недобросовестная эмиссия», хотя в п. 3 ст. 835 ГК РФ говорится о признании выпуска ценных бумаг незаконным. Но и это понятие не находит более детального раскрытия в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Термин «недобросовестная эмиссия» раскрывается в ст. 26 Федерального закона «О рынке ценных бумаг». Согласно этой статье недобросовестной эмиссией признаются действия, выражающиеся в нарушении процедуры эмиссии, которые являются основанием для отказа в регистрации выпуска ценных бумаг, признания выпуска ценных бумаг несостоявшимся или приостановления эмиссии ценных бумаг. Исходя из определения статьи можно сделать вывод, что признание эмиссии недобросовестной влечет за собой следующие последствия: отказ в регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг; приостановление эмиссии ценных бумаг; признание выпуска эмиссионных ценных бумаг несостоявшимся. В то же время в законе используется понятие «признание выпуска ценных бумаг недействительным», а Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» в ст. 14 говорит еще и об аннулировании выпуска ценных бумаг.

Определения некоторых из перечисленных понятий содержатся в Положении о порядке приостановления эмиссии и признания выпуска ценных бумаг несостоявшимся или недействительным, утвержденном постановлением ФКЦБ РФ № 45 от 31.12.1997.

Так, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» не содержит определения и четкого разделения между понятиями «признание выпуска ценных бумаг несостоявшимся» и «признание выпуска ценных бумаг недействительным». Более того, ч. 7 ст. 26 этого закона упоминает эти понятия как равнозначные по правовым последствиям, а после термина «недействительный» в скобках следует «несостоявшийся». Тогда как в Положении № 45 указанные термины получили четкое разграничение. В нем установлено, что признание выпуска ценных бумаг несостоявшимся осуществляется регистрирующими органами самостоятельно в административном порядке до момента регистрации отчета об итогах выпуска ценных бумаг в случае: нарушения эмитентом в ходе эмиссии ценных бумаг требований законодательства России; обнаружения в документах, на основе которых зарегистрирован выпуск ценных бумаг, недостовер-

ной информации; непредставления эмитентом в регистрирующий орган отчета об итогах выпуска ценных бумаг после истечения срока их размещения или отказа регистрирующего органа в регистрации отчета об итогах выпуска; неразмещения предусмотренной решением о выпуске ценных бумаг доли, при неразмещении которой их выпуск признается несостоявшимся, а также в случае неразмещения хотя бы одной ценной бумаги выпуска. Выпуск ценных бумаг может быть признан несостоявшимся также в случае, если эмитентом в указанный в предписании срок не устранены нарушения порядка эмиссии, которые явились основанием для ее приостановления.

Признать выпуск ценных бумаг недействительным вправе только суд и только после регистрации отчета об итогах выпуска ценных бумаг в случае: нарушения эмитентом в ходе эмиссии ценных бумаг требований законодательства России; обнаружения в документах, на основе которых зарегистрирован выпуск ценных бумаг, недостоверной информации; в иных случаях, предусмотренных законодательством России о ценных бумагах.

Положение № 45 хотя и решает вопрос о разграничении недействительного и несостоявшегося выпусков ценных бумаг, но тоже имеет существенные недостатки. Так перечень оснований для признания выпуска ценных бумаг недействительным формулирует крайне расплывчато, что позволяет рассматривать любое нарушение требований законодательства в процессе эмиссии, как основание для признания выпуска ценных бумаг недействительным. Тогда как признание выпуска ценных бумаг недействительным представляет собой крайнюю и вынужденную меру воздействия на недобросовестного эмитента и требует более четкого и однозначного закрепления оснований применения этой меры.

Поэтому в ходе сложившейся практики суд принимает решение о признании выпуска ценных бумаг недействительным, только установив тот факт, что допущенные эмитентом или регистрирующим органом нарушения в процессе эмиссии носят существенный характер и нарушают права и законные интересы приобретателей ценных бумаг.

Признание выпуска ценных бумаг несостоявшимся или недействительным влечет одинаковые последствия, установленные разделом 6 Положения № 45 – аннулирование государственной регистрации выпуска ценных бумаг, т.е. внесение регистрирующим органом соответствующей записи в реестр зарегистрированных и аннулированных выпусков ценных бумаг, а также выпусков ценных бумаг, эмиссия которых приостановлена или возобновлена. Регистрирующий орган в срок не позднее 5 дней с момента аннулирования государственной регистрации выпуска ценных бумаг раскрывает информацию об этом в средствах массовой информации.

Кроме того, в случае признания выпуска ценных бумаг несостоявшимся или недействительным регистратор осуществляет аннулирование ценных бумаг, т.е. вносит соответствующую запись в реестр владельцев именных ценных бумаг, а также осуществляет иные операции по уменьшению количества ценных бумаг, предусмотренные законодательством России.

Признание выпуска ценных бумаг несостоявшимся или недействительным влечет изъятие из обращения ценных бумаг данного выпуска и возвращение владельцам таких ценных бумаг денежных средств (другого имущества), полученных эмитентом в счет оплаты ценных бумаг. В случае аннулирования государственной регистрации выпуска документарных ценных бумаг эмитент обязан осуществить погашение сертификатов ценных бумаг.

В целях обеспечения стабильности гражданского оборота эмиссионных ценных бумаг законодательством установлен сокращенный срок исковой давности по делам о признании выпусков ценных бумаг недействительными. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» срок исковой давности по таким делам равняется одному году с даты начала размещения ценных бумаг.

Хотя Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и упоминает о том, что приостановление эмиссии осуществляется регистрирующим органом до устранения нарушения в пределах срока размещения, возобновление эмиссии осуществляется по специальному решению регистрирующего органа, данной формулировки явно недостаточно для правильного понимания и применения данной процедуры. Помимо этого в законе недостаточно конкретизированы основания для приостановления эмиссии, более того, он устанавливает одинаковые основания как для приостановления эмиссии, так и для признания выпуска эмиссионных ценных бумаг несостоявшимся (нарушение эмитентом в ходе эмиссии требований законодательства России; обнаружение в документах, на основании которых был зарегистрирован выпуск ценных бумаг, недостоверной информации).

Более четко определение и последствия приостановления эмиссии ценных бумаг изложены в разделах 2 и 3 Положения № 45. Согласно абзацу 5 п. 1.3 Положения № 45 приостановление эмиссии ценных

бумаг представляет собой установление ФКЦБ РФ или иным регистрирующим органом временного запрета на осуществление действий, связанных с эмиссией ценных бумаг.

По сравнению с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» в Положении № 45 конкретизирован перечень оснований для приостановления эмиссии (размещения). В соответствии с п. 2.1 Положения эмиссия ценных бумаг может быть приостановлена ФКЦБ РФ или иным регистрирующим органом в случаях: нарушения эмитентом в ходе эмиссии ценных бумаг требований законодательства РФ; обнаружения в документах, на основании которых был зарегистрирован выпуск, недостоверной информации; наличия нарушений порядка ведения реестра владельцев именных ценных бумаг, в том числе повлекших приостановление действия или аннулирование лицензии у регистратора, осуществляющего ведение реестра владельцев именных ценных бумаг соответствующего эмитента.

В случае принятия решения о приостановлении эмиссии (размещения) ценных бумаг регистрирующий орган после установления фактов нарушения направляет эмитенту предписание об устранении выявленных нарушений. Таким образом, приостановление эмиссии (размещения) ценных бумаг:

- во-первых, производится самим регистрирующим органом;
- во-вторых, носит временный характер и не исключает возможность продолжения процедуры эмиссии;
- в-третьих, носит процедурный характер.

Основным критерием разграничения приостановления эмиссии (размещения) и признания выпуска ценных бумаг несостоявшимся является устранимость лежащих в их основе нарушений. Эмиссия ценных бумаг может быть приостановлена на этапе размещения ценных бумаг и представляет собой только временный запрет, действующий до устранения выявленных нарушений. По истечении срока размещения ценных бумаг (т.е. срока, в течение которого должны быть устранены выявленные нарушения) эти нарушения уже не могут быть устранены, т.е. основания для приостановления эмиссии (размещения) ценных бумаг носят устранимый характер, а основания для признания выпуска несостоявшимся – неустрашимый.

Подводя итог вышесказанному можно сделать следующие выводы.

Основные вопросы приостановления эмиссии, признания выпусков ценных бумаг несостоявшимися или недействительными предусмотрены Федеральным законом «О рынке ценных бумаг». Порядок применения указанных мер получил детальное регулирование в Положении о порядке приостановления эмиссии и признания выпуска ценных бумаг несостоявшимися или недействительным № 45. В то же время понятие недобросовестной эмиссии ценных бумаг, предложенное ст. 26 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» представляет судам и регулирующим государственным органам возможность для неоднозначного толкования. Кроме того, указанное определение частично не соотносится с другими положениями законодательства России о ценных бумагах. В частности, в законе два разных понятия «признание выпуска ценных бумаг несостоявшимися» и «признание выпуска ценных бумаг недействительным» используются как равнозначные. Положение № 45 дает четкие определения данных понятий и дифференцирует их. Однако неполный перечень оснований для признания выпуска ценных бумаг недействительным затрудняет принятие судом объективного и верного решения.

С.В. Мартьянов

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОСПЕКТУ ЦЕННЫХ БУМАГ

Понятие «проспект ценных бумаг» пришло на смену «проспекту эмиссии ценных бумаг» с принятием Федерального закона № 185-ФЗ от 28.12.2002 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О рынке ценных бумаг"» и о внесении дополнения в Федеральный закон "О некоммерческих организациях". В соответствии с новым Законом проспект ценных бумаг является документом эмитента, содержащим подробную и детальную информацию об эмитенте, его участниках (акционерах), органах управления, финансово-хозяйственной деятельности эмитента и его ценных бумагах. В общих случаях в нем указывается следующая информация:

I раздел – краткие сведения о лицах, входящих в состав органов управления эмитента, сведения о банковских счетах, аудиторе, оценщике, финансовом консультанте эмитента, а также об иных лицах, подписавших проспект;

II раздел – краткие сведения об объеме, сроках, порядке и условиях размещения ценных бумаг;

III раздел – основная информация о финансово-экономическом состоянии эмитента и факторах риска;

IV раздел – подробная информация об эмитенте;

V раздел – сведения о финансово-хозяйственной деятельности эмитента;

VI раздел – подробные сведения о лицах, входящих в состав органов управления эмитента, органов эмитента по контролю за его финансово-хозяйственной деятельностью, и краткие сведения о сотрудниках (работниках) эмитента;

VII раздел – сведения об участниках (акционерах) эмитента и совершенных эмитентом сделках, в совершении которых имелась заинтересованность;

VIII раздел – бухгалтерская отчетность эмитента и иная финансовая информация;

IX раздел – подробные сведения о порядке и условиях размещения ценных бумаг;

X раздел – дополнительные сведения об эмитенте и размещенных им ценных бумагах.

Если регистрация проспекта ценных бумаг осуществляется после государственной регистрации отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг, то проспект не содержит сведений о порядке и условиях размещения ценных бумаг (II и IX разделы).

Раскрываемая в проспекте ценных бумаг информация необходима для принятия потенциальным инвестором взвешенного и обоснованного решения о возможном приобретении ценных бумаг определенного выпуска. В связи с этим особую роль играют механизмы, обеспечивающие полноту и достоверность информации, раскрываемой инвесторам в проспекте ценных бумаг. Такими механизмами являются утверждение проспекта ценных бумаг уполномоченным органом управления эмитента и подписание проспекта ценных бумаг должностными лицами эмитента и третьими лицами.

Проспект ценных бумаг эмитента подлежит утверждению уполномоченным органом управления этого эмитента.

Проспект ценных бумаг акционерного, а также хозяйственного общества утверждается советом директоров (наблюдательным советом) или органом, осуществляющим в соответствии с федеральными законами его функции. Проспект ценных бумаг юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в иных организационно-правовых формах, утверждается лицом, осуществляющим функции исполнительного органа таких юридических лиц, если иное не установлено федеральными законами.

Проспект ценных бумаг подписывается:

а) лицом, занимающим должность (осуществляющим функции) единоличного исполнительного органа эмитента (директором, генеральным директором, президентом, управляющим, управляющей организацией);

б) главным бухгалтером эмитента или иным лицом, осуществляющим его функции;

в) аудитором (аудиторами), проверившим годовую бухгалтерскую отчетность эмитента, содержащуюся в проспекте ценных бумаг. А в случае, если годовая бухгалтерская отчетность эмитента за разные годы была проверена разными аудиторами, и такие аудиторы в силу объективных или субъективных причин не могут подписать проспект ценных бумаг, – аудитором, проверившим последнюю годовую бухгалтерскую отчетность эмитента, который вправе взять на себя ответственность за ту годовую бухгалтерскую отчетность, которая проверялась иными аудиторами, или специально приглашенным для этих целей аудитором;

г) независимым оценщиком, если такой оценщик привлекался эмитентом для:

– определения рыночной стоимости размещаемых ценных бумаг;

– определения рыночной стоимости имущества, являющегося предметом залога по облигациям эмитента, размещаемым с залоговым обеспечением;

– оказания иных услуг по оценке, связанных с осуществлением эмиссии ценных бумаг, информация о которых указывается в проспекте ценных бумаг;

д) финансовым консультантом на рынке ценных бумаг, если ценные бумаги размещаются путем открытой подписки (публичное размещение ценных бумаг) или для допуска ценных бумаг к публичному обращению, в том числе на торгах, проводимых фондовой биржей или иным организатором торговли на рынке ценных бумаг;

е) лицом, предоставившим обеспечение по облигациям эмитента, размещаемым с таким обеспечением;

ж) иными лицами по их усмотрению, в том числе юридическим консультантом, а в случае присвоения эмитенту или его ценным бумагам кредитного рейтинга рейтинговым агентством, – таким рейтинговым агентством.

Лица, подписавшие проспект ценных бумаг, при наличии их вины несут солидарно между собой субсидиарную с эмитентом ответственность за ущерб, причиненный владельцу ценных бумаг вследствие содержащейся в таком проспекте недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение инве-

стора информации, подтвержденной ими. Срок исковой давности для возмещения ущерба по этим основаниям составляет три года со дня начала размещения ценных бумаг, а в случае, если государственная регистрация (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг не сопровождалась регистрацией проспекта ценных бумаг, со дня начала публичного обращения эмиссионных ценных бумаг.

Субсидиарная ответственность эмитента с лицами, подписавшими проспект ценных бумаг, предполагает наличие основного должника – эмитента и дополнительных (субсидиарных) должников – лиц, подписавших проспект ценных бумаг. Соответственно требование владельца ценных бумаг о возмещении ущерба должно быть сначала предъявлено основному должнику – эмитенту и только в том случае, если основной должник не удовлетворяет такое требование или не отвечает на него в разумный срок, оно может быть предъявлено дополнительным (субсидиарным) должникам.

Солидарная (независимая) ответственность лиц, подписавших проспект ценных бумаг, между собой означает, что владелец ценных бумаг вправе требовать возмещения ущерба как от всех солидарных должников совместно, так и от любого из них в отдельности, причем как полностью, так и в определенной части. Владелец, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников.

Другим механизмом защиты инвесторов является государственная регистрация проспекта ценных бумаг в тех случаях, когда это предусмотрено законодательством.

Таковыми основаниями регистрации проспекта ценных бумаг Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» с изменениями от 28.12.2002 называет только размещения ценных бумаг путем открытой подписки или путем закрытой подписки среди круга лиц, число которых превышает 500. Тогда как старая редакция Федерального закона «О рынке ценных бумаг» предусматривала еще и обязанность эмитентов регистрировать проспект эмиссии ценных бумаг во всех случаях, когда номинальный объем эмиссии превышал уровень в 50 тысяч МРОТ.

Регистрирующий орган обязан осуществить государственную регистрацию проспекта ценных бумаг в течение 30 дней с даты получения проспекта ценных бумаг и иных документов, необходимых для его регистрации.

Регистрирующие органы вправе требовать от эмитента внесения в проспект ценных бумаг изменений и дополнений в случае обнаружения в нем недостоверной информации, не имеющей существенного значения, а также ошибок технического характера.

В течение срока размещения ценных бумаг эмитент обязан представить в регистрирующий орган изменения и дополнения проспекта эмиссии, отражающие любые обстоятельства, которые могут повлиять на принятие решения о приобретении ценных бумаг. Для создания стабильности прав владельцев ценных бумаг не допускается внесение изменений и дополнений в проспект ценных бумаг в части объема прав, удостоверяемых ценными бумагами, а также иных изменений, за исключением тех, которые касаются условий размещения ценных бумаг.

Здесь немаловажно отметить, что регистрирующие органы несут ответственность только за полноту сведений, содержащихся в проспекте ценных бумаг, но не за их достоверность. В данном случае под полнотой сведений следует понимать соответствие объема информации проспекта требованиям законодательства Российской Федерации о ценных бумагах. В обязанность регистрирующих органов входит проверка сведений, содержащихся в проспекте ценных бумаг относительно их достаточности и соответствия законодательству.

Регистрация проспекта ценных бумаг накладывает на эмитента ряд дополнительных обязательств, связанных с раскрытием информации о его финансово-хозяйственной деятельности и ценных бумагах.

Если эмиссия ценных бумаг сопровождается регистрацией проспекта ценных бумаг, каждый этап процедуры эмиссии ценных бумаг сопровождается раскрытием информации.

В случае регистрации проспекта ценных бумаг эмитент обязан осуществлять раскрытие информации в форме:

- ежеквартального отчета эмитента ценных бумаг (ежеквартальный отчет);
- сообщения о существенных фактах (событиях, действиях), затрагивающих финансово-хозяйственную деятельность эмитента ценных бумаг (сообщения о существенных фактах).

Также в случае регистрации проспекта ценных бумаг эмитент обязан обеспечить доступ к информации, содержащейся в проспекте ценных бумаг, любым заинтересованным в этом лицам независимо от целей получения этой информации.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНО- СТИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Проблема изучения психических состояний и поведения человека в экстремальных условиях относится к числу наиболее актуальных. Большинство исследований, посвященных данной проблематике, во многом преследовали утилитарные цели: изучались условия и разрабатывались рекомендации, обеспечивающие оптимальный уровень функционирования человека как звена единой технической системы, от которого зависит ее эффективность. Изучение, диагностика и коррекция негативных психических состояний недостаточно исследованы. Возникает чаще и чаще необходимость изучения психических состояний у субъектов труда, осуществляющих деятельность в особых и экстремальных условиях (в том числе у работников юридических специальностей). Это важная психолого-акмеологическая составляющая, ибо развитие профессионализма должно базироваться на детальном знании психологических механизмов и факторов детерминации деятельности. Любая деятельность специалиста в особых условиях состоит в определении структурных изменений, происходящих под влиянием этих условий, а так же в выявлении факторов, способствующих повышению эффективности деятельности. В психолого-акмеологических исследованиях психическое состояние рассматривается как комплекс характеристик субъекта труда, описывающих его готовность к деятельности и влияющих на продуктивность этой деятельности. Это дает возможность рассматривать не сами психические состояния как таковые, а их влияние на регуляцию деятельности и результативность.

В рамках эмпирического исследования изучалась группа студентов ОВД, представителей всех юридических специальностей, специфика их деятельности, особенности поведения в усложненных ситуациях. В ходе исследования было выявлено, что у многих из них стрессоустойчивость снижается из-за возникновения негативных психологических состояний типа динамических рассогласований, которые отрицательно сказываются на регуляции деятельности и снижают ее эффективность. При этом негативные психологические состояния воспринимаются как отрицательные эмоции и неприятные соматические ощущения (М.М. Решетников, К.В. Сельченков, А.Е. Тарас и др.)

В ходе исследования выделились три типа экстремальных ситуаций в деятельности сотрудников юридических специальностей и сотрудников ОВД.

К первому типу относятся ситуации «реального риска»: участия в боевых действиях; ожидание данной командировки и вследствие этого напряжение внутрисемейных отношений, «чеченский синдром» (посттравматические стрессовые расстройства); боевые задания по захвату преступников. Ко второму типу относятся ситуации типа «хроническая нестабильность»: необходимость действовать в условиях расслаивания между нравственным выбором и административным давлением, возможная подверженность угрозам. К третьему типу относятся ситуации «антиципация опасности»: опасность физического устранения, работа под присмотром сотрудников внутренней безопасности.

Среди факторов, связанных с оптимизацией условий их работы, выделены такие, как: поддерживающие отношения в коллективе, качество управления персоналом, стабильность нормативно-правовой основы деятельности. Особая роль принадлежит повышению мотивации труда. В числе факторов, влияющих на мотивацию, выделялись: перспектива карьерного роста, использование современной техники, возможность повышения квалификации, морально-психологический климат в коллективе. Было выявлено, что необходимо специально формировать у сотрудников психологическую готовность к деятельности в экстремальных ситуациях. Это можно делать как в процессе обретения необходимого опыта, так же самостоятельно, что требует применения соответствующих методик, направленных на развитие реакции на случайно действующие сигналы. Успешная деятельность в экстремальной ситуации напрямую зависит от личностных качеств и, в первую очередь, – волевых. Они необходимы для адекватного реагирования на сам факт появления нестандартной ситуации, для регуляции поведения, мобилизации сил на успешную деятельность. Исследования последних лет свидетельствуют, что воля структурно связана с мотивами личности, ценностными ориентациями, опытом, характерологическими особенностями. Данные связи позволяют развивать волевые качества за счет названных структурных компонентов, но в то же время существуют эффективные методики и, прежде всего, в юридической психологии, которые целесообразно использовать для повышения уровня профессиональной деятельности юристов.

Неотъемлемым компонентом активной деятельности в экстремальной ситуации является слаженная работа команды (персонала), которая наглядно показывает характер межличностных отношений как в

микрогруппах, так и во всем коллективе. Среди проводимой в этом направлении работы выступает организация профессионального роста – создание условий для повышения квалификации специалистов, формирование потребности в профессиональном развитии и достижениях, планирование профессиональной карьеры, снятие психологических барьеров по отношению к инновациям. Эти и другие отличные факторы, не идущие в разрез с самой деятельностью, направлены на создание достаточно высокого уровня развития специалистов. Особо хотелось обратить внимание на тот факт, что эффективность взаимодействия команды в экстремальных условиях, организация ее совместной деятельности во многом зависит от стиля общения и умений, связанных с ними. Это возможно осуществить через современные психотехнологии общения, а также коммуникативные тренинги.

В заключение хотелось отметить, что все полученные данные основаны на проводимом исследовании по выявлению оптимальной деятельности человека в экстремальных ситуациях. Но данная проблема значительно шире и требует междисциплинарного подхода к ее изучению.